

История мавров Испании

Флориан

History of the Moors of Spain

Florian

Электронная книга проекта Гутенберга по истории мавров Испании

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История мавров Испании

Автор: Флориан

Дата выхода: 16 августа 2007 г. [Электронная книга № 22337]

Последнее обновление: 2 января 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсер - Эл Хейнс

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ МАВРОВ ИСПАНИИ" ***

Продюсер Эл Хейнс

ИСТОРИЯ МАВРОВ ИСПАНИИ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО ОРИГИНАЛА М. ФЛОРИАНА.

К КОТОРОМУ ДОБАВЛЯЕТСЯ КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ ОБ ИСЛАМИЗМЕ

НЬЮ-ЙОРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХАРПЕР Энд БРАЗЕРС",

ПЕРЛ-СТРИТ, 329 и 331,

ПЛОЩАДЬ ФРАНКЛИНА

[Примечание переписчика: номера страниц в этой книге указаны цифрами, заключенными в фигурные скобки, например . Они были расположены там, где в оригинальной книге происходили разрывы страниц, в соответствии с FAQ проекта Gutenberg-V-99.]

[Примечание переписчика: Эта книга содержит ряд вариантов написания некоторых слов / имен, например, Хаччам / Nacchem, Чингис / Zengis (хан) и т.д.]

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1840 году

Harper & Brothers,

В кабинете клерка Южного округа Нью-Йорка

РЕКЛАМА ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Мы привыкли считать последователей Арабского Пророка немногим лучше варваров, отличающихся главным образом невежеством, жестокостью и слепым духом фанатизма преследования. Что касается характера мусульман в наши дни и, действительно, их морального и интеллектуального состояния за последние два столетия, то в этом мнении нет большой ошибки. Но они - выродившаяся раса. В их истории был период великого расцвета, когда они отличались любовью к знаниям и успешным развитием науки и искусств; не будет преувеличением сказать, что именно им христианская Европа обязана великодушным импульсом, который привел к возрождению образования в тринадцатом и четырнадцатом веках. Из различных народов великой мусульманской семьи ни один не был более известен в искусстве, равно как и в военном деле, чем мавританские завоеватели Испании, история которых изложена на следующих страницах. Французский оригинал этого произведения долгое время пользовался заслуженно высокой репутацией; и предлагаемый здесь перевод выполнен американской леди, чей литературный вкус и познания вполне подходят для этой задачи.

Краткий очерк истории ислама и др. из книги преподобного С. Грина "Жизнь Мухаммеда" был добавлен в конце тома, чтобы представить читателю исчерпывающее представление об этом замечательном народе, столь выдающуюся ветвь которого составили мавры Испании.

Х. и Б.

Нью-Йорк, октябрь 1840 года.

Содержание

ПЕРВАЯ ЭПОХА

Страница

Происхождение мавров	19
Арабы	21
Рождение Мухаммеда	23
Религия Мухаммеда	23
Прогресс исламизма	25
Победы мусульман	26
Новые завоевания мусульман	29
Мавры становятся мусульманами	32
Положение Испании под властью готов	33
Завоевание Испании маврами	35
Вице-короли Испании	36
Восстание принца Пелагия	36
Абдерамус пытается завоевать Францию	39
Он проникает до самой Луары	41
Битва при Туре	42
Гражданские войны отвлекают Испанию	43

ВТОРАЯ ЭПОХА.

Короли Кордовы становятся халифами Запада	45
Азиатские мусульмане разделяются	46
Династия Оммиадов теряет халифат	48
Ужасная резня Оммиадесов	52
Принц Оммиадес отправляется в Испанию	53
Абдерам, первый халиф Запада	53
Правление Абдерама I.	54
Религия и праздники мавров Испании	55
Среди мавров возникают гражданские войны	57
Правление Хакхема I. и Абдельазиса	58
Правление Абдерама II.	58
Состояние изобразительного искусства в Кордове	60
История Абдерамуса	61
Правление Мухаммеда, Альмузира и Абдаллы	62
Правление Абдерамуса III.	62
Посольство греческого императора	64
Великолепие и доблесть мавров	64
Описание города и дворца Захра	65
Богатство кордовских халифов	68
Изящные искусства, культивируемые в Кордове	71
Правление Эль-Хаджима	74
Законы мавров и их способ отправления правосудия	75
Власть, которой обладают Отцы и старики	77
Иллюстрация великодушия Эль Хаккама	78
Правление Хакима III.	80
Успешное правление Мухаммеда Альмонзира в качестве хаджеба при слабоумном Хаджме	80
Беспорядки в Кордове	82
Конец халифата	83

ТРЕТЬЯ ЭПОХА.

Основные королевства, возведенные на руинах Западного халифата	85
Состояние христианской Испании на данном этапе	88
Королевство Толедо; его конец	87, 88
Успех христиан	89
Уголовный розыск	89
Севильское королевство	91
Династия Альморавидов удерживает господство в Африке.	92
Завоевания Альморавидов в Испании	93
Французские принцы возвращаются в Испанию	94
Исчезновение королевства Сарагоса	95
Основание королевства Португалия	95
Состояние изобразительного искусства мавров в этот период . .	97

Абензоар и Аверроэс	97
Раздоры между маврами и христианами	98
Африканцы под предводительством Мохаммеда <i>Зеленого</i> высаживаются в Испании .	100
Битва при Толозе	102-104
Тактика мавров	105
Расстроенный Мухаммед возвращается в Африку	109
Протяженность территорий, все еще удерживаемых маврами в Испании	110
Святой Фердинанд и Жак I.	111
На Валенсию нападают арагонцы	113
Осада Кордовы	114
Сдача Валенсии	116

ЧЕТВЕРТАЯ ЭПОХА.

Короли Гренады	118
Состояние мавров; их уныние	118
Мохаммед Альхамар; его характер и влияние на соотечественников	119
Он основывает Королевство Гренада	120
Описание города Гренада и его <i>Веги</i>	121
Масштабы и ресурсы этого королевства	123
Правление Мухаммеда Альхамара I.	124
Мавританский правитель становится вассалом короля Кастилии	124
Фердинанд III. осаждает Севилью	125
Взятие Севильи	126
Доходы королей Гренады	127
Вооруженные силы	129
Кавалерия мавров	129
Беспорядки в Кастилии	133
Правление Мухаммеда II. El Fakik	133
Он заключает союз с королем Марокко	134
Несчастья Альфонсо Кастильского	134
Интервью Альфонсо с Сувереном Марокко.	134
Состояние образования и изящных искусств при Мохаммеде аль-Мумениме	136
Описание Альгамбры	137
Львиный двор	140
Главнокомандующий	145
Мухаммед III. Эль Хама, или <i>Слепой</i> , восходит на трон Гренады	147
Беспорядки в Гренаде	149
Правление Мухаммеда IV. Абеназар	149
Правление Исмаила	149
Правление Мухаммеда V. и Иосифа I.	152
Битва при Саладо	152

Последовательные правления Мухаммеда VI. и Мухаммеда VII. . . .	154
Ужасное преступление Петра Жестокое в Кастилии	150
Состояние Испании — Европы в целом	156, 157
Мухаммед VI. вновь принимает корону	158
Правление Мухаммеда VIII. Абу Хаджад	158
Любимые литературные и научные занятия мавров под щедрым правлением Абу - Хаджада	160
Повсеместное распространение пристрастия к художественной литературе среди арабов	161
Музыка и галантность мавров	162
Смесь утонченности и свирепости в характере мавров	166
Описание женщин Гренады	169
Национальный костюм обоих полов	170
Мавританские обычаи	171
Безумие великого магистра Алькантары	172
Результат его экспедиции	174
Ужасная смерть Иосифа II.	175
Мохаммед IX. узурпирует трон	175
Станный побег осужденного принца	176
Великодушный нрав Иосифа III.	176
Тревожное состояние Королевства после его смерти	177
Быстрая смена правителей	177, 178
Правление Исмаила II.	178
Страдания войны наиболее остро ощущаются Земледельцем	179
Мулей-Хассем сменил Исмаэля II.	179
Брак Фердинанда и Изабеллы	180
Соответствующие характеры этих монархов	181
Они объявляют войну гренадцам	182
Государственные деятели и солдаты испанского двора	182
Суровый ответ гренадского короля	183
Альхама удивлена	184
Гражданская война разгорается в Гренаде из-за распрей Королевской семьи	184
Боабдил провозглашен королем	185
Причина амбициозных надежд Загала	185
Боабдил взят в плен испанцами	186
Политичные испанские правители возвращают Боабдилу Свободу	187
Мавры становятся Разрушителями самих себя	187
Смерть Мулей-Хассема	187
Боабдил и его дядя делят между собой реликвии Гренады	188
Низость Загала	188
Боабдил единолично правит Гренадой	188
Фердинанд осаждает город Гренаду	189
Состояние города	189
Испанский лагерь	191

Изабелла ремонтирует лагерь	191
Она строит Город	192
Капитуляция Гренады	194
Отъезд Боабдила из города	194
Вступление испанских завоевателей в Город	195
Краткое изложение причин разорения мавров	196
Характеристики вересковых пустошей	197
История, иллюстрирующая соблюдение ими законов гостеприимства	198
Преследование мавров христианами	199
Восстания мавров и их результаты	199
Окончательное изгнание мавров из Испании	201
Примечания	203
Краткий отчет о подъеме и упадке	
Мусульманская империя	227
Глава I	229
Глава II	243
Глава III	266

Введение.

Имя мавров Испании вызывает воспоминания о галантности и утонченности, а также о триумфах искусства и оружия. Но, несмотря на столь широкую известность, об истории этого замечательного народа известно не так уж много.

Фрагменты их летописей, разбросанные среди сочинений испанских и арабских авторов, содержат лишь рассказы об убитых королях, национальных расправах, гражданских войнах и непрекращающихся соперничествах с соседями. И все же, вперемешку с этими меланхолическими рассказами, иногда проявляются отдельные примеры доброты, справедливости и великодушия. Эти черты также поражают нас сильнее, чем аналогичные описания, с которыми мы встречаемся при изучении истории других народов; возможно, вследствие особой оригинальности, придаваемой им восточными чертами характера; или, возможно, потому, что по контрасту с многочисленными примерами варварства благородный поступок, красноречивая речь или трогательное выражение лица приобретают необыкновенное очарование.

В мои намерения не входит описывать историю мавров в мельчайших деталях, я просто хочу проследить их основные революции и попытаться точно описать их национальный характер и манеры.

Испанские историки, с которыми я тщательно консультировался при разработке этого плана, оказали мне лишь небольшую помощь в моих усилиях. Стараясь уделить самое видное место в своих чрезвычайно запутанных повествованиях различным правителям Астурии, Наварры, Арагона и Кастилии, они упоминают мавров только тогда, когда их войны с христианами

неразрывно затрагивают интересы двух наций; но они никогда не упоминают правительство, обычаи или законы врагов их веры.

Переводы арабских авторов, к которым я прибегал, проливают немногим больше света на предмет моих исследований, чем произведения испанских авторов. Ослепленные фанатизмом и национальной гордостью, они самодовольно расхваливают военные достижения своих соотечественников, даже не упоминая о неудачах, сопутствовавших их оружию, и обходят целые династии без малейшего внимания или комментария.

Некоторые из наших ученых в нескольких весьма достойных трудах объединили информацию, почерпнутую из этих испанских и арабских историй, с такими дополнительными подробностями, которые они смогли извлечь из своих личных наблюдений.

Я черпал материалы из всех этих источников и, кроме того, искал описания нравов мавров в испанских и старинных кастильских романах, а также в рукописях и мемуарах, полученных из Мадрида.

Именно после этих долгих и кропотливых исследований я осмеливаюсь предложить краткую историю народа, который так мало походил ни на один другой; у которого были свои национальные пороки и добродетели, а также характерная физиономия; и который так долго соединял храбрость, великодушие и рыцарство европейцев с возбудимым темпераментом и сильными страстями жителей Востока.

Чтобы сделать ход времени более понятным и яснее пролить свет на факты, этот исторический очерк будет разделен на четыре основные эпохи.

Первый будет простирается от начала завоеваний арабов до основания династии принцев Омиаде в Кордове: *второй* будет включать правление западных халифов; в *третьем* будет рассказано все, что сейчас можно установить о различных небольших королевствах, возведенных на руинах Кордовского халифата; а в *четвертом* будет содержаться повествование о выдающихся событиях в жизни сменявших друг друга государей Королевства Гренада до периода окончательного изгнания греков. Мусульмане из этой страны.

Мы позаботились о том, чтобы сравнить даты в соответствии с мусульманским методом исчисления времени с периодами, установленными обычным способом организации. Некоторые испанские историки, например Гарабай, не согласны с арабскими хронологами в отношении лет правления Хиджры. Я счел уместным следовать арабским источникам и принял, со случайными исправлениями, хронологический порядок г-на Кардонне, личным заверением которого я располагаю, что он придает большое значение своим расчетам по этому вопросу. Таким образом, у меня есть основания надеяться, что эта небольшая работа послужит прояснению многих моментов, до сих пор вызывавших сомнение в связи с этим вопросом.

Собственные имена мавров различаются в различных источниках даже больше, чем их заявления относительно даты событий, либо из-за трудности их произношения, либо из-за незнания их правильной орфографии. В примерах этого характера я всегда отдавал предпочтение таким, которые казались наиболее общепринятыми и в то же время были наиболее гармоничны по звучанию.

ИСТОРИЯ МАВРОВ ИСПАНИИ.

ПЕРВАЯ ЭПОХА.

ЗАВОЕВАНИЯ АРАБОВ Или МАВРОВ.

Продолжался с конца VI века до середины VIII.

Первобытные мавры были обитателями обширной части Африки, ограниченной на востоке Египтом, на севере Средиземным морем, на западе Атлантическим океаном, а на юге берберийскими пустынями.

Происхождение мавров, или мавританцев, как и происхождение большинства других древних народов, неясно, а сведения, которыми мы располагаем относительно их ранней истории, беспорядочно перемешаны с баснями. Однако, по-видимому, установлен тот факт, что азиатские эмиграции с древнейших времен направлялись в Африку. В дополнение к этому, историки отдаленных эпох говорят о некоем Мелеке Ярфрике, короле Аравии Феликс, который привел народ по имени *Сабеев* [1] в Ливию, сделал себя хозяином этой страны, основал там своих последователей и дал ей название Африка. Именно от этих сабиев или *сabeeв*, как утверждают, ведут свое происхождение основные мавританские племена. Предполагается также, что происхождение названия мавры [2] в какой-то степени подтверждает впечатление, что они родом из Азии.

Но, не углубляясь в эти древние утверждения, достаточно будет сказать, что существуют почти определенные основания для веры в то, что первоначальными маврами были арабы. В подтверждение этого впечатления мы находим, что в течение каждого периода существования своей расы потомки первобытных жителей Мавритании, подобно арабам, разделялись на отдельные племена и, подобно им, вели дикий и кочующий образ жизни.

Мавры Африки известны в древней истории под именами номадов, нумидийцев, гетулов и массилиев. Они по очереди были подданными, врагами или союзниками карфагенян и вместе с ними подпали под власть римлян.

После нескольких неудачных восстаний, к которым мавры были спровоцированы своим вспыльчивым, неугомонным и непостоянным характером, мавры были, наконец, покорены вандалами в 427 году н.э.

Столетие спустя эти народы были завоеваны Велисарием, но греки, в свою очередь, были покорены арабами, которые затем приступили к завоеванию Мавритании.

Поскольку с того периода, когда произошло это событие, мавританцев или мавров, которые таким образом внезапно обратились в мусульманство, часто путали с *коренными арабами*, будет уместно сказать несколько слов об этом необыкновенном народе : народе, который, занимая в течение стольких веков незначительное место среди народов земли, быстро стал хозяином большей части известного мира.

Арабы, вне всякого сомнения, являются одной из древнейших существующих человеческих рас; [3] и, возможно, лучше всех других сохранили свою национальную независимость, а также свой отличительный характер и манеры. Разделенные с самых отдаленных времен на племена, которые либо кочевали по пустыне, либо собирались вместе в городах и подчинялись вождям, которые в одном лице объединяли воина и магистрата, они никогда не подвергались

иностранному господству. Персы, римляне и македоняне тщетно пытались подчинить их: они лишь вдребезги разбили свое оружие о набатейские скалы. [4] Гордый своим происхождением, которое он восходил даже к патриархам древности, ликующий от успешной защиты своей свободы и своих прав, араб из своих пустынь рассматривал остальное человечество как состоящее из простых банд рабов, меняющих хозяев по воле случая или удобства. Храбрые, умеренные и неутомимые, с младенчества приученные к самому тяжелому труду, не боящиеся ни жажды, ни голода, ни самой смерти — это были люди, с помощью которых вождь, наделенный соответствующими способностями, мог стать повелителем мира. Появился Мохаммед: [5] природа наделила его необходимыми качествами для осуществления такого замысла. Смелый, проницательный, красноречивый, утонченный, обладающий в выдающейся степени силами, которые внушают благоговейный трепет и восхищают человечество, Мухаммед был бы великим человеком, если бы принадлежал к самому просвещенному веку — среди невежественных и фанатичных людей он стал пророком.

Пока среди них не появился Мухаммед, арабские племена, окруженные евреями, христианами и идолопоклонниками, придерживались суеверной веры, составленной из религиозных верований их различных соседей и древних сабеев. Они полностью верили в существование гениев, демонов и колдовства, поклонялись звездам и приносили идолопоклоннические жертвы. Но Мухаммед — после того, как посвятил много лет глубоким и уединенным размышлениям над новыми догмами, которые он намеревался установить; после того, как убедил или склонил в свою пользу главных членов своей семьи, [6] пользующихся выдающимся влиянием среди своих соотечественников, - внезапно начал проповедовать новую религию, противоположную всем тем, с которыми арабы были до сих пор знакомы, и принципы которой были хорошо приспособлены для разжигания горячего нрава этого легковозбудимого народа.

Дети Измаила, сказал им Пророк, я приношу вам веру, которую исповедовал ваш отец Авраам, Ной и все патриархи. Есть только один Бог, Суверенный Правитель всех миров: его называют МИЛОСЕРДНЫМ; поклоняйтесь Ему одному. Будьте милосердны к сиротам, рабам, пленникам и бедным: будьте справедливы ко всем людям — справедливость - сестра благочестия. Молитесь и раздавайте милостыню. Вы будете вознаграждены на Небесах, вам будет позволено вечно пребывать в восхитительных садах, где вечно будут течь прозрачные воды и где каждая из вас будет вечно наслаждаться обществом женщин, которые будут вечно прекрасны, вечно молоды, вечно преданы только вам. Мужественно сражайтесь как с неверующими, так и с нечестивцами. Сопровитесь им, пока они не примут исламизм [7] или не воздадут вам должное. Каждый солдат, погибший в битве, разделит сокровища Бога; и трус не может продлить свою жизнь; ибо момент, когда ему суждено быть пораженным ангелом смерти, записан в Книге Вечного.

Такие заповеди, провозглашенные величественным и в высшей степени образным языком, украшенные очарованием стихов и преподнесенные воином, пророком, поэтом и законодателем, называющим себя представителем ангела, самым восприимчивым людям в мире — людям, обладающим страстью в равной степени ко всему чудесному и сладострастному, к героизму и поэзии, — вряд ли могли не найти последователей. Обращенные быстро столпились вокруг Мухаммеда, и вскоре их число увеличилось в результате преследований. Его враги вынудили Пророка бежать из его родной Мекки и укрыться в Медине. Это бегство было эпохой его славы и хиджры мусульман. Это произошло в 622 году нашей эры.

С этого момента исланизм подобно потоку распространился по Аравии и Эфиопии. Напрасно иудеи и племена идолопоклонников пытались сохранить свою древнюю веру; напрасно Мекка вооружала своих солдат против разрушителей ее богов; Мухаммед с мечом в руке рассеял их армии, захватил их города и завоевал расположение людей, которых он покорил своим милосердием, своим гением и завораживающим обращением.

Законодатель, понтифик, вождь всех арабских племен, командующий непобедимой армией, уважаемый азиатскими монархами, обожаемый могущественной нацией и окруженный военачальниками, которые стали героями, служа под его началом, Мухаммед был готов выступить против Ираклия, когда его замыслы были навсегда прерваны прекращением его существования. Это событие произошло в Медине, в 632 году н.э., во 2-й Хиджре, и явилось результатом действия яда, который некоторое время назад ввела этому необыкновенному человеку еврейка из Рейбара.

Смерть Пророка не остановила ни прогресса его религии, ни триумфов мусульманского оружия.

Абубекер, тесть Мухаммеда, стал его преемником и принял титул *халифа*, что означает просто *наместник*. Во время его правления сарацины проникли в Сирию, рассеяли армии Ираклия и взяли город Дамаск, осада которого навсегда останется в памяти благодаря почти сверхчеловеческим подвигам знаменитого Каледа, прозванного *Мечом Божиим*. [8]

Несмотря на эти последовательные победы и огромное количество добычи, отнятой таким образом у врага и переданной ему на хранение, Абубекер присваивал для своих личных нужд сумму, едва эквивалентную сорока центам в день.

Омар, преемник Абубекера, приказал Каледу выступить против Иерусалима. Этот город вскоре стал добычей арабов; Сирия и Палестина были покорены; турки и персы потребовали мира; Ираклий бежал из Антиохии; и вся Азия трепетала перед Омаром и ужасными мусульманами.

Скромные, несмотря на триумфы, которые повсюду сопровождали их, и приписывающие свой успех одному Богу, эти мусульмане сохранили неизменными свои строгие манеры, свою бережливость, свою суровую дисциплину и свое почтение к бедности, хотя и были окружены самой развращенной из наций земли и подвержены соблазнительному влиянию восхитительного климата и роскошных удовольствий некоторых из самых богатых и красивых стран мира. Во время разграбления города самый нетерпеливый и порывистый солдат был бы немедленно задержан на месте грабежа по приказу своего начальника и со строжайшей точностью отдал бы добытую им добычу, чтобы она могла быть сдана на хранение в общую казну. Даже самые независимые и величественные из героических вождей поспешили бы, в соответствии с указаниями халифа, принять командование армией и стали бы последовательно генералами, рядовыми или послами, повинясь малейшему его желанию. Короче говоря, сам Омар — Омар, самый богатый, величайший и могущественный из монархов Азии, - отправился в путешествие в Иерусалим верхом на красном верблюде, который нес мешок ячменя, мешок риса, бурдюк с водой и деревянную вазу. Вооруженный таким образом, халиф путешествовал среди покоренных народов, которые толпились у него на пути на каждом шагу, прося его благословения и умоляя разрешить их ссоры. Наконец он присоединился к своей армии и,

внушив солдатам принципы простоты, доблести и смирения, вступил в Святой Город, освободил тех из его бывших христианских владельцев, которые стали пленниками его народа, и приказал сохранить церкви. Затем представитель Пророка снова сел на своего верблюда и вернулся в Медину, чтобы исполнять обязанности первосвященника своей религии.

Мусульмане теперь продвигались к Египту. Эта страна вскоре была покорена. Александрию взял Амру, один из самых выдающихся полководцев Омара. Именно тогда была уничтожена знаменитая библиотека, потеря которой до сих пор вызывает глубокое сожаление ученых. Арабы, хотя и были такими восторженными поклонниками своей национальной поэзии, презирали литературу всего остального мира. Амру был причиной сожжения библиотеки Птолемеев, но, тем не менее, этот самый Амру прославился своими поэтическими излияниями. Он питал самую искреннюю привязанность и уважение к знаменитому Иоанну Грамматику, которому, если бы не противоположный приказ халифа, он подарил бы это ценное собрание книг. Именно Амру также был инициатором осуществления проекта, достойного лучшей эпохи Рима, а именно соединения Красного моря со Средиземным посредством судоходного канала в месте, где воды Нила можно было бы отклонить от их русла для его снабжения. Этот канал, столь полезный для Египта и столь важный для торговли как с Европой, так и с Азией, был построен за несколько месяцев. Турки, в более поздние времена, потерпели его разрушение.

Амру продолжал наступать в Африку, в то время как другие арабские военачальники перешли Евфрат и победили персов. Но Омара уже не было, и его место занял Осман.

Именно во время правления этого халифа сарацины, навсегда изгнав своих ослабевших греческих хозяев, завоевали Мавританию, или страну мавров в Африке, в 647 году н.э., глава 27.

Захватчики встретили серьезное сопротивление только со стороны воинственных племен береберов. [9] Этот смелый и скотоводческий народ, потомки древних обитателей Нумидии, сохранивший даже по сей день вид независимости, укрепившись в горах Атласа, долго и успешно сопротивлялся завоевателям мавров. Мусульманскому генералу по имени Акба, наконец, удалось подчинить их и заставить принять законы и веру его страны.

После этого достижения Акба перенес свое оружие на крайнюю западную точку Африки, и только океан сопротивлялся его продвижению. Там, воодушевленный мужеством и преданностью, с чувством высочайшего энтузиазма, он направил своего коня в волны и, обнажив саблю, воскликнул: "Боже Мухаммеда, ты видишь это, если бы не стихия, которая удерживает меня, я бы отправился на поиски неизвестных народов, которых я заставил бы поклоняться твоему имени!"

До этой эпохи мавры, находившиеся под последовательным владычеством карфагенян, римлян, вандалов и греков, мало интересовались делами своих разных хозяев.

Скитаясь по пустыням, они занимались главным образом заботой о своих стадах; платили наложенные на них произвольные поборы, иногда пассивно перенося гнет своих правителей, а иногда пытаясь разорвать их цепи; после каждого поражения их усилий они находили убежище в горах Атласа или в глубине своей страны.

Их религия представляла собой смесь христианства и идолопоклонства; их нравы были как у порабощенных кочевников: грубые, невежественные и жалкие, их положение было прототипом того, что сейчас происходит при тиранах Марокко.

Но присутствие арабов быстро произвело большие перемены среди этих людей. Общее происхождение с происхождением их новых хозяев, а также сходство языка и темперамента способствовали привязанности покоренных к их завоевателям.

Провозглашение религии, которую проповедовал потомок Измаила, которого мавры считали своим отцом; быстрые завоевания мусульман, которые уже были хозяевами половины Азии и значительной части Африки и которые угрожали поработить весь мир, пробудили возбудимое воображение мавров и вернули их национальному характеру всю его страстную энергию. Они с энтузиазмом восприняли догмы Мухаммеда; они объединились с арабами, вызвались служить под мусульманскими знаменами и внезапно одновременно увлеклись исламом и славой.

Этому воссоединению, удвоившему военную мощь двух объединенных наций, на некоторое время помешало восстание береберов, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не уступали свою свободу.

Правящий халиф Валид Первый отправил в Египет Мусу бен-Назира, разумного и доблестного военачальника, во главе ста тысяч человек, 708 год н.э., глава 89.

Муса разгромил береберов, восстановил спокойствие в Мавритании и захватил Танжер, принадлежавший испанским готам.

Владыка огромного региона страны, грозной армии и народа, который считал его превосходство необходимым для своего благополучия, сарацинский полководец того периода подумывал о том, чтобы ввести свое оружие в Испанию.

Это прекрасное царство, побывав последовательно под игом карфагенян и римлян, в конце концов стало добычей варваров. Аланы, свевы и вандалы разделили между собой ее провинции; но Эврик, один из вестготов, вошедший в страну с юга Галлии, к концу пятого столетия овладел всей Испанией и передал ее своим потомкам.

Мягкость климата вкупе с влиянием богатства и роскоши постепенно ослабили этих завоевателей, породив пороки, от которых они ранее были свободны, и лишив их воинственных качеств, которым только они были обязаны своим успехом. Из королей, сменивших Эврика, некоторые были арианами, а другие католиками, которые передали свою власть под контроль епископов и заняли трон, до глубины души потрясенный внутренними беспорядками. Родерик, последний из этих готских государей, осквернил трон своими пороками; и как история, так и предание обвиняют его в самых низких преступлениях. Действительно, в случае почти со всеми этими тиранами их пороки либо непосредственно привели к их окончательному краху, либо были сделаны предлогом для него.

Хорошо установлен факт, что граф Джулиан и его брат Оппас, архиепископ Толедский, оба выдающиеся и влиятельные люди, способствовали вторжению мавров в Испанию.

Тарик, один из самых известных военачальников своего времени, [10] был отправлен Муссой в Испанию. Сначала у него было мало войск, но это не помешало ему разгромить большую армию, которая под командованием

Родерика, последнего готского короля, противостояла его курсу.

Впоследствии, получив подкрепление из Африки, Тарик победил самого Родерика в битве при Хересе, где этот несчастный монарх погиб во время всеобщего бегства, которым закончился конфликт, в 714 году н.э., Хег. 96.

После этого сражения мусульманский полководец, воспользовавшись своей победой, проник в Эстремадуру, Андалусию и обе Кастилии и овладел городом Толедо. Вскоре после этого к ним присоединился Мусса, чья ревность к славе, которую так быстро приобретал его лейтенант, побудила его поспешить на его сторону, и эти два замечательных командира, разделив свои войска на несколько корпусов, за несколько месяцев завоевали всю Испанию.

Следует отметить, что эти мавры, которых некоторые историки изображают кровожадными варварами, не лишали поработенных ими людей ни их веры, ни их церквей, ни администраторов их законов. Они требовали от испанцев только той дани, которую те привыкли платить своим королям. Нельзя не усомниться в существовании приписываемой им свирепости, если вспомнить, что большая часть испанских городов покорилась захватчикам, не предприняв ни малейшей попытки сопротивления; что христиане с готовностью объединились с маврами; что жители Толедо пожелали принять имя *Мусарабов*; и что королева Эгилона, вдова Родерика, последнего из готских государей, публично вышла замуж, с общего согласия двух народов, за Абдельазиса, сына Мусы.

Муса, которого успех Тарика сильно разозлил, желая сместить лейтенанта, чьи достижения затмевали его собственные, предпочел обвинение против него халифу. Валидный отозвал их обоих, но отказался признать их разницу и позволил им умереть при дворе от огорчения, что о них забыли.

Абдельазис, муж Эгилонны, стал губернатором Испании в 718 году н.э., 100 г. н.э., но недолго пережил свое возвышение. Сменивший его Алахор вторгся с оружием в Галлию, покорил варбонне и готовился продвигать свои завоевания еще дальше, когда узнал, что Пелагий, принц королевской крови вестготов, укрылся в горах Астурии с горсткой преданных сторонников; что вместе с ними он осмелился бросить вызов завоевателям Испании и вынашивал дерзкий план избавиться от их ига. Алахор послал против него несколько войск. Пелагий, укрепившийся со своей маленькой армией в горных ущельях, дважды давал сражения мусульманам, захватил несколько замков и, подняв дух христиан, чье мужество почти угасло из-за столь долгой череды поражений, показал изумленным испанцам, что мавры не были непобедимы.

Восстание Пелагия привело к отзыву Алахора халифом Омаром II. Эльзема, его преемник, придерживался мнения, что самое верное средство подавления восстаний среди людей - это сделать их процветающими и довольными. Поэтому он посвятил себя мудрому и гуманному правительству Испании, регулированию податей, до тех пор совершенно произвольных, а также умирению недовольства солдат и установлению им фиксированного жалованья. Любитель изящных искусств, которые с тех пор начали культивировать арабы, Эльзема украсил Кордову, которая была его столицей, и привлек туда *саванов* того времени. Он сам был автором книги, содержащей описание городов, рек, провинций и портов Испании, металлов, рудников и

каменоломен, которыми она располагает, и, короче говоря, почти каждого объекта, представляющего интерес как для науки, так и для правительства.

Мало обеспокоенный повстанческими движениями Пелагия, власть которого ограничивалась владением несколькими неприступными горными крепостями, Эльзема не пытался вытеснить его из его твердынь, но, движимый горячим желанием распространить мавританские завоевания на Францию, которым всегда были охвачены правители Испании, он перешел Пиренеи и погиб в битве против Эда, герцога Аквитании, в 722 году н.э., Гег. 104.

На протяжении оставшейся части халифата Езида II. [11] после смерти Эльземы несколько губернаторов быстро сменяли друг друга. [12] Ни одно из их действий не заслуживает упоминания, но в этот период храбрый Пелагий увеличил свое маленькое государство, продвинувшись в горы Леона и, вдобавок, сделав себя хозяином нескольких городов.

Этот герой, чья непобедимая отвага побудила астурийцев и кантабрийцев к борьбе за свободу, заложил основы той могущественной монархии, воины которой впоследствии преследовали мавров вплоть до скал Атласа.

Мусульмане, мечтавшие только о новых завоеваниях, не предпринимали значительных усилий против Пелагия: они были уверены, что с величайшей легкостью подавят его мятеж, когда они завершат покорение французских владений; и только это желание воспламенило пылкую душу нового правителя Абдалрахмана, или, как его обычно называют, Абдерамуса.

Его любовь к славе, его доблесть, его гений и, прежде всего, его безмерное честолюбие заставили мусульманского правителя рассматривать это завоевание как легко осуществимое; но ему самому было суждено стать побежденным.

Шарль Мартель, сын Пепина д'Эристеля и дед Карла Великого, чьи подвиги стерли память о подвигах его отца и чья слава не затмила славу его внука, был в то время мэром дворца при последних принцах первой расы; или, скорее, Карл был настоящим монархом французского и немецкого народов.

Эд, герцог Аквитании, владелец Гаскони и Гиенны, долгое время враждовал с французским героем. Не в силах больше без посторонней помощи сопротивляться своему врагу, он заключил союз с мавром по имени Мунуза, который был губернатором Каталонии и тайным врагом Абдерамуса. Эти два могущественных вассала, оба недовольные своими суверенами и внушаемые как страхом, так и неприязнью, объединились самыми тесными узами, несмотря на разницу в их религиозной вере. Герцог-христианин без колебаний выдал свою дочь замуж за своего мусульманского союзника, и принцесса Нумеранс вышла замуж за мавританца Мунузу, как королева Эгилонна вышла замуж за мавританца Абдельазиса.

Абдерам, когда ему сообщили об этом союзе, немедленно разгадал мотивы, побудившие его к этому. Вскоре он собрал армию, быстро проник в Каталонию и напал на Мунузу, который был ранен в бесплодной попытке спастись бегством и впоследствии погиб от собственной руки. Его плененную жену привели к победоносному правителю Абдераму, который, пораженный ее красотой, послал изрядную сумму в подарок халифу Хачкаму, чье расположение она вызвала; и таким образом, по странной случайности принцесса Гаскони стала обительницей сераля правителя Дамаска.

Не удовлетворившись столь показательным наказанием Мунузы, Абдерам пересек Пиренеи, пересек Наварру, вступил в Гиенну, осадил и взял город Бордо. Эд попытался во главе армии остановить его продвижение, но был отброшен в решающем сражении. Все уступало мусульманскому оружию: Абдерам продолжал свой путь, разорил Перигор, Сентонж и Пуату, с триумфом появился в Турени и остановился только тогда, когда увидел мелькающие знамена Карла Мартелла.

Карл прибыл на эту встречу в сопровождении войск Франции, Астурии и Бургундии и в сопровождении воинов-ветеранов, которых он привык вести к победе. Герцог Аквитании тоже был в лагере. Карл забыл о своих личных обидах, размышляя об общей опасности: эта опасность была непреодолимой: судьба Франции и Германии — более того, всего христианского мира - зависела от исхода приближающегося конфликта.

Абдерам был соперником, достойным сына Пипина. Разгоряченный, как и он, гордым воспоминанием о многочисленных победах; во главе неисчислимой армии; окруженный опытными военачальниками, которые были частыми свидетелями его военных триумфов; и долгое время воодушевленный самыми горячими надеждами наконец присоединить к владычеству исламизма единственную страну, принадлежащую древней римской империи, которая все еще оставалась непокоренной сарацинами, мавританский вождь встретился со своим храбрым врагом на равных на поле битвы при Туре, 733 г. н.э., глава 114.

Сражение было долгим и кровопролитным. Абдерам был убит; и эта удручающая потеря, без сомнения, решила поражение его армии. [13] Историки утверждают, что погибло более трехсот тысяч человек. Это утверждение, вероятно, преувеличено; но, безусловно, верно, что мавров, которые таким образом проникли в глубь Франции, после их поражения безжалостно преследовали, и многие из них не смогли спастись от армии победителей и мести народа.

Эта достопамятная битва, подробностями которой мы не располагаем, спасла Францию от ига арабов и фактически остановила их распространение владычества.

После этого отступления мавры снова попытались проникнуть во Францию и преуспели в захвате Авиньона; но Карл Мартелл снова нанес им поражение, отвоевал захваченный город, изгнал их из Нарбонны и навсегда лишил их надежды, которой они так часто тешили себя.

После смерти Абдерама Испанию раздирали разногласия между двумя губернаторами [14], последовательно назначенными халифом. Третий претендент прибыл из Африки. Четвертый добавил себя в список; [15] фракции множились; разные партии часто прибегали к оружию; вожди были убиты, города взяты, а провинции разорены.

Детали этих событий по-разному излагаются разными историками, но повествования кого-либо из них не представляют особого интереса.

Эти гражданские войны продолжались почти двадцать лет. Христиане, удалившиеся в Астурию, извлекли из них максимальную выгоду. Альфонсо I, зять и преемник Пелагиуса, подражал карьере этого героя. Он захватил часть Галисии и Леона, отбил мусульманские войска, которые были посланы ему навстречу, и стал хозяином нескольких городов.

Мавры, занятые своими внутренними распрями, не обратили внимания на продвижение Альфонсо, и с этого времени начался рост миниатюрного королевства, интересы которого были враждебны интересам сарацин в Испании.

После многих преступлений и сражений некоему *Джозефу* удалось одержать победу над различными своими соперниками и, наконец, он безраздельно правил Кордовой, когда на Востоке произошло памятное событие, которому суждено было сильно повлиять на положение Испании.

С этого периода, 749 г. н.э., 134-я глава, начинается вторая эпоха империи мавров в Испании, что делает необходимым кратко вернуться к истории восточных халифов.

[1] *Сабаи*, согласно лучшим древним источникам, были жителями обширного арабского королевства *Саба*.—Переводчик.

[2] Термин Мавры, согласно Бочарту, происходит от еврейского слова *Махуран*, что означает Западный.

[3] Вряд ли нужно напоминать читателю, что эти *Дети пустыни* считаются прямыми потомками Измаила, странствующего, отверженного сына патриарха Авраама и подвергавшейся жестокому обращению Агари.—Переводчик.

[4] Первоначальное название арабов, от *Набатей*, названия их страны, которое, вероятно, происходит от *Набата*, сына Измаила. Столицей Набафеи была та *Петра*, нынешний вид и состояние которой наш выдающийся соотечественник Стивенс так красочно описал своим читателям в своих "Путешествиях" и проч. —Переводчик.

[5] 569 год н. э.

[6] Когешириты, стражи храма Кааба в Мекке.

[7] См. Примечание А, стр. 203.

[8] См. Примечание В, стр. 206.

[9] См. Примечание С, стр. 207.

[10] См. Примечание D, стр. 208.

[11] См. Примечание Е, стр. 308.

[12] Амбеза, Азра, Джахия, Осман, Хазифа, Хаджим и Мохаммед.

[13] Именно в этой битве Карл получил титул *Мартела*, или *Молота*.

[14] Абдулмелек и Акбе.

[15] Абулаттар и Теваба.

ВТОРАЯ ЭПОХА.

КОРОЛИ КОРДОВЫ СТАНОВЯТСЯ ХАЛИФАМИ ЗАПАДА.

Продолжался с середины восьмого по начало одиннадцатого века.

Мы видели, что при своих первых трех халифах, Абубекере, Омаре и Османе, арабские завоеватели Сирии, Персии и Африки сохранили свои древние манеры, простоту характера, послушание преемникам Пророка и презрение к роскоши и богатству: но какой народ мог продолжать противостоять влиянию такого накопления благосостояния? Эти непреклонные завоеватели обратили свое оружие друг против друга: они забыли о добродетелях, которые сделали их непобедимыми, и своими раздорами способствовали расчленению империи, созданной их доблестью.

Катастрофические последствия пагубного духа, который таким коварным образом вытеснил первоначальные принципы единства, умеренности и благоразумия, которыми руководствовались мусульмане как нация, впервые проявились в убийстве халифа Османа.

Али, друг, сподвижник и приемный сын Пророка, чье мужество, достижения и отношение к Мухаммеду как мужу его единственной дочери сделали его таким дорогим мусульманам, был объявлен преемником Османа.

Но Моавия, наместник Сирии, отказался признать власть Али и под руководством проницательного Амру, завоевателя Египта, добился провозглашения себя халифом Дамаска. После этого арабы разделились: жители Медины поддержали Али, а сирийцы Моавиаса. Первый взял имя *Алидес*, остальные называли себя *Оммиадесом*, получив свое название от деда Моавиаса. Таково было происхождение знаменитого раскола, который до сих пор разделяет турок и персов.

Хотя Али удалось победить Моавиаса на поле боя, он не воспользовался разумно преимуществом, которое дала ему его победа. Вскоре после этого он был убит [1], и дух и мужество его партии исчезли с наступлением этого события. Сыновья Али прилагали усилия, чтобы оживить пыл его сторонников, но тщетно.

Таким образом, в разгар междоусобиц и гражданских войн Оммиады все еще оставались во владении Дамасским халифатом. [2] Именно во время правления одного из этих принцев, Валидного Первого, арабские завоевания распространились на Востоке до берегов Ганга, а на Западе - до берегов Атлантики. Оммиады, однако, были по большей части слабы, но их поддерживали способные командиры, и древняя доблесть мусульманских солдат еще не угасла.

После того, как Оммиады поддерживали свою империю в течение девяноста трех лет, Мерван II., [3] последний халиф расы, был лишен трона и жизни [4] с помощью Абдаллы, вождя племени Аббасидов, которые, как и Оммиады, были близкими родственниками Мухаммеда.

Абул-Аббас, племянник Абдаллы, сменил прежнего халифа. С него началась династия Аббасидов, столь прославленная на Востоке своей любовью к науке и связью с именами Гаруна Аль-Рашида, Алмамона и Бермасидов. [5]

Аббасиды удерживали халифат в течение пяти столетий подряд. [6] По окончании этого периода они были лишены своей власти татарским потомством Чингисхана после того, как стали свидетелями установления расы египетских халифов по имени *Фатимиты*, мнимые потомки Фатимы, дочери Мухаммеда.

Таким образом, Восточная империя арабов в конце концов была разрушена: потомки Измаила вернулись в страну, из которой они первоначально вышли, и постепенно вернулись почти к тому же состоянию, в котором они существовали, когда среди них появился Пророк. Эти события, начиная с основания династии Аббасидов, были предвосхищены с точки зрения времени, поскольку отныне история Испании больше не переплетается с историей Востока.

После краткого рассмотрения события, тесно связанного как с утверждением аббасидов на мусульманском троне, так и с историей Испании, мы перейдем к главному предмету нашей работы.

Вернемся, однако, на мгновение к падению оммиадских халифов.

Когда жестокий Абдалла посадил своего племянника Абул-Аббаса на трон халифов Дамаска, он вынашивал ужасный план уничтожения Оммиадов. Этих принцев было очень много. У арабов, среди которых разрешено многоженство и где многочисленное потомство считается особым даром Небес, нет ничего необычного в том, что несколько тысяч особей принадлежат к одной семье.

Абдалла, отчаявшись осуществить уничтожение расы своих врагов, рассеянных террором, объявил всеобщую амнистию всем оммиадам, которые должны были предстать перед ним в определенный день. Эти злополучные люди, веря в исполнение его торжественных обещаний, поспешили укрыться у ног Абдаллы. Чудовище, когда все они были в сборе, приказало своим солдатам окружить их, а затем приказало зарезать их всех в его присутствии. После этой ужасной резни Абдалла приказал разложить окровавленные тела рядышком в тесном порядке, а затем накрыть досками, застеленными персидскими коврами. На этом ужасном столе он устроил великолепный пир для своих офицеров. При чтении таких подробностей бросает в дрожь, но они служат для описания характера этого восточного завоевателя.

Одиноким Оммиаде избежал жалкой участи своих братьев; принц по имени Абдерамус. Беглый скиталец, он добрался до Египта и скрылся в уединенных уголках его негостеприимных пустынь.

Испанские мавры, верные Оммиадам, хотя их губернатор Иосиф признал власть Аббасидов, едва узнали, что в Египте есть отпрыск прославленного рода, к которому они все еще сохраняли привязанность, как тайно послали депутатов предложить ему свою корону. Абдерамус предвидел препятствия, с которыми ему придется бороться, но, ведомый порывами души, чье природное величие было укреплено и очищено невзгодами, он без колебаний принял предложение мавров.

Принц Оммиаде прибыл на полуостров в 755 году н.э., глава 138. Он быстро завоевал сердца своих новых подданных, собрал армию, овладел Севильей и вскоре после этого двинулся маршем на Кордову, столицу мусульманской Испании. Джозеф от имени Аббасидов тщетно пытался воспротивиться его продвижению. Губернатор был побежден, а Кордова взята вместе с несколькими другими городами.

Абдерам теперь был не только признанным королем Испании, но и провозглашен *халифом Запада* 759 г. н.э., глава 142.

Во времена господства Оммиадов в Восточной империи Испанией продолжали править наместники, присланные туда этими государями из Азии; но теперь она была навсегда отделена от великой арабской империи и превратилась в могущественное и независимое государство, не признававшее больше верности азиатским халифам ни в гражданских, ни в религиозных вопросах. Таким образом, контроль, до сих пор осуществлявшийся над делами Испании восточными халифами, был навсегда отнят у них последним оставшимся в живых представителем того царственного рода, которого Абдалла пытался истребить.

Абдерам Первый основал резиденцию своего нового величия в Кордове. Однако ему недолго позволили мирно наслаждаться ею. Восстания, спровоцированные аббассидами, вторжения французов в Каталонию и войны с королями Леона [7] постоянно требовали его внимания; но его мужество и активность одержали верх даже над такими многочисленными врагами. Он с честью удерживал свой трон и заслужил свою прекрасную фамилию *Справедливого*.

Абдерамус культивировал и лелеял изобразительное искусство, даже несмотря на трудности и опасности, которыми он был окружен. Именно он первым основал в Кордове школы для изучения астрономии, математики, медицины и грамматики. Он также был поэтом и считался самым красноречивым человеком своего времени.

Этот первый халиф Запада украсил и укрепил свою столицу, воздвиг великолепный дворец, окруженный прекрасными садами, и приступил к строительству великой мечети, остатки которой и по сей день вызывают восхищение путешественников. Этот великолепный памятник был завершен во время правления Хакхема, сына и преемника Абдерама. Считается, что испанцы сохранили не более половины первоначального сооружения, однако сейчас оно имеет шестьсот футов в длину и двести в ширину и поддерживается более чем тремя сотнями колонн из алебаstra, яшмы и мрамора. Раньше здесь было двадцать четыре входные двери, сделанные из бронзы, покрытой золотыми скульптурами; и почти пять тысяч ламп каждую ночь служили для освещения этого великолепного здания.

В этой мечети халифы Кордовы каждую пятницу проводили богослужение народа, поскольку этот день был посвящен религии по заветам Мухаммеда. Туда совершали паломничество все мусульмане Испании, подобно тому как жители Востока прибегали к храму в Мекке. Там они с большой торжественностью отпраздновали праздник большого и малого Бейрамов, который соответствует еврейской Пасхе, а также Новый год и Милуд, или годовщину рождения Мухаммеда. Каждый из этих праздников длился восемь дней. В это время прекращалась всякая работа, люди посылали друг другу подарки, обменивались визитами и приносили жертвы. Разобщенные семьи, забыв о своих разногласиях, поклялись в будущем согласии и увенчали свою обновленную дружбу тем, что предалися наслаждению всеми удовольствиями, разрешенными законами Корана.

Ночью город был иллюминирован, улицы усыпаны цветами, а набережные и общественные места оглашались мелодиями различных музыкальных инструментов.

Чтобы достойнее отпраздновать это событие, богатые щедро раздавали милостыню, а благословения бедных смешивались с радостными песнями, которые раздавались повсюду вокруг них.

Абдерамус, впитавший со своим восточным образованием любовь к этим великолепным празднествам, впервые привнес вкус к ним в Испанию. Объединяя в своем качестве халифа гражданскую и жреческую власть в своем собственном лице, он регулировал религиозные церемонии в таких случаях и устраивал их празднование со всей помпой и великолепием, которые при аналогичных обстоятельствах демонстрировали правители Дамаска.

Хотя халиф Кордовы был врагом христиан и насчитывал многих из них среди своих подданных, он воздержался от их преследования, но лишил епископства их религиозных руководителей, а церкви - их священников и поощрял браки между маврами и испанцами. Этими средствами проницательный мусульманин нанес истинной религии больший ущерб, чем могла бы нанести самая суровая жестокость.

При правлении Абдерама преемники Пелагия, все еще сохранявшие владение Астурией, хотя и ослабленные внутренними раздорами, которые уже начали преобладать среди них, были вынуждены согласиться на выплату унижительной дани в виде сотни молодых женщин, причем Абдерам отказался предоставить им мир иначе, как этой ценой.

Повелитель всей Испании, от Каталонии до двух морей, первый халиф умер в 788 году н.э., в 172 году хиджры, после славного тридцатилетнего правления, оставив корону своему сыну Хаджему, третьему из своих одиннадцати сыновей.

После смерти Абдерама империю сотрясали восстания и войны между новым халифом и его братьями, дядьями или другими принцами королевской крови. Эти гражданские войны были неизбежны при деспотическом правительстве, где даже порядок наследования престола не регулировался законом. Чтобы претендовать на верховную власть в государстве, достаточно было принадлежать к царственному роду; и поскольку каждый из халифов, почти без исключения, оставил многочисленных сыновей, все эти принцы стали во главе фракции, каждый из них обосновался в каком-нибудь городе и, объявив себя его сувереном, взялся за оружие, выступая против власти халифа. Из этого возникли бесчисленные мелкие государства, которые создавались, уничтожались и возрождались вновь при каждой смене суверенов. Так возникли многочисленные примеры завоеванных, свергнутых или убитых королей, которые делают историю мавров Испании такой сложной в методическом изложении и такой монотонной при чтении.

Хаджим, а после него и его сын Абдельазис-эль-Хаджим сохранили власть над халифатом, несмотря на эти непрекращающиеся раздоры. Первый закончил прекрасную мечеть, начатую его отцом, и с оружием в руках вторгся во Францию, в королевстве которой его генералы дошли до Нарбонны. Последнему, Абдельазису эль-Хаджему, повезло меньше, чем его предшественнику, и ему не удалось с неизменным успехом противостоять испанцам и своим непокорным подданным. Его существование закончилось в разгар национальных трудностей, и его преемником стал его сын Абдерам.

Абдерам II. был великим монархом, несмотря на то, что во время его правления власть христиан начала уравнивать власть мавров.

Христиане воспользовались постоянными разногласиями, царившими среди их бывших завоевателей. Альфонсо Целомудренный, король Астурии, доблестный и политичный монарх, расширил свои владения и отказался платить дань в виде ста юных дев. Рамир, преемник Альфонсо, сохранил эту независимость и несколько раз побеждал мусульман. Наварра стала

королевством, а у Арагона появились свои независимые правители, и ему посчастливилось иметь правительство, которое должным образом уважало права народа. [8] Губернаторы Каталонии, до тех пор подчинявшиеся королям Франции, воспользовались слабостью Луи ле Дебоннера, чтобы добиться независимости. В итоге весь север Испании объявил себя в оппозиции маврам, а юг стал жертвой вторжений норманнов.

Абдерам защищался от всех этих противников и благодаря своим воинственным талантам получил фамилию *Эльмонзаффер*, что означает *Победоносный*. И хотя этот монарх был постоянно занят заботами о правительстве и непрерывными войнами, он поощрял изящные искусства, украсил свою столицу новой мечетью и распорядился построить великолепный акведук, из которого по свинцовым трубам по всему городу в огромном количестве разливалась вода.

Абдерамус обладал душой, способной наслаждаться самыми утонченными и возвышенными удовольствиями. Он привлекал к своему двору поэтов и философов, обществом которых часто наслаждался сам; таким образом, культивируя в себе таланты, которые поощрял в других. Он пригласил с Востока знаменитого музыканта Али-Зериаба, который обосновался в Испании благодаря милости халифа и основал знаменитую школу [9], ученики которой впоследствии доставляли такое удовольствие восточному миру.

Природная свирепость мусульман уступила влиянию рыцарского примера халифа, и Кордова под властью Абдерама стала домом вкуса и удовольствий, а также избранной обителью науки и искусств.

Один-единственный анекдот послужит иллюстрацией нежности и великодушия, которые так сильно отличали этого прославленного потомка Оммиадов.

Однажды любимая рабыня в сильном неудовольствии покинула своего господина и, удалившись в свои покои, поклялась, что скорее, чем откроет дверь для Абдерамуса, она допустит, чтобы ее замуровали. Главный евнух, встревоженный этими словами, которые он расценил как почти богохульные, поспешил пасть ниц перед Повелителем Верующих и поведать ему об ужасных намерениях взбунтовавшегося раба. Абдерам улыбнулся решимости оскорбленной красавицы и приказал евнуху воздвигнуть стену, сложенную из монет, перед дверью ее убежища, и заявил о своем намерении не переступать через эту преграду до тех пор, пока прекрасная рабыня добровольно не разрушит ее, завладев материалами, из которых она была сделана. Историк [10] добавляет, что в тот же вечер халиф без сопротивления вошел в покои умиротворенного фаворита.

Этот принц оставил сорок пять сыновей и почти столько же дочерей. Мухаммед, старший из его сыновей, наследовал ему в 852 году н.э., глава 238. Правление Мухаммеда и его преемников, Альманзора и Абдаллы, в течение пятидесяти лет не предлагает историку ничего, кроме подробностей непрерывного продолжения смут, гражданских войн и восстаний, с помощью которых губернаторы главных городов пытались добиться независимости.

Альфонсо Великий, король Астурии, более эффективно воспользовался этими разногласиями для утверждения своей собственной власти. Норманны, с другой стороны, заново разорили Андалусию. Толедо, которого часто наказывали, но который всегда был непокорным, часто обладал местными суверенами. Сарагоса подражала примеру Толедо. Власть халифов была ослаблена, и их империя, потрясенная во всех частях, казалось, была на грани распада, когда

Абдерам III, племянник Абдаллы, взошел на трон Кордовы и восстановил на некоторое время его первозданное великолепие и мощь (912 г. н.э., 300 Гег.).

Этот монарх, чье имя, столь дорогое мусульманам, казалось благоприятным предзнаменованием, принял титул *Эмир аль-Муменин*, что означает *Князь истинно верующих*.

Начало его правления ознаменовалось победой; мятежники, которых его предшественники не смогли подчинить, были разбиты; фракции были рассеяны, и мир и порядок восстановлены.

Подвергшись нападению христиан вскоре после того, как он принял корону, Абдерам обратился за помощью к маврам Африки. Он вел длительные войны против королей Леона и графов Кастилии, которые отвоевали у него Мадрид, в то время сравнительно незначительное место, в 931 г. н.э., Хег. 319. Часто подвергавшийся нападениям и иногда побежденный, но всегда великий и грозный, несмотря на случайные неудачи, Абдерамус знал, как восполнить свои потери и максимально использовать свою удачу. Глубокий государственный деятель, храбрый и умелый командир, он разжигал раздоры среди испанских принцев, часто проносил свое оружие в самый центр их государств и, создав флот, захватил, кроме того, Сеуту и Сельджемессу на африканском побережье.

Несмотря на непрекращающиеся войны, которыми он был занят в течение всего своего правления, огромные расходы, которым он подвергался на содержание своих армий и военно-морских сил, а также на приобретение военной помощи из Африки, эмир аль-Муменим поддерживал роскошь и великолепие при своем дворе, подробности которых могли бы показаться просто плодом воображения, если бы они не были засвидетельствованы каждым историком того времени.

Современный греческий император Константин XI, желая противопоставить багдадским аббасидам врага, способного противостоять их власти, отправил послов в Кордову, чтобы заключить союз с Абдерамом.

Халиф Запада, польщенный тем, что христиане прибыли из столь отдаленной части света просить его поддержки, ознаменовал это событие великолепной пышностью, которая могла соперничать с пышностью самых роскошных азиатских дворов. Он отправил группу слуг для встречи послов в Джин. Многочисленные кавалерийские корпуса, великолепно сидящие на лошадях и одетые, ожидали их подхода к Кордове, а еще более блестящая демонстрация пехоты выстроилась вдоль аллей, ведущих ко дворцу. Дворы были устланы великолепнейшими персидскими и египетскими коврами, а стены обиты золотой тканью. Халиф, сверкающий бриллиантами и восседающий на ослепительном троне, окруженный своей семьей, визирями и многочисленной свитой придворных, принял греческих послов в зале, где были выставлены все его сокровища. *Хаджеб*, сановник, должность которого у мавров соответствовала должности древних французских *мэров дворца*, представил послов. Они пали ниц перед Абдерамом, пораженные великолепием этого убранства, и преподнесли мавританскому государю письмо Константина, написанное на синем пергаменте и вложенное в золотую шкатулку. Халиф подписал договор, нагрузил императорских гонцов подарками и приказал, чтобы многочисленная свита сопровождала их даже до стен Константинополя.

Абдерамус III, хотя и был постоянно занят либо войной, либо политикой, всю свою жизнь был влюблен в одну из своих жен по имени Зара. [11] Он построил для нее город в двух милях от Кордовы, который назвал Захра.

Теперь это место разрушено. Он был расположен у подножия высокой горы, с которой стекали многочисленные вечные ручьи, воды которых текли во всех направлениях по улицам города, распространяя здоровье и прохладу в своем течении и образуя постоянно текущие фонтаны в центре общественных мест. Дома, каждый из которых был построен по одному и тому же образцу, были увенчаны террасами и окружены садами, украшенными апельсиновыми, лавровыми и липовыми рощами, в которых мирт, роза и жасмин приятно сочетались со всеми разнообразными растениями этого солнечного и восхитительного климата. Статуя прекрасной Захры [12] была на видном месте установлена над главными воротами этого Города Любви.

Но достопримечательности города были полностью затмеваемы сказочным дворцом фаворита. Абдераму, как союзнику их императорского повелителя, потребовалась помощь самого искусного из греческих архитекторов; и государь Константинополя, который в то время был избранным домом изящных искусств, охотно исполнил его желание и прислал халифу вдобавок сорок гранитных колонн редчайшей и прекраснейшей работы. Помимо этих великолепных колонн, при строительстве этого дворца было задействовано более тысячи двухсот других, выполненных из испанского и итальянского мрамора. Стены помещения, названного *Салуном халифата*, были покрыты золотыми украшениями; а изо рта нескольких животных, сделанных из того же металла, били струи воды, которые падали в алебастровый фонтан, над которым была подвешена знаменитая жемчужина, которую император Лев подарил халифу как бесценное сокровище. В павильоне, где хозяйка этой очаровательной обители обычно проводила вечера с царственным мавром, потолок был сделан из золота и полированной стали, инкрустированной драгоценными камнями. И в ослепительном свете, отраженном от этих блестящих украшений сотней хрустальных люстр, сверкнули воды фонтана, сделанного в виде снопа из полированного серебра, чьи нежные струи снова были приняты в алебастровую чашу, из центра которой они били.

Читатель мог бы засомневаться, стоит ли верить этим рассказам; он мог бы вообразить, что читает восточные сказки или что автор был обязан своей историей *"Тысяче и одной ночи"*, если бы приведенные здесь факты не были подробно засвидетельствованы арабскими писателями и подтверждены иностранными авторами с бесспорной правдивостью. Это правда, что архитектурное великолепие, пышные зрелища, помпезность власти, которые характеризовали правление этого прославленного сарацинского короля, не напоминали ничего из того, с чем мы сейчас знакомы; но недоверчивых вопрошающих об их прежнем существовании можно спросить, стали бы они теперь доверять историкам, которые назовут нам точные размеры этих колоссальных сооружений, если бы египетские пирамиды были разрушены землетрясением?

Авторы, от которых почерпнуты приведенные подробности о дворе испанских мусульман, упоминают также суммы, затраченные на возведение дворца и города Захра. Ежегодные затраты составляли триста тысяч золотых динаров [13], и двадцати пяти лет едва хватило для завершения строительства этого величественного памятника рыцарской преданности.

К этим огромным расходам следует добавить содержание сераля, в котором женщины, рабы, черные и белые евнухи насчитывали шесть тысяч человек. Придворные офицеры и лошади, предназначенные для их использования, были в равной степени роскошны. Одна только королевская гвардия состояла из двенадцати тысяч кавалеристов.

Если вспомнить, что из-за постоянной войны с испанскими принцами Абдераму приходилось постоянно содержать многочисленные армии в пешем строю, поддерживать военно-морские силы, часто нанимать стипендиатов из Африки, а также укреплять и поддерживать в состоянии обороны постоянно подвергавшиеся опасности крепости на своих границах, то едва ли возможно понять, как его доходов хватало для удовлетворения таких огромных и разнообразных потребностей. Но его ресурсы были столь же огромны и разнообразны, и правитель Кордовы был, пожалуй, самым богатым и могущественным монархом в то время в Европе. [14]

Ему принадлежали Португалия, Андалусия, Королевство Гренада, Мерсия, Валенсия и большая часть Новой Кастилии, самых красивых и плодородных стран Испании.

Эти провинции были в то время чрезвычайно густонаселенными, а мавры достигли высочайшего совершенства в сельском хозяйстве. Историки уверяют нас, что на берегах Гвадалквивера существовало двенадцать тысяч деревень и что путешественник не мог проехать по стране, не натываясь каждые четверть часа на какую-нибудь деревушку. Во владениях халифа существовало восемьдесят крупных городов, триста городов второго порядка и бесконечное количество городков поменьше. Кордова, столица королевства, заключила в свои стены двести тысяч домов и девятьсот общественных бань.

Все это процветание было сведено на нет изгнанием мавров с полуострова. Причина очевидна: мавританские завоеватели Испании не преследовали своих побежденных врагов; испанцы, когда покорили мавров, притеснили и изгнали их.

Представляется, что доходы кордовских халифов ежегодно составляли двенадцать миллионов сорок пять тысяч золотых динаров. [15] Независимо от этого денежного дохода, многие налоги выплачивались продуктами почвы; и среди трудолюбивого сельскохозяйственного населения, владевшего самой плодородной страной в мире, это сельское богатство было неисчислимым. Золотые и серебряные рудники, известные в Испании с древнейших времен, были еще одним источником богатства. Торговля также обогащала как монарха, так и народ. Торговля мавров велась многими товарами: шелками, маслами, сахаром, кошенилью, железом, шерстью (которая в то время была чрезвычайно ценной), амброй, желтым янтарем, магнитом, сурьмой, металлическим стеклом, горным хрусталем, серой, шафраном, имбирем, продуктами коралловых зарослей на побережье Андалусии, жемчужных промыслов в Каталонии и рубинами, которые они обнаружили в двух местах, одном в Малаге, а другом в Беже. Эти ценные изделия были либо до, либо после изготовления перевезены в Египет или другие части Африки, а также на Восток. Императоры Константинополя, которые по необходимости всегда были в союзе с халифами Кордовы, одобряли эти коммерческие предприятия и своим покровительством способствовали значительному расширению сферы их деятельности, в то время как соседство Африки, Италии и Франции также способствовало их процветанию.

Искусства, которые являются потомками торговли и поддерживают существование своего родителя, придали новый блеск блистательному правлению Абдерамуса. Великолепные

дворцы, которые он возвел, восхитительные сады, которые он создал, и великолепные празднества, которые он устраивал, привлекали к его двору со всех сторон архитекторов и художников всех мастей. Кордова была родиной промышленности и прибежищем науки. Там были основаны знаменитые школы геометрии, астрономии, химии и медицины — школы, которые столетие спустя произвели на свет таких людей, как Аверроэс и Абензоар. Ученые мавританские поэты, философы и врачи были настолько выдающимися, что Альфонсо Великий, король Астурии, желая доверить заботу о своем сыне Ордоньо учителям, способным вести воспитание принца, назначил ему двух арабских наставников, несмотря на различие религиозных верований и ненависть христиан к мусульманам. И один из преемников Альфонсо, Санчо Великий, король Леона, пораженный болезнью, которая, как предполагалось, окажется смертельной по своим последствиям, без колебаний отправился в Кордову, воспользовался гостеприимством своего национального врага и отдал себя под опеку мусульманских врачей, которым в конце концов удалось вылечить болезнь христианского короля.

Этот удивительный факт делает честь искусству ученых сарацин не меньше, чем великодушию халифа и доверчивости Санчо.

Таково было положение Кордовского халифата под властью Абдерама III. Он занимал трон пятьдесят лет, и мы видели, с каким почетом относился к себе и приносил пользу своему народу. Возможно, ничто лучше не проиллюстрирует превосходство этого принца над монархами вообще, чем следующий фрагмент, который был найден, начертанный его собственной рукой, среди его бумаг после его смерти.

"Пятьдесят лет прошло с тех пор, как я стал халифом. Богатством, почестями, удовольствиями я наслаждался всем этим: я пресыщен всем этим. Короли-соперники уважают меня, боятся и завидуют мне. Все, чего может пожелать сердце человека. Небеса щедро одарили меня. За этот долгий период кажущегося счастья я подсчитал количество дней, в течение которых я наслаждался *совершенным счастьем*: их было *четырнадцать*! Смертные, учитесь ценить величие, мир и человеческую жизнь!"

Преемником этого монарха стал его старший сын Абул-Аббас Эль Хаккам, принявший, как и его отец, титул *эмир-аль-Муменим*.

Коронация Эль Хаккама была отпразднована с большой помпой в городе Захра. Новый халиф получил там клятву верности от начальников гвардии косы, многочисленного и грозного отряда, состоящего из чужеземцев, который сформировал Абдерамус III. . Братья и родственники Эль-Хаккама, визири и их начальник, Хаджеб, белые и черные евнухи, лучники и кирасиры гвардии - все поклялись в повиновении монарху. За этими церемониями последовали погребальные почести Абдераму, чье тело было перевезено в Кордову и там опущено в гробницу его предков.

Абул-Аббас Эль Хаккам, столь же мудрый, как и его отец, но менее воинственный, чем он, наслаждался большим спокойствием во время своего правления. Его владычество было царством справедливости и мира. Успех и бдительность Абдерамуса на время подавили дух восстания и подготовили почву для дальнейшего обладания этими великими национальными благами.

Разделенные между собой, христианские короли не вынашивали планов беспокоить своих неверных соседей.

Перемирие, существовавшее между мусульманами и Кастилией и Леоном, было нарушено лишь однажды при жизни Эль-Хаджима. Затем халиф лично командовал своей армией и завершил славную кампанию, взяв у испанцев несколько городов и убедив их своими достижениями в том, что в будущем они будут придерживаться условий договора со своими сарацинскими противниками.

В течение оставшегося периода своего правления мавританский правитель всецело посвятил себя обеспечению счастья своих подданных, развитию науки, сбору обширной библиотеки и, прежде всего, обеспечению строгого соблюдения законов.

Законы мавров были немногочисленны и просты. Похоже, что у них не существовало никаких гражданских законов, кроме тех, которые были включены в их религиозный кодекс. Юриспруденция была сведена к применению принципов, содержащихся в Коране. Халиф, как верховный глава их религии, обладал властью толковать эти принципы, но даже он не осмелился бы их нарушить. По крайней мере, раз в неделю он публично давал аудиенции своим подданным, выслушивал их жалобы, допрашивал виновных и, не покидая зала суда, приводил приговор в исполнение немедленно. Губернаторы, назначенные государем над различными городами и провинциями, командовали принадлежащими каждой из них вооруженными силами, собирали государственные доходы, руководили управлением полиции и выносили решения по преступлениям, совершенным в рамках их соответствующих правительств. Государственные служащие, хорошо разбиравшиеся в законах, выполняли функции нотариусов и придавали юридическую форму документам, касающимся владения имуществом. Когда возникали какие-либо судебные процессы, магистраты, называемые *кади*, авторитет которых уважался как королем, так и народом, могли единолично принимать по ним решения. Эти иски рассматривались быстро; адвокаты были неизвестны, и с ними не было связано ни расходов, ни махинаций. Каждая сторона лично отстаивала свою правоту, и указы кади были немедленно приведены в исполнение.

Уголовное судопроизводство едва ли было более сложным. Мавры почти неизменно прибегали к *наказанию возмездия*, предписанному основателем их религии. По правде говоря, богатым было позволено снять с себя обвинение в кровопролитии с помощью денег; но необходимо было, чтобы родственники покойного согласились на это: сам халиф не осмелился бы утаить голову одного из своих сыновей, виновного в убийстве, если бы на ее выдаче неумолимо настаивали.

Этого простого кодекса было бы недостаточно, если бы недостатки законов не восполняла неограниченная власть, которой пользовались отцы над своими детьми, а мужья - над женами. Что касается этого бесспорного подчинения семьи воле своего главы, мавры сохранили древние патриархальные обычаи своих предков. Каждый отец обладал под своей собственной крышей правами, почти равными правам халифа. Он решал без апелляции ссоры своих жен и сыновей: он сурово наказывал за малейшие провинности и даже обладал властью карать некоторые преступления смертью. Только возраст давал это превосходство. Старик всегда был объектом почитания. Его присутствие прекратило беспорядки: самый надменный молодой

человек при встрече с ним опускал глаза и терпеливо выслушивал его упреки. Короче говоря, обладатель белой бороды повсюду был облечен властью мирового судьи.

Этот авторитет, который был у мавров более могущественным, чем их законы, долгое время оставался незыблемым в Кордове. О том, что мудрый Хаким не сделал ничего, чтобы ослабить его, можно судить по следующей иллюстрации.

У бедной женщины из Захры было небольшое поле, примыкавшее к садам халифа. Эль-Хашим, желая воздвигнуть там павильон, распорядился, чтобы владельца попросили передать его ему. Но женщина отказалась от любого вознаграждения, которое ей предложили, и заявила, что никогда не продаст наследие своих предков. Король, несомненно, не был проинформирован об упрямстве этой женщины, но смотритель дворцовых садов, министр, достойный деспотичного монарха, силой захватил поле, и павильон был построен. Бедная женщина в отчаянии поспешила в Кордову, чтобы рассказать историю своего несчастья кади Бечиру и посоветоваться с ним относительно того, как ей следует поступить. Кади считал, что Князь истинно Верующих имеет не больше прав, чем любой другой человек, распоряжаться чужой собственностью путем насилия; и он попытался найти какой-нибудь способ напомнить себе истину, которую лучшие из правителей иногда забывают.

Однажды, когда мавританский правитель находился в окружении своего двора в прекрасном павильоне, построенном на земле, принадлежащей бедной женщине, кади Бечир предстал перед ним, сидя на осле и неся в руке большой мешок. Изумленный халиф потребовал выполнения своего поручения. "Повелитель правоверных!" - ответил Бехир. "Я пришел просить у тебя разрешения наполнить этот мешок землей, на которой ты стоишь". Халиф с радостью согласился на это желание, и кади наполнил свой мешок землей. Затем он оставил его стоять и, подойдя к своему повелителю, умолял его увенчать свою доброту, помогая ему нагрузить его осла этой ношей. Эль-Хаджима позабавила просьба, он уступил и попытался поднять мешок. Едва сумев сдвинуть его с места, он снова уронил его и, смеясь, пожаловался на его огромный вес. "Князь верующих!" - сказал тогда Бехир с впечатляющей серьезностью. "Этот мешок, который ты находишь таким тяжелым, содержит, тем не менее, лишь малую часть поля, которое ты узурпировал у одного из своих подданных; как ты выдержишь тяжесть всего этого поля, когда предстанешь перед Великим Судьей, обвиненным в этом беззаконии?" Халиф, пораженный таким обращением, обнял кади, поблагодарил его, признал его вину и немедленно вернул бедной женщине поле, которое у нее отняли, вместе с шатром и всем, что в нем находилось.

Похвала, причитающаяся деспотичному правителю, способному на такой поступок, уступает только той, которую следует воздавать кади, побудившему его совершить это.

После двенадцатилетнего правления Эль Хаккам умер в 976 году н.э., 366 гег. Ему наследовал его сын Хаким.

Этот принц был младенцем, когда взошел на трон, и его интеллектуальная незрелость сохранялась всю жизнь. Во время своего совершеннолетия и после него знаменитый мавр по имени Мохаммед Альманзор, получив важный пост *хаджеба*, управлял государством мудро и успешно.

Альманзор соединял с талантами государственного деятеля гений великого полководца. Он был самым грозным и смертельным врагом, с которым христианам когда-либо приходилось бороться. Он правил мавританской империей двадцать шесть лет под именем ленивого Хакима. Более пятидесяти раз он нес ужасы войны в Кастилию или Астурию: он брал и разграблял города Барселону и Леон и дошел даже до Компостеллы, разрушив ее знаменитую церковь и перевезя добычу в Кордову.

Гений и влияние Магомета временно вернули маврам их древнюю силу и энергичность и заставили весь полуостров уважать права своего слабого господина, который, подобно другому Сарданапалу, мечтал провести свою жизнь в наслаждении женственными и унижительными удовольствиями. [16]

Но это был последний луч безоблачного великолепия, озаривший империю Оммиадесов в Испании. Короли Леона и Наварры, а также граф Кастилии объединили свои силы с целью противостоять грозному Альманзору.

Противоборствующие армии встретились близ Медина-Чели. Конфликт был долгим и кровопролитным, а победа сомнительной. Мавры после окончания сражения обратились в бегство, напуганные огромными потерями, которые они понесли; и Альманзор, которого пятьдесят лет непрерывных военных успехов убедили в том, что он непобедим, умер от горя при этом первом сокрушительном поражении.

Вместе с этим великим человеком исчезла удача сарацин в Испании. С момента его смерти испанцы продолжали увеличивать свое собственное благосостояние за счет постепенного разорения мавров.

Сыновья хаджеба Альманзора последовательно сменили своего прославленного отца; но, унаследовав его власть, они не унаследовали его талантов. Снова возникли фракции. Один из родственников халифа поднял против него оружие и овладел личностью монарха, 1005 г. н.э., глава 596; и, хотя мятежный принц не осмелился пожертвовать жизнью Хаджима, он заключил его в тюрьму и распространил слух о его смерти.

Эта весть достигла Африки, и принц Оммиаде поспешил оттуда в Испанию с армией под предлогом отмщения за смерть Хакхема. Граф Кастилии заключил союз с этим чужеземцем, и в Кордове разгорелась гражданская война. Вскоре оно распространилось по всей Испании, и христианские князья воспользовались его пагубными последствиями, чтобы вернуть себе города, которых они были лишены во времена господства Альманзора.

Слабоумный Хаким, ведя переговоры и придуриваясь ко всем партиям, в конце концов был заменен на троне, но вскоре после этого был вынужден снова отречься от него, чтобы спасти свою жизнь.

После этого события множество заговорщиков [17] были, в свою очередь, провозглашены халифами и, в свою очередь, свергнуты, отравлены или иным образом убиты. Альмундир, последняя сохранившаяся ветвь рода Оммиадес, был достаточно смел, чтобы потребовать восстановления прав своей семьи, даже среди суматохи конфликтующих сторон. Его друзья представляли ему опасности, с которыми ему предстояло столкнуться. "Если бы я царствовал всего один день, - ответил ли, - а на следующий скончался, я бы не роптал на свою судьбу!" Но

желание принца даже до такой степени не было удовлетворено; он был убит, так и не вступив во владение халифатом.

Последовали узурпаторы временной власти. Последним по порядку был Джальмар-бен-Мохаммед. Его смерть положила конец империи западных халифов, которой владела династия Оммиадов в течение трех столетий, 1027 г. н.э., 416 гег.

С исчезновением этого рода князей исчезли могущество и слава Кордовы.

Губернаторы различных городов, которые до сих пор были вассалами кордовского двора, пользуясь царившей анархией, возвели себя в ранг независимых суверенов — таким образом, этот город больше не был столицей королевства, хотя все еще сохранял религиозное превосходство, которое он получил благодаря своей мечети.

Ослабленные разделениями и подвергшиеся такому разнообразию правил, мусульмане больше не могли успешно противостоять вторжениям испанцев. Таким образом, третья эпоха их истории не представит ничего, кроме повествования об их быстром упадке.

[1] См. Примечание А, стр. 208.

[2] Династия Оммиадов, столицей которой, как сообщает нам М. Флориан, был Дамаск, наиболее известна в истории как династия *халифов Сирии*; а Аббасидов, сменивших их на троне ислама, обычно обозначают как *халифов Багдада*, город, который они построили и там обосновали свою королевскую власть и великолепие. В связи с этим вопросом можно заметить, что, хотя власть халифов Дамаска продолжала оспариваться и им оказывалось сопротивление после смерти Али, все же с этим событием прекратилось временное разделение гражданской и жреческой власти, которое поначалу было вызвано их узурпацией суверенитета. Политическое господство партии Али прекратилось вместе с его существованием, и власть, которая долгое время принадлежала непосредственным преемникам Мухаммеда, продолжала сосредотачиваться в семье принцев Оммиаде.—Пер..

[3] См. Примечание В, стр. 209.

[4] 752 год н. э., глава 134.

[5] См. Примечание С, стр. 209.

[6] Именно при правительстве аббасидов восточная империя обладала тем превосходством в богатстве, великолепии и учености, которыми она когда-то так славилась. Под властью багдадских халифов мусульмане прославились как своими достижениями в высших областях науки, так и в изящных и полезных искусствах. Им цивилизованный мир обязан возрождением точных и физических наук, а также открытием или реставрацией большинства видов искусства, которые впоследствии оказали такую благотворную помощь прогрессу европейской литературы и утонченности. Широко известная столица Аббасидов была украшена всеми достопримечательностями, которые только могли обеспечить самые безграничные богатства или самое совершенное искусство. Там вкус и власть сочетали изысканную роскошь с несравненным величием, и там было реализовано все, что могло предложить воображение, чтобы очаровать чувства или привести в восторг разум. Эти принцы ислама своей безграничной щедростью привлекли к своему блестящему двору ученость и гений других стран, некоторые из них были горячими любителями науки, а также щедрыми покровителями ее

приверженцев. Таким образом, Багдад стал любимым и радушным домом литературы и искусств; роскошь и погоня за удовольствиями были облагорожены изящным сочетанием с более возвышенными удовольствиями развитого интеллекта и утонченного вкуса. Эти благотворные влияния не ограничивались мусульманским двором или тем периодом времени, когда они проявлялись так сильно. Мусульманские монархи установили законы в обширной области искусства, а также в области оружия; и если вся Европа не признавала их политического превосходства, то в мире науки их превосходство было повсюду неоспоримым. Это, подобно постепенно расширяющимся кругам, оставленным камешком, брошенным в спокойную воду, продолжало распространяться все дальше и дальше, пока не достигло самых отдаленных берегов и не передало щедрый импульс народам, давно погружившимся в интеллектуальную ночь.

Такова была знаменитая империя Аббасидов в ее безмятежные дни неослабевающего могущества — таким прекрасным Городом Мира, любимым домом императорского великолепия, пока грабитель-татарин не осквернил ее красоту и не разрушил ее величие. И все же, когда мы заглядываем под блестящую внешность этих восточных сцен и персонажей, мы обнаруживаем под великолепием и элегантностью, которые так долго ослепляли глаза мира, коррупцию и распущенность правительства, таящие в себе семена собственной незащищенности и окончательного разрушения. Мы видим отсутствие всех незыблемых принципов законодательства; мы часто находим абсолютных монархов, руководствующихся исключительно страстью или капризом при отправлении произвольных законов и вершащих судьбы народа, который в целом был далек от того, чтобы извлекать какую-либо существенную выгоду из богатства и величия своих деспотических правителей. Таким образом, мы приходим к наблюдению за злом, которое неизбежно проистекает из недостатка тех принципов жизненной религии, без которых простое человеческое обучение столь неадекватно для обуздания страстей или направления разума, и тех справедливых законов, верховенство которых только и может обеспечить счастье народа или постоянство политических институтов.—*Пер..*

[7] См. Примечание D, стр. 212.

[8] См. Примечание E, стр. 218.

[9] См. Примечание F, стр. 313.

[10] Кардонне в своей "Истории Испании".

[11] Это слово по-арабски означает *Цветок* или *Украшение мира*.

[12] См. Примечание G, стр. 213.

[13] *Динар*, по оценкам М. Флориана, равен по меньшей мере *десяти ливрам*. Согласно этим расчетам, совокупная стоимость дворца и города Захра составила бы значительно больше 14 000 000 долларов. *Перевод*.

[14] См. Примечание H, стр. 214.

[15] Около 22 500 000 долларов.

[16] См. Примечание I, стр. 214.

[17] Махади, Сулейман, Али, Абдерам IV., Касим, Джахия, Хаджем III., Мухаммед, Абдерам V., Джахия II., Хаджем IV. и Джальмар-бен-Мохаммед.

ТРЕТЬЯ ЭПОХА.

СОДЕРЖИТ РАССКАЗ ОБ ОСНОВНЫХ КОРОЛЕВСТВАХ, ВОЗНИКШИХ НА РУИНАХ ХАЛИФАТА.

Простирался с начала одиннадцатого до середины тринадцатого века.

В начале XI века, когда трон Кордовы ежедневно обгагрался кровью какого-нибудь нового узурпатора, губернаторы различных городов, как уже отмечалось, приняли титул королей. Толедо, Сарагоса, Севилья, Валенсия, Лиссабон, Уэска и несколько других городов меньшей важности обладали независимыми суверенами.

История этих многочисленных королевств была бы почти такой же утомительной для читателя, как и для автора. На протяжении двухсот лет в нем нет ничего, кроме отчетов о повторяющихся массовых убийствах, о взятых и отвоеванных крепостях, о грабежах и мятежах, о случайных примерах героического поведения, но гораздо более многочисленных преступлениях. Быстро миновав два столетия несчастий, пусть будет достаточно поразмыслить о конце этих мелких мавританских владений.

Христианская Испания, между тем, представляла почти ту же картину, что и та часть полуострова, которая все еще находилась во владении мусульман. Короли Леона, Наварры, Кастилии и Арагона почти всегда были родственниками, а иногда и братьями; но по этой причине они не были менее кровожадны в своих замыслах по отношению друг к другу. Разница в вероисповедании не помешала им объединиться с маврами, чтобы более эффективно притеснять других христиан или других мавров, с которыми им довелось враждовать. Так, в битве, произошедшей в 1010 году н.э. между двумя мусульманскими вождями, среди убитых были найдены граф Уржельский и три епископа Каталонии. [1] А король Леона Альфонсо V. выдал свою сестру Терезу замуж за Абдаллу, мавританского короля Толедо, чтобы превратить его в союзника против Кастилии.

Среди христиан, как и среди мавров, множились преступления; гражданские войны как местного, так и общего характера в одно и то же время терзали Испанию, и несчастный народ искупал своим имуществом и своей жизнью беззакония своих правителей.

Рассматривая таким образом длинную череду печальных событий, приятно видеть, что король Толедо по имени Альмамон и Бенабад, мусульманский король Севильи, предоставили убежище при своих дворах: один Альфонсо, молодому королю Леона, а другой несчастному Гарсиасу, королю Галисии, оба они были изгнаны из своих королевств их братом Санчо Кастильским в 1071 году н.э., 465 г. н.э. Санчо преследовал своих братьев так, словно они были его самыми непримиримыми врагами; и мавританские монархи, естественные враги всех христиан, приняли этих двух беглых принцев как братьев. Алмамон, в особенности, расточал самое нежное внимание несчастному Альфонсо: он старался развлечь его в Толедо такими разнообразными удовольствиями, которые должны были изгнать сожаление о потере трона; он давал ему доход и, короче говоря, обращался с принцем так, как если бы тот был близким и

любимым родственником. Когда смерть жестокого Санчо (1072 г. н.э., 466 г. н.э.) сделала Альфонсо королем Леона и Кастилии, великодушный Альмамон, который теперь имел в своей власти личность короля своих врагов, сопровождал принца до границ его королевства, осыпал его подарками и ласками и на прощание предложил своему покойному гостю безвозмездно пользоваться его войсками и сокровищами.

Пока был жив Алмамон, Альфонсо IV. никогда не забывал о своих обязательствах перед своим благодетелем. Он поддерживал с ним мир, помогал ему в его кампаниях против короля Севильи и даже заключил договор с Хакхемом, сыном и преемником своего союзника. Но после недолгого правления Хаким оставил трон Толедо своему юному брату Джахии. Этот принц притеснял христиан, которых было очень много в его городе; и они тайно умоляли Альфонсо начать войну с Джахайей. Память об Альмамоне долгое время заставляла испанского монарха колебаться по этому поводу. Благодарность побудила его не прислушиваться к внушениям честолюбия и молитвам своих соотечественников; но доводы благодарности оказались наименее убедительными, и Альфонсо разбил лагерь перед Толедо.

После долгой и знаменитой осады, к которой с готовностью присоединились несколько французских и других иностранных воинов, Толедо наконец капитулировал в 1085 году н.э., 478 гег.

Завоеватель позволил сыновьям Алмамона отправиться править в Валенсию и поклялся сохранить мечети от разрушения. Однако Он не мог помешать христианам быстро нарушить это обещание.

Таков был конец мавританского королевства Толедо. Эта древняя столица готов принадлежала арабам триста восемьдесят два года.

Несколько других, менее важных городов теперь подчинились христианскому игу. Короли Арагона и Наварры, а также граф Барселоны постоянно преследовали и осаждали мелких мусульманских принцев, которые все еще оставались на севере Испании. Нападения королей Кастилии и Леона предоставили достаточно занятий жителям юга, чтобы помешать им оказывать какую-либо помощь своим братьям. Прежде всего, Сид, знаменитый Сид, перелетал из одной части Испании в другую во главе непобедимого отряда, которым его окружала слава, повсюду добиваясь побед христиан и даже оказывая военную помощь маврам, когда они были внутренне разделены, но всегда обеспечивая успех партии, которой он покровительствовал.

Этот герой, один из самых поистине замечательных из тех, кого прославила история, поскольку в его характере сочетались самые возвышенные добродетели и высочайшие качества солдата; этот простой кастильский кавалерист, которому одна его репутация давала возможность управлять армиями, стал хозяином нескольких городов, помог королю Арагона захватить Уэску и завоевал королевство Валенсия без какой-либо другой помощи, кроме помощи своих латников. Равный по власти своему государю, на обращение с которым у него часто были основания жаловаться, вызываемый завистью и преследованиями ревнивых придворных, Сид ни на минуту не забывал, что он подданный короля Кастилии. Изгнанный от двора и даже изгнанный из своих поместий, он поспешил со своими храбрыми спутниками напасть на мавров и покорить их, а тех из них, кого он победил, отправить засвидетельствовать почтение королю, лишившему его прав.

Будучи вскоре отозван к Альфонсо из-за того, что король нуждался в его военной помощи, Сид покинул места своих военных триумфов и, не требуя возмещения нанесенных ему увечий, вернулся защищать своих преследователей; всегда готовый, находясь в опале, забыть обо всем при исполнении своего долга перед королем, и в равной степени готовый, пользуясь благосклонностью государя, вызвать его неудовольствие, если это будет необходимо, отстаивая дело истины и справедливости. [2]

Пока доблесть Сиды поддерживала борьбу, преимущество было на стороне христиан; но через несколько лет после его смерти, которая произошла в 1099 году и 492 году Хиджры, мавры Андалусии сменили хозяев и на какое-то время стали более грозными, чем когда-либо, для своих испанских врагов.

После падения Толедо могущество Севильи возросло. Правители этого города были также хозяевами древней Кордовы и владели, кроме того, Эстремадурой и частью Португалии. Бенабад, король Севильи, один из самых уважаемых принцев своего времени, теперь был единственным из ее врагов, способных нарушить безопасность Кастилии. Альфонсо IV, желая заключить союз с этим могущественным мавром, потребовал выдать его дочь замуж. К его предложению присоединились, и кастильский монарх получил несколько городов в приданое мавританской принцессы; но этот необычный союз, который, казалось, обеспечивал мир между двумя нациями, тем не менее вскоре стал либо причиной, либо предлогом для возобновления соперничества.

Африка, после того как фатимитские халифы отделили ее от обширной империи халифов Востока и в течение трех столетий гражданской войны она была добычей череды завоевателей, более свирепых и кровожадных, чем львы их пустынь, [3] теперь подчинялась семье *Альморавидов*, могущественного племени египетского происхождения. Иосиф бен-Тессефин, второй принц этой династии, основал королевство и город Марокко.

Наделенный некоторыми воинственными талантами, гордый своей властью и горящий желанием приумножить ее, Иосиф жадным взором взирает на прекрасные европейские провинции, которые ранее были завоеваны африканскими мусульманами.

Некоторые историки утверждают, что король Кастилии Альфонсо IV и его тесть Бенабад, король Севильи, разработав проект раздела Испании между собой, совершили серьезную ошибку, призвав мавров Африки на помощь в этом грандиозном проекте. Но другие, основывая свои утверждения на более правдоподобных рассуждениях, говорят, что мелкие мусульманские короли, которые были соседями или данниками Бенабада, справедливо встревоженные его союзом с христианским королем, обратились за поддержкой к альморавидам.

Но, как бы то ни было, честолюбивый Иосиф охотно воспользовался удачным предложением, предоставленным полученным им приглашением, и пересек Средиземное море во главе целой армии. Он поспешил напасть на Альфонсо, и ему удалось одолеть его в битве, которая произошла между ними в 1097 году н.э., 490 году н.э. Затем, обратив свое оружие против Бенабада, Иосиф взял Кордову, осадил Севилью и готовился к штурму этого города, когда добродетельный Бенабад, пожертвовав своей короной и даже свободой, чтобы спасти своих подданных от угрожавших им ужасов, отдал себя вместе со своей семьей из ста детей в распоряжение Альморавидов.

Африканец-варвар, опасаясь влияния монарха, чьи добродетели сделали его столь справедливо дорогим своему народу, отправил его закончить свои дни в африканской тюрьме, где его дочери были вынуждены содержать отца и братьев своим трудом.

Несчастный Бенабад прожил шесть лет после начала своего тюремного заключения, сожалея об утраченном троне только ради своего народа и скрашивая период своего затянувшегося досуга сочинением нескольких стихотворений, которые существуют до сих пор. В них он пытается утешить своих дочерей в их тяжких горестях, напоминает о своем ушедшем величии и предлагает себя в качестве предостережения и примера королям, которые осмелятся слишком самоуверенно полагаться на неизменное продолжение благосклонности фортуны.

Иосифу бен-Тессефину, ставшему, таким образом, хозяином Севильи и Кордовы, вскоре удалось подчинить себе другие мелкие мусульманские государства; и мавры, объединенные под властью единого монарха, столь могущественного, как Иосиф, снова угрожали занять то важное положение, которое они занимали во времена господства своих халифов. Испанские принцы, встревоженные такой перспективой, прекратили свои личные распри и присоединились к Альфонсо в сопротивлении африканцам.

Именно в этот момент фанатичная любовь к религии и славе побудила многих европейских воинов взяться за оружие против неверных. Раймонд Бургундский и его родственник Генрих, оба французские принцы крови, Раймонд Сен-Жиль, граф Тулузский, с некоторыми другими кавалерами из числа своих вассалов перешли Пиренеи со своими вассалами и сражались под знаменами короля Кастилии. С такой помощью этот государь обратил египетского военачальника в бегство и вскоре после этого вынудил его снова пересечь Средиземное море.

Благодарный Альфонсо отдал своих дочерей в награду выдающимся французам, которые оказали ему помощь своим оружием. Старшая, Уррака, вышла замуж за Раймонда Бургундского, и впоследствии их сын унаследовал королевство Кастилия. Тереза стала женой Генриха и принесла ему в приданое все земли, которые он к настоящему времени завоевал или должен был завоевать впоследствии в Португалии: отсюда возникло это королевство. Эльвира была отдана Раймону, графу Тулузскому, который увез ее с собой в Святую Землю, где своей доблестью приобрел кое-какие владения.

Воодушевленные этими выдающимися примерами, другие французские кавалеры вскоре после этого встали под знамена короля *Арагона* Альфонсо I., который стал хозяином Сарагосы и навсегда разрушил это древнее королевство мавров, 1118 г. н.э., Гег. 512.

Сын Генриха Бургундского Альфонсо I. король Португалии, принц, известный своей храбростью, воспользовался присутствием объединенного флота англичан, фламандцев и немцев, которые бросили якорь в гавани этого города по пути в Святую Землю, чтобы осадить Лиссабон. Он захватил это место штурмом, несмотря на его огромную мощь, и сделал его столицей своего королевства в 1147 году н.э., 541 гег.

В этот период короли Кастилии и Наварры расширяли свои завоевания в Андалусии.

Мавры подвергались нападениям со всех сторон, и их города повсюду были вынуждены сдаваться, теперь, когда альморавиды больше не оказывали им материальной помощи. Эти африканские принцы были в то время достаточно заняты у себя дома противостоянием некоторым новым сектантам, главные из которых под предлогом приобщения народа к знанию

чистых доктрин Мухаммеда открыли себе путь к трону и после долгой борьбы в конце концов изгнали семью Альморавидов из ее владений. Новые завоеватели, став таким образом хозяевами Марокко и Феса, уничтожили, согласно африканскому обычаю, каждого представителя вытесненной расы и основали новую династию, которая известна под именем *Альмохадов*, 1149 г. н.э., Хег. 543.

В разгар этих разногласий, этих войн и сражений в Кордове все еще продолжали культивировать изобразительное искусство. И хотя они больше не находились в том цветущем состоянии, в котором поддерживались во времена правления нескольких халифов, носивших заветное имя Абдерамус, тем не менее школы философии, поэзии и медицины продолжали существовать. Эти школы произвели в двенадцатом веке на свет нескольких выдающихся людей, среди самых знаменитых из которых были ученый Абензоар и знаменитый Аверроэс. Первый, одинаково сведущий в медицине, фармации и хирургии, дожил, как говорят, до ста тридцати пяти лет. Некоторые ценные работы, которые он создал, сохранились до наших дней. Аверроэс также был врачом, но он был скорее философом, поэтом, юристом и комментатором. Он приобрел настолько прочную репутацию, что прошедшие столетия только укрепили ее. Поведение этого замечательного человека своего времени в разные периоды его существования проиллюстрирует его душевный характер. В юности он был страстным приверженцем удовольствий и поэзии; в более зрелом возрасте он сжег стихи, которые сочинил ранее, изучал принципы законодательства и исполнял обязанности судебного чиновника; продвинувшись еще дальше в жизни, он оставил эти занятия ради медицины, в которой достиг очень больших высот: наконец, только философия заменила все прежние вкусы и полностью поглотила его внимание на всю оставшуюся жизнь. Именно Аверроэс первым привил маврам вкус к греческой литературе. Он перевел труды Аристотеля на арабский и написал к ним комментарии. Он также опубликовал несколько других работ по философии и медицине и прославился тем, что просветил человечество и принес ему пользу. [4]

Поскольку Африка, отвлеченная длительной войной Альморавидов и Альмохадов, была не в состоянии оказать какое-либо сопротивление прогрессу христиан в Испании, эти последние, пользуясь таким положением дел, продолжали расширять свои завоевания в Андалусии. Если бы испанские князья были менее разобщены и действовали согласованно против неверных, они смогли бы в этот период лишиться мусульман всех их владений на полуострове. Но едва эти вечно враждующие князья брали мавританский город, как начинали спорить между собой о его обладании.

Недавно созданное королевство Португалия, основанное военными силами Альфонсо, вскоре оказалось в состоянии войны с королевством Леон. [5] Арагон и Кастилия после многих кровавых распрей объединились в лигу против Наварры. Санчо VIII, суверен этого маленького государства, был вынужден обратиться за помощью в Африку и умолять о помощи Альмохадов. Но они, лишь недавно утвердившись на троне Марокко, все еще были заняты истреблением разрозненных осколков партии Альморавидов и не могли, несмотря на свое горячее желание сделать это, предъявить какие-либо претензии на свои предполагаемые права в Испании. Тем не менее, два царя из рода Альмохадов, обоих звали Иосиф, не раз пересекали Средиземное море с многочисленными армиями. Одному успешно противостояли португальцы, и он не пережил своего окончательного поражения; другому повезло больше, и ему удалось победить кастильцев, но вскоре после этого он был вынужден принять перемирие и поспешно вернуться в Марокко, куда его вернули новые волнения, 1195 г. н.э., Гег. 591.

Но эти бесполезные победы, эти непродуманные усилия не вывели из строя окончательно ни мусульман, ни христиан. С обеих сторон побежденные стороны вскоре вновь вышли на поле боя, полностью пренебрегая договорами, в которые они, возможно, совсем недавно вступили. Монархи Марокко, хотя и считались королями Андалусии, тем не менее обладали лишь ненадежной властью в этой стране, которая всегда оспаривалась в их отсутствие и признавалась только тогда, когда необходимость вынуждала мусульманских жителей прибегать к их защите.

Наконец Мухаммед *Эль-Назир*, четвертый принц династии Альмохадов, которому испанцы дали имя Зеленого по цвету его тюбана, оказавшись в спокойном владении мавританской империей в Африке, решил собрать все свои силы, повести их в Испанию и возобновить в этой стране древние завоевания Тарика и Мусы. В 1211 году н.э., в 608 году н.э., была объявлена священная война, и неисчислимая армия, окруженная знаменами Мухаммеда, покинула берега Африки под предводительством этого монарха и благополучно прибыла в Андалусию. Там их численность была почти удвоена испанскими маврами, которых ненависть к самому имени христиан, вызванная живым воспоминанием о накопленных обидах, побудила присоединиться к бандам Эль-Назира.

Сангвиник Мухаммед обещал своим последователям легкую победу вместе с уверенностью в том, что они станут хозяевами всего, чем некогда владели их предки; и, горя желанием начать борьбу, он немедленно двинулся к Кастилии во главе своей грозной армии, которая, согласно сообщениям историков, насчитывала более шестисот тысяч человек.

Король Кастилии Альфонсо Благородный, узнав о военных приготовлениях короля Марокко, обратился за помощью к христианским князьям Европы. Папа Иннокентий III провозгласил крестовый поход и раздал самые щедрые индульгенции. Родрик, архиепископ Толедский, лично отправился в Рим, чтобы просить помощи у верховного понтифика; и, возвращаясь домой через Францию, проповедовал народу по пути и побудил многих кавалеристов отправиться во главе отрядов новобранцев в Испанию и присоединиться к противникам мусульман.

Общее место встречи было в Толедо, где вскоре собралось более шестидесяти тысяч крестоносцев из Италии и Франции, которые объединились с солдатами Кастилии. Король Арагона Петр II, тот самый, который впоследствии погиб в Альбигойской войне, повел свою доблестную армию к месту встречи, и Санчо VIII, король Наварры, не замедлил выступить во главе своих храбрых подданных. Португальцы недавно потеряли своего короля, но они отправили своих лучших воинов в Толедо. Короче говоря, вся Испания схватилась за оружие. Был заключен всеобщий союз для обеспечения взаимной безопасности, ибо никогда, со времен короля Родрике, христиане не подвергались такой неминуемой опасности.

Именно у подножия Сьерра-Морены, в местечке под названием *Лас-Навас-де-Толоса*, три испанских принца столкнулись с маврами в 1212 году н.э., 609 году н.э.

Мохаммед Эль-Назир овладел горными ущельями, по которым христиане намеревались приблизиться к его лагерю. Таким образом, ловкий африканец намеревался либо заставить своих противников повернуть назад, что подвергло бы их опасности нехватки провизии, либо сокрушить их на перевале, если они попытаются войти в него. Обнаружив это обстоятельство, смущенные христианские лидеры созвали совет. Альфонсо хотел попытаться прорваться, но короли Наварры и Арагона посоветовали отступить. В разгар этой дилеммы перед ними

предстал пастух и предложил провести их через горное ущелье, с которым он был знаком. Это предложение, которое было спасением их армии, было с готовностью принято, и пастух провел католических монархов трудными тропами, через скалы и потоки, пока им со своими последователями наконец не удалось достичь вершины горы.

Там, внезапно представ перед глазами изумленных мавров, они в течение двух дней готовились к сражению: молитвой, исповедью и торжественным принятием святого причастия Их предводители подали пример солдатам в этой ревностной преданности; а прелаты и духовенство, которых в лагере было великое множество, после того, как отпустили грехи этим набожным воинам, приготовились сопровождать их в самый разгар сражения.

На третий день, шестнадцатого июля тысяча двести двенадцатого года, христианская армия была построена в боевом порядке. Войска были разделены на три дивизии, каждой из которых командовал король. Альфонсо был в центре, во главе своих кастильцев и кавалеров недавно учрежденных орденов Святого Иакова и Калатравы; Родрике, архиепископ Толедский, очевидец и историк этой великой битвы, шел рядом с Альфонсо, впереди которого был большой крест, главный знамя армии; Санчо и его наваррцы образовывали правый фланг, в то время как Петр и его подданные занимали левый. Французские крестоносцы, которых теперь осталось совсем немного из-за дезертирства многих их товарищей, не выдержавших палящего зноя, шли в авангарде других войск под командованием Арно, архиепископа Нарбоннского.

Расположившись таким образом, христиане спустились в долину, отделявшую их от врагов.

Мавры, согласно своему древнему обычаю, повсюду выставляли своих бесчисленных солдат без всякого порядка. Превосходная кавалерия численностью в сто тысяч человек составляла их главную силу; остальная часть их армии состояла из толпы плохо вооруженных и плохо обученных пехотинцев. Мухаммед, стоявший на высоте, с которой он мог обозревать всю свою армию, был окружен защитой из железных цепей, охраняемой отборнейшими пешими кавалеристами. Стоя посреди этого ограждения с Кораном в одной руке и обнаженной саблей в другой, сарацинский военачальник был виден всем своим войскам, из которых самые храбрые эскадроны занимали четыре стороны холма.

Кастильцы направили свои первые усилия к этому возвышению. Сначала они оттеснили мавров, но, получив, в свою очередь, отпор, в беспорядке отступили. Альфонсо летал туда-сюда, пытаясь сплотить их разрозненные ряды. "Архиепископ, - сказал он прелату, который повсюду сопровождал его, предшествуемый большим знаменем с Крестом, - Архиепископ, здесь нам суждено умереть!" "Не так, сир, - ответил священнослужитель. - Нам суждено здесь жить и побеждать!" В этот момент храбрый каноник, несший главное знамя, бросился с ним в гущу неверных; прелат и король последовали за ним, а кастильские солдаты бросились вперед, чтобы защитить своего государя и свое священное знамя. Уже одержавшие победу короли Арагона и Наварры двинулись теперь во главе своих флангов, чтобы объединиться в атаке на высоту. Мавры подвергались нападению со всех сторон; они храбро сопротивлялись своим противникам; но христиане наседали на них — арагонцы, наваррцы и кастильцы старались взаимно превзойти друг друга в мужестве и отваге. Храбрый король Наварры, проложив себе путь сквозь ряды его защитников, добрался до ограды, ударил и разорвал цепи, которыми был окружен мавританский военачальник. [6] Мухаммед обратился в бегство, увидев эту катастрофу;

и его солдаты, больше не видевшие своего царя, потеряли и надежду, и мужество. Они расступались во всех направлениях и бежали перед христианами. Тысячи мусульман пали от оружия своих преследователей, в то время как архиепископ Толедский вместе с другими священнослужителями, окружив монархов-победителей, пели на поле битвы "*Te Deum*".

Так произошла знаменитая битва при Толозе, о которой были приведены некоторые подробности ввиду ее огромной важности и для иллюстрации военной тактики мавров. У них военное искусство состояло исключительно в том, чтобы смешаться с врагом и сражаться, каждый сам за себя, до тех пор, пока либо сильнейший, либо храбрейший из двух отрядов не останется хозяином поля боя.

Испанцы обладали лишь немногим большим военным мастерством, чем их соседи-мусульмане; но их пехота, по крайней мере, могла атаковать и сопротивляться массово, в то время как дисциплина сарацин едва ли уступала дисциплине сарацин. С другой стороны, опять же, кавалерия мавров была превосходно обучена. Кавалеры, составлявшие его, принадлежали к знатнейшим семьям королевства и владели превосходными лошадьми, искусству управления которыми их обучали с детства. Их способ боя состоял в том, чтобы броситься вперед со скоростью света, нанести удар саблей или копьем, так же быстро улечь, а затем внезапно развернуться и снова вернуться к схватке. Таким образом, им часто удавалось призвать победу к своему знамени, когда казалось, что она вот-вот покинет их. Христиане, покрытые железом, имели в некоторых отношениях преимущество перед этими рыцарями, чьи лица были защищены только нагрудником и головным убором из стали. Мавританские пехотинцы были почти голыми и вооружены только жалкими пиками. Легко понять, что, когда они были вовлечены в *ближний бой*, и, прежде всего, во время маршрута, огромное количество из них, должно быть, погибло. Это также делает менее невероятными кажущиеся экстравагантными отчеты историков об их потерях на поле боя. Они утверждают, например, что в битве при Толозе христиане убили двести тысяч мавров, в то время как сами потеряли всего полторы тысячи солдат. Даже когда эти утверждения оцениваются по их истинной ценности, остается несомненным, что неверные понесли огромные потери; и это важное поражение, которое до сих пор ежегодно отмечается в Толедо торжественным праздником, надолго лишило королей Марокко всякой надежды покорить испанцев.

Победа при Толозе имела более роковые последствия для несчастного Магомета, чем для мавров Андалузии, ибо последние отступили в свои города, защищали их с помощью остатков африканской армии и успешно сопротивлялись испанским князьям, которым удалось захватить лишь несколько их укрепленных пунктов, и, быстро распустив свой союз, они разделились по своим королевствам. Но Мухаммед, презираемый своими подданными после своего поражения и преследуемый предательством своих ближайших родственников, потерял всякую власть в Испании и увидел, что главные мавры, которых он теперь не мог контролировать, снова образовали маленькие государства, независимость которых они были готовы отстаивать силой оружия. [7] Поэтому расстроенный Эль-Назир вернулся в Африку, где вскоре после этого умер от огорчения.

Вместе с Мухаммедом Зеленым исчезла удача альмохадов. Принцы этого дома, быстро сменившие Эль-Назира, приобрели свои королевские prerogatives ценой постоянных несчастий и опасностей и в конце концов были свергнуты с трона. Затем империя Марокко была разделена, и были основаны три новые династии: Фесская, Тунисская и Тремеценская. Эти три

могущественных и соперничающих государства значительно умножили конфликты, преступления и зверства, повествование о которых само по себе составляет историю Африки.

Примерно в этот период в Кастилии возникли некоторые разногласия, которые вместе с участием короля Арагона в альбигойской войне во Франции позволили маврам перевести дух. Мусульмане по-прежнему были хозяевами королевств Валенсия, Мурсия, Гренада и Андалусия, а также части Алгарвы и Балеарских островов, которые до того времени оставались мало известными христианам Континента.

Эти государства были разделены между несколькими суверенами, главным из которых был Бенхуд, потомок древних королей Сарагосы, мудрый монарх и великий полководец, который благодаря своему гению и храбрости получил власть над всей юго-восточной частью Испании. После Бенхуда по рангу самыми важными из этих мусульманских принцев были короли Севильи и Валентии. Варвар, правивший на Майорке, был простым пиратским вождем, чья вражда была страшна только жителям соседнего побережья Каталонии.

Таково было положение мавританской Испании, когда два молодых героя почти одновременно сели на троны двух главных христианских государств; и, уняв волнения, возникшие в период их несовершеннолетия, направили свои сосредоточенные усилия против мусульман, 1224 г. н.э., 621 Гег.

Эти принцы, которые взаимно желали сравняться друг с другом в славе, но никогда не соперничали в интересах, оба посвятили свои жизни искоренению непреклонных врагов своей родной земли. Одним из таких государей был Жак I., король Арагона (сын Петра Арагонского, отличившегося на поле битвы при Толозе), который соединил с мужеством, изяществом, и энергией своего отца большую степень гениальности и успеха, чем выпало на долю этого государя. Другим был Фердинанд III, король Кастилии и Леона, проницательный, мужественный и предприимчивый монарх, которого Римская церковь причислила к своим святым, а история причисляет к своим великим людям.

Этот принц был племянником Бланш Кастильской, королевы Франции, и двоюродным братом-немцем Святого Людовика, [8] на которого он был почти похож своим благочестием, храбростью и мудрыми законами, которые он установил на благо своих подданных.

Фердинанд первым принес свое оружие в Андалусию. Когда он вступил на территорию неверных, ему оказали почтение несколько мавританских принцев, которые признали себя его вассалами. По ходу дела он захватил множество мест и, среди прочих, город Альгамбра, напуганные жители которого уехали в Гренаду и обосновались в части этого города, которая таким образом получила название, под которым впоследствии стала так широко известна.

Жак Арагонский, со своей стороны, отплыл с армией на Балеарские острова. Хотя его продвижению препятствовали встречные ветры, ему удалось, наконец, достичь Майорки, на берегу которой он разбил мавританские войска, пытавшиеся воспротивиться его высадке, а затем двинулся к их столице и осадил ее.

Рыцарский Жак, который при встрече с опасностью всегда брал верх даже над самыми храбрыми своими офицерами и отважными солдатами, как обычно, первым взобрался на стены при штурме этого города. Несмотря на его огромную силу, мусульманский король был свергнут с трона, и эта новая корона была навсегда объединена с короной Арагона в 1229 году н.э., 627 г.

Жак давно замышлял важнейшее завоевание. Валенсия после смерти Сиды снова попала в руки мавров. Эта прекрасная и плодородная провинция, где природа, казалось, радовалась сама себе, заново покрывая фруктами и цветами почву, которую человек так часто заливал кровью, теперь находилась под властью Зейта, брата Мухаммеда Эль-Назира, африканского короля, побежденного христианами при Толозе. Могущественная группировка, враждебная власти Зейта, хотела посадить на трон принца по имени Зеан. Двое соперников обратились к оружию, чтобы решить свои соответствующие претензии. Король Арагона поддержал дело Зейта и под предлогом похода к нему на помощь продвинулся в королевство Валенсия, несколько раз побеждал Зейта, захватил его укрепления и с активной отвагой, которая делала его таким грозным противником, захватил столицу своего врага, 1234 г. н.э., 632 гег.

Под давлением правителя Арагона Зеан обратился за помощью к Бенхуду, самому могущественному из королей Андалусии. Но Бенхуд в это время был занят сопротивлением посягательствам Фердинанда. Кастильцы под предводительством этого доблестного принца добились новых успехов в борьбе с маврами. Овладев большим количеством других городов, они теперь осадили древнюю Кордову.

Бенхуд часто терпел поражения, но всегда сохранял расположение людей, которые считали его своей последней опорой. Он снова собрал армию и, хотя и был одержим столь же искренним желанием освободить Кордову и Валенсию, собирался выступить в сторону последней, полагая, что там он, скорее всего, добьется успеха, когда его жизнь была предательски оборвана одним из его лейтенантов.

Таким образом католические короли были избавлены от противодействия единственного человека, который был способен воспрепятствовать осуществлению их желаний.

Смерть Бенхуда лишила жителей Кордовы всякого мужества и надежды. До тех пор они защищались с таким же мужеством и упорством; но они предложили капитулировать, получив известие об этом катастрофическом событии. [9]

Христиане самым тщательным образом воспользовались своей победой, даровав несчастным ученикам Пророка только жизнь и свободу отъезда. Неисчислимое множество этих несчастных людей вышло из своих прежних домов, рыдая и лишившись всего своего имущества. Они медленно покидали великолепный город, который более пятисот двадцати лет был главным средоточием их национального величия, их роскошного великолепия, их лелеемой религии, их любимой литературы и изящных искусств.

Часто эти безутешные изгнанники останавливались на своем пути и снова обращали свои полные отчаяния взоры к величественным дворцам, великолепным храмам, прекрасным садам, которые пять столетий щедрых расходов и кропотливых усилий служили украшению и совершенствованию только для того, чтобы стать добычей врагов их веры и их расы.

Солдаты-католики, которые теперь были обитателями этих очаровательных обителей, были настолько далеки от того, чтобы оценить их красоту и ценность, что предпочли скорее разрушить, чем заселить их; и вскоре Фердинанд оказался хозяином опустевшего города. Поэтому он был вынужден привлечь в Кордову жителей из других частей своих владений, предложив чрезвычайные иммунитеты. Но, несмотря на предоставленные им таким образом привилегии, испанцы роптали, покидая свои засушливые скалы и бесплодные поля, чтобы поселиться во дворцах халифов и среди самых роскошных пейзажей природы.

Великая мечеть Абдерама была преобразована в кафедральный собор, а Кордова стала резиденцией епископа и каноников, но она так и не была восстановлена ни в малейшей тени своего бывшего великолепия.

Вскоре после падения Кордовы Валенсия также подчинилась христианскому игу. Зеан, помимо того, что подвергся внешнему нападению со стороны бесстрашного Жака, должен был, вдобавок, противостоять в своих стенах фракции Зейта, которого он сверг с престола. Король Туниса также потерпел неудачу в попытке послать флот на помощь Валенсии: он сразу же обратился в бегство при появлении кораблей Жака. Покинутый всем миром, обескураженный судьбой Кордовы и преданный партией своего конкурента, Зеан предложил стать вассалом короны Арагона и платить дань в знак признания своего вассалитета; но христианский монарх был непреклонен и не соглашался ни на какие условия, которые не включали бы условия сдачи города.

Пятьдесят тысяч мавров, унося с собой свои сокровища, сопровождали отъезд своего государя из Валенсии. Жак дал королевское слово защищать богатую добычу, которую они так высоко ценили, от алчности своих солдат, и он добросовестно выполнил свое обещание.

После разрушения двух могущественных королевств Андалусии и Валенсии, казалось, не существовало мавританской державы, способной остановить прогресс испанского оружия. Севилья, которая единственная осталась в живых, уже находилась под угрозой со стороны победоносного Фердинанда. Но как раз в этот период внезапно приобрело значение новое государство, которое сохраняло высокую степень известности в течение двухсот лет и долгое время предотвращало окончательное уничтожение мавров.

[1] См. Примечание А, стр. 216.

[2] См. Примечание В, стр. 216.

[3] См. Примечание С, стр. 218.

[4] См. Примечание D, стр. 220.

[5] 1178 год н. э.

[6] См. Примечание Е, стр. 221.

[7] 1213 год н. э., 610-е гг.

[8] См. Примечание F, стр. 231.

[9] 1236 г. н. э., 634 гег.

ЧЕТВЕРТАЯ ЭПОХА.

КОРОЛИ ГРЕНАДЫ.

Продолжался с середины XIII века до периода полного изгнания мавров из Испании в 1493 году н.э.

Беспрецедентный успех испанцев и, прежде всего, потеря Кордовы посеяли ужас среди мавров. Этот пылкий и суеверный народ, который всегда был одинаково готов лелеять обманчивые надежды и поддаваться унынию, когда эти ожидания не оправдывались, считал свою империю разрушенной в тот момент, когда христианский крест венчал вершину их великой мечети, а знамя Кастилии развевалось над стенами их древней столицы — теми стенами, на протяжении веков торжествующе реяли штандарты западных халифов и их Пророка.

Однако, несмотря на это национальное уныние, Севилья, Гренада, Мурсия и королевство Алгарва по-прежнему принадлежали мусульманам. Они владели всеми морскими портами и всем морским побережьем юга Испании. Их огромное население, огромное национальное богатство и промышленность также обеспечили им огромные ресурсы; но Кордова, священный город, соперник Мекки на Западе, — Кордова находилась во владении христиан, и мавры считали, что все потеряно.

Но надежды этих отчаявшихся последователей ислама были возрождены почти магическим влиянием одного человека, отпрыска племени *Альхамаров* по имени Мухаммед Абуссаид, который был родом из знаменитого арабского города Куффа.

Несколько историков, которые говорят о Мухаммеде под именем *Мухаммед Альхамар*, уверяют нас, что он начал свою карьеру простым пастухом и что, взяв в руки оружие, он стремился к достижению королевской власти вследствие своих боевых подвигов. Такой инцидент не является чем-то экстраординарным среди арабов, где все, кто не происходит ни от семьи Пророка, ни от царственного рода, не обладая ни одной из привилегий рождения, почитаются исключительно в соответствии с их личными заслугами.

Но, как бы то ни было, Мухаммед Абусаид обладал достаточными интеллектуальными способностями, чтобы возродить угасающее мужество побежденных мусульман. Он собрал армию в городе Арьона и, хорошо зная особый характер нации, которой он хотел управлять, приступил к привлечению в своих интересах *сантона*, религиозного персонажа, высоко почитаемого маврами. Этот человек-оракул публично предсказал жителям Алгарвы, что Мухаммеду Альхамару суждено вскоре стать их королем. Соответственно, вскоре жители провозгласили его, и несколько других городов последовали этому примеру.

Мохаммед теперь занял место Бенхуда, к которому он обладал такими же талантами в управлении; и, чувствуя необходимость выбрать город, который заменил бы Кордову в любви мавров, стал священным убежищем их религии и центром их военной мощи, он основал новое королевство и сделал город Гренада своей столицей в 1236 году н.э., 634 гег.

Этот город, могущественный с древнейших времен и считающийся древним Иллиберисом римлян, был построен на двух холмах, недалеко от Сьерра-Невады, горной цепи, вершины которой покрыты вечными снегами. Город пересекала река Дарра, и воды Ксениля омывали его стены. Каждый из двух холмов был увенчан крепостью: на одном возвышалась Альгамбра, а на другом - Альбайзин. Каждая из этих крепостей была достаточной по размерам, чтобы вместить в своих стенах сорок тысяч человек. Беглецы из города Альгамбра, как уже говорилось, дали название своего бывшего дома новому кварталу, который они заселили; а также мавры, изгнанные из Базки при Фердинанде III. став хозяином этого места, они подобным же образом утвердились и в квартале Альбайзин.

Этот город также принимал многих изгнанников из Валенсии, Кордовы и других мест, покинутых мусульманами.

С населением, численность которого увеличивалась с каждым днем, Гренада в период, о котором мы сейчас говорим, занимала более трех лиг в окружности, окруженная неприступными валами; ее защищали множество мощных башен и храбрый и многочисленный народ, военная доблесть которого, казалось, обеспечивала их безопасность и независимость.

Различными были преимущества, которые в совокупности дали Гренаде то превосходство, которое она взяла на себя. Ее местоположение было одним из самых приятных и красивых в мире и делало ее хозяйкой страны, на которую природа щедро одарила своими отборными дарами. Знаменитая *вега*, или равнина, которой был окружен город, имела тридцать лиг в длину и восемь в ширину. На севере он заканчивался горами Эльвира и Сьерра-Невада, а с остальных сторон был окружен холмами, покрытыми зеленью олив, шелковицы, лимона и виноградной лозы.

Эту очаровательную равнину орошали пять небольших рек [1] и бесконечное количество бьющих ключом источников, потоки которых изящными извилинами струились по лугам с вечной зеленью, по дубовым лесам и плантациям зерновых, льна и сахарного тростника или вырывались посреди садов, огородов и апельсиновых рощ.

Все богатые, красивые и разнообразные плодородия почвы требовали лишь небольшого внимания в их культуре. Земля была постоянно покрыта растительностью в мириадах меняющихся форм и никогда не знала зимнего покоя.

В летнюю жару горный бриз разносил освежающую прохладу по воздуху этой прекрасной веги и сохранял ранний блеск и красоту цветов, которые всегда в восхитительном беспорядке смешивались с разнообразными фруктами тропического региона.

На этой знаменитой равнине, очарование которой не может приукрасить никакое описание; на этой чарующей веге, где природа, казалось, исчерпала свои усилия, расточая все, чего могло пожелать сердце человека или вообразить его воображение, было пролито больше крови, чем в любом другом месте мира. Там, где в течение двух столетий непрекращающейся войны, пагубные последствия которой передавались из поколения в поколение, из города в город и от человека к человеку, не существует ни одного изолированного участка земли, где деревья не были бы бессмысленно уничтожены, деревни превращены в пепел, а опустошенные поля усеяны перемешанными телами убитых мавров и христиан.

Независимо от этой *веги*, имевшей такое неоценимое значение для Гренады, четырнадцать крупных городов и более сотни городов меньшего размера, а также огромное количество поселков, были включены в границы этого прекрасного королевства.

Протяженность Гренады от Гибралтара (который христиане захватили лишь много позже этого периода) до города Лорка составляла более восьмидесяти лиг. Он простирался на тридцать лиг в ширину от Кембрила до Средиземного моря.

Гора, через которую проходило королевство Гренада, производила золото, серебро, гранит, аметисты и различные виды мрамора.

Среди этих гор только Альпухарийские образовали провинцию и принесли монарху Гренады больше драгоценных сокровищ, чем могли доставить их рудники, — активных и атлетически сложенных людей, которые стали либо выносливыми и трудолюбивыми земледельцами, либо верными и неустойчивыми солдатами.

В дополнение ко всему этому порты Альмерия, Малага и Альхезирас принимали в свои гавани суда как из Европы, так и из Африки и стали пунктами базирования для торговли со Средиземным морем и Атлантикой.

Таким при своем рождении было королевство Гренада, и таким оно долго оставалось. Мухаммед Альхамар с момента своего основания предпринимал бесполезные усилия по объединению всех оставшихся владений мусульман Испании под одним скипетром, как единственного средства успешного сопротивления посягательствам христиан. Но маленькое королевство Мурсия и Альгарва управлялись отдельными князьями, которые упорно сохраняли свою независимость. Это было причиной их разорения, ибо таким образом они с большей готовностью становились добычей испанцев.

Альхамар ознаменовал начало своего правления военными достижениями. В 1242 году, 640 г. н.э., он получил некоторые важные преимущества перед войсками Фердинанда. Но неоднократные восстания в столице и беспорядки в других частях его новой империи в конце концов вынудили Мухаммеда заключить позорный мир с королем Кастилии. Он согласился засвидетельствовать свою корону кастильскому монарху, передать в его руки крепость Хаэн, платить ему дань и предоставлять ему вспомогательные войска для любых войн, в которых он будет участвовать. На этих условиях Фердинанд признал его королем Гренады и даже помог ему усмирить своих мятежных подданных.

Таким образом, проницательный Фердинанд заключил перемирие с Гренадой, чтобы более эффективно сосредоточить свои силы против Севильи, которую он давно надеялся завоевать.

Важный город Севилья больше не находился под властью короля, а образовал своего рода республику, управляемую военными магистратами. Его расположение недалеко от устья Гвадалквивира, его торговля, население, мягкий климат и плодородие окрестностей сделали Севилью одним из самых цветущих городов Испании.

Фердинанд, предвидя длительное сопротивление, начал кампанию с захвата всех соседних городов.

Наконец, он осадил саму Севилью, и его флот, стоявший в устье Гвадалквивира, закрыл дверь для любой помощи, которая могла быть прислана из Африки на помощь осажденному городу.

Осада была долгой и кровопролитной. Севильцы были многочисленны и хорошо владели военным искусством, а их союзник, король Альгарвы, постоянно преследовал осаждающих. Несмотря на чрезвычайную храбрость, проявленную христианами при штурмах, и нехватку провизии, которая начала ощущаться за стенами, город, после целого года осады, все еще отказывался сдаваться.

Затем Фердинанд призвал короля Гренады прибыть в соответствии с их договором и служить под его знаменами. Альхамар был вынужден подчиниться и вскоре появился в лагере христиан

во главе блестящей армии. После этого события жители Севильи потеряли всякую надежду и сдались кастильскому монарху. Король Гренады вернулся в свои владения с унижительной славой того, что своей помощью способствовал разорению своих соотечественников.

Фердинанд, проявляя больше благочестия, чем политики, изгнал неверных из Севильи. Сто тысяч этих несчастных покинули город в поисках пристанища изгнанника в Африке или в провинциях Гренада.

Королевство Гренада теперь стало единственным и последним убежищем испанских мусульман. Маленькому королевству Алгарва вскоре пришлось принять на себя иго Португалии, а Мурсия, вследствие своего отделения от Гренады, стала добычей кастильцев.

При жизни Фердинанда III не произошло ничего, что могло бы нарушить хорошее взаимопонимание, существовавшее между этим монархом и Мохаммедом Альхамаром.

Король Гренады мудро воспользовался этим мирным периодом, чтобы более эффективно утвердить себя во владении своей короной и подготовиться к возобновлению военных действий против христиан, которые, как он предвидел, недолго останутся его друзьями.

Таким образом, Мохаммед в конечном счете оказался в состоянии, которое позволило бы ему долго защищать свою власть и доминионы. Он был хозяином обширной страны и обладал значительными доходами, размер которых сейчас трудно правильно оценить из-за преобладающего невежества в отношении своеобразной финансовой системы мавров и различных источников, из которых пополнялась государственная казна. Каждый земледелец, например, выплачивал седьмую часть урожая со своих полей своему государю; даже его стада не были освобождены от этого сбора. Королевские владения включали множество ценных ферм; и, поскольку сельское хозяйство было доведено до высшей степени совершенства, доходы от них в такой роскошной стране, должно быть, составляли очень крупную сумму. Ежегодный доход государя увеличивался за счет различных налогов, взимаемых с продажи, маркировки и перемещения из одного пункта в другой всех видов скота. Законы предоставляли королю наследство тех из его подданных, которые умерли бездетными, и, кроме того, предоставляли ему долю в имуществе других умерших лиц. Он также владел, как уже было показано, рудниками золота, серебра и драгоценных камней; и хотя мавры были мало искусны в горном деле, все же в Европе не было страны, в которой золото и серебро были бы более распространены, чем среди них.

Торговля, осуществляемая их прекрасными шелками и большим разнообразием других товаров; их соседство со Средиземным морем и Атлантикой; их активность, трудолюбие и поразительное население; их превосходное знание науки земледелия; умеренность, естественная для всех жителей Испании; и то особое свойство южного климата, благодаря которому из почвы получается много, в то время как для содержания ее обладателя хватает очень небольшого количества; все это, в сочетании с другими национальными преимуществами, даст некоторое представление об огромной силе и ресурсах этого необычного народа.

Их постоянная военная сила — вряд ли об этом можно говорить в мирное время, поскольку они редко пользовались благами этого государства — составляла почти сто тысяч человек; и эта

армия, в случае необходимости, могла быть легко увеличена вдвое. Один-единственный город Гренада мог предоставить пятьдесят тысяч солдат. Действительно, каждый мавр с готовностью стал бы солдатом, чтобы противостоять христианам. Различие в вере делало эти войны священными в их глазах, а взаимная ненависть, питаемая этими двумя почти одинаково суеверными нациями, никогда не переставала вооружать, при необходимости, каждого человека с обеих сторон, даже от детей до стариков.

Независимо от многочисленных и храбрых, но плохо дисциплинированных войск, которые собирались для похода, а затем возвращались по домам без каких-либо затрат для государства, мавританский монарх содержал значительный корпус кавалеристов, которые были рассеяны вдоль границ, особенно в направлении Мурсии и Хаэна, поскольку эти части страны были наиболее подвержены неоднократным вторжениям испанцев. Каждому из этих всадников король пожизненно даровал небольшое жилище с достаточным прилегающим участком для его собственного содержания, а также для содержания его семьи и лошади. Такой метод содержания солдат на службе, хотя и не приводил к расходам для государственной казны, служил более прочной привязке их к своей стране, отождествляя их интересы с ее интересами; и это давало им сильнейшие мотивы добросовестно защищать свои владения, поскольку их достояние всегда в первую очередь подвергалось опустошению врага.

В то время, когда военное искусство не достигло того совершенства, которого оно достигло сейчас, и когда большие группы войск не были постоянно собраны и тренированы, система размещения этой своеобразной охраны вдоль границ имела замечательный эффект.

Рыцари, составлявшие эту непревзойденную кавалерию, были верхом на африканских или андалузских боевых лошадях, чьи боевые заслуги так хорошо известны, и с младенчества были приучены управлять ими; обращались с ними с нежнейшей заботой и считали их своими неразлучными товарищами: таким образом они приобрели то замечательное превосходство, которым до сих пор так славится мавританская кавалерия.

Эти грозные эскадроны, скорость передвижения которых не имела себе равных; которые почти в одно и то же время бросались в атаку всей массой, разбивались на отдельные отряды, рассеивались, спланивались, улетали и снова выстраивались в линию; эти кавалеристы, чей голос, чей малейший жест, сами мысли, так сказать, были понятны их послушным и проницательным скакунам и которые были способны поднять копье или саблю, упавшие на землю на полном скаку, составляли главную военную силу мавров. Их пехота не представляла особой ценности, а их плохо укрепленные города, окруженные только стенами и рвами и обороняемые этой никчемной пехотой, могли оказать лишь несовершенное сопротивление войскам испанцев, которые уже начали заслуживать ту репутацию, которую впоследствии так хорошо сохранили в Италии под командованием Гонсалво, Великого полководца.

После смерти святого Фердинанда на трон взошел его сын Альфонсо Мудрый [2], 1252 г. н.э., 650 г. н.э. Первой заботой Мухаммеда Альхамара после этого события было лично отправиться в Толедо в сопровождении блестящей свиты, чтобы возобновить союзный договор или, скорее, договор о зависимости, по которому он был соединен с Фердинандом. Новый король Кастилии выплатил по этому случаю часть дани, которой были облагены мавры.

Но этот мир длился недолго, и теперь две противоборствующие нации возобновили войну с почти равными преимуществами.

Рассказывается об инциденте, произошедшем во время этой войны, который в равной степени свидетельствует о гуманности мавров и мужестве испанцев. Это относится к Гарсиасу Гомешу, губернатору города Херес. Он был осажден гренадцами, и его гарнизон был почти уничтожен, но он все же отказался сдаться; и, стоя на окровавленных валах, буквально ошестившись стрелами, он в одиночку выдержал натиск нападавших. Мавры, увидев его в таком положении, единодушно согласились сохранить жизнь столь храброму человеку. Затем Гарсиас бросился со стен на какие-то железные крюки; но его спасли живым, несмотря на все его попытки предотвратить это, к нему отнеслись с уважением его похитители, и, после того как его раны зажили, отпустили с подарками.

Альхамар не смог помешать Альфонсо присоединить королевство Мурсия к своим владениям; и военные удачи вынудили его заключить мир, вновь обязавшись выплачивать дань католическому монарху, 1266 г. н.э., 665 гег.

Но некоторые разногласия, которые вскоре после этого возникли между кастильским монархом и некоторыми вельможами его королевства, внушили гренадскому королю надежду возместить понесенные им потери. Брат Альфонсо вместе с несколькими дворянами, принадлежащими к главным кастильским семьям, удалился на Гренаду, открыто бросив вызов власти испанского монарха, и оказал материальную помощь Мохаммеду Альхамару в подавлении повстанческих движений двух его непокорных подданных, попытки которых были поддержаны христианами.

Но как раз в этот момент мудрый и политичный король Гренады умер, оставив трон, который он приобрел и сохранил благодаря своим талантам, своему сыну Мухаммеду II, Эль Факику, 1273 г. н.э., 672 гег.

Новый мусульманский король, принявший титул *эмира аль-Муменима*, во всех отношениях перенял политику своего отца. Он всячески пользовался своим могуществом из-за разногласий, царивших при кастильском дворе, и из-за безрезультатных путешествий, предпринятых Альфонсо в надежде быть избранным императором. [3] Наконец, во время отсутствия своего врага Мухаммед заключил наступательный союз с Иаковом, королем Марокко, принцем расы *меринов*, завоевателей и преемников Альмохадов. Правитель Гренады уступил своему африканскому союзнику два важных города Тарифф и Альхезирас при условии, что тот пересечет Средиземное море и доберется до полуострова.

Иаков, в соответствии с этим соглашением, прибыл в Испанию во главе армии в 1275 году (675-й год Хиджры); и два мавританских вождя, действуя согласованно, получили некоторые важные преимущества.

Но преступный мятеж Санчо, Младенца Кастилии, против своего отца Альфонсо Мудрого вскоре после этого разделил этих мусульманских монархов. Король Гренады встал на сторону мятежного сына, в то время как Альфонсо, доведенный до крайности тем, что его бросили подданные, умолял о помощи короля Марокко. Иаков со своим войском снова переправился через море и встретил Альфонсо в Заре. Во время этой знаменитой встречи несчастный кастилец пожелал уступить почетное место королю, который присутствовал там в качестве его защитника. "Это принадлежит тебе, - сказал ему Джейкоб, - потому что ты несчастный! Я пришел сюда, чтобы отомстить за дело, которым должен заниматься каждый отец. Я пришел

сюда, чтобы помочь вам наказать неблагодарного, который, хотя и получил от вас жизнь, все равно лишил бы вас короны. Когда я выполню свой долг и вы снова станете процветающим и счастливым, я снова стану вашим врагом и буду оспаривать у вас каждый пункт приоритета".

Однако душа христианского принца не была достаточно благородной, чтобы побудить его довериться монарху, высказавшему эти чувства, и он бежал из лагеря. Альфонсо умер вскоре после этого события, лишив наследства своего провинившегося сына до того, как тот скончался, в 1284 году н.э., 683 год.

Однако Санчо [4] правил вместо своего отца, несмотря на этот запрет, и международные смуты вновь потрясли Кастилию.

Мохаммед воспользовался этим моментом, чтобы войти в Андалусию. Он одержал победу в нескольких битвах и занял несколько важных мест в этом королевстве, и таким образом победоносно завершил долгое и славное правление в 1302 году н.э., Хег. 703.

Этот Мухаммед *эмир аль-Муменим*, основные политические события жизни которого мы сейчас кратко изложили, был щедрым покровителем изящных искусств. Он добавил их очарования к привлекательности двора, прославлению которого в равной степени способствовали поэты, философы и астрономы.

В качестве иллюстрации научного превосходства, которое мавры все еще сохраняли над испанцами, можно упомянуть тот факт, что Альфонсо Мудрый, король Кастилии, воспользовался при составлении своих астрономических таблиц (до сих пор известных как *Таблицы Альфонсина*) помощью некоторых современных мусульманских ученых.

К этому времени Гренада начала заменять Кордову. Архитектура, прежде всего, достигла больших успехов. Это было во времена правления Мухаммеда II. что было начато строительство знаменитого дворца Альгамбра, часть которого до сих пор поражает путешественников, которых одного его названия достаточно, чтобы привлечь в Гренаду.

Чтобы показать, на какую высоту совершенства мавры достигли в искусстве соединения великолепия и роскоши, тогда еще столь малоизвестном европейцам, можно, пожалуй, простить несколько подробностей, касающихся этого необычного сооружения, а также в качестве иллюстрации особых манер и обычаев мавров.

Альгамбра, как уже было сказано, сначала была всего лишь огромной крепостью, стоявшей на одном из двух холмов, окружающих город Гренада. Этот холм, хотя и был окружен со всех сторон водами либо Дарры, либо Ксениля, вдобавок был защищен двойным ограждением стен. Именно на вершине этого возвышения, откуда открывался вид на весь город и откуда открывался самый красивый вид в мире, посреди эспланады, покрытой деревьями и фонтанами, Мухаммед выбрал место для своего дворца.

Ничто из того, с чем мы знакомы в архитектуре, не может дать нам правильного представления об архитектуре мавров. Они нагромождали здания без порядка, симметрии или какого-либо внимания к внешнему виду, который они представляли. Все их заботы были сосредоточены на интерьере их строений. Там они исчерпали все ресурсы вкуса и великолепия, чтобы совместить в своих квартирах все необходимое для роскошного баловства с очарованием природы в ее

самых чарующих формах. Там, в залах, отделанных прекраснейшим мрамором и вымощенных блестящей имитацией фарфора, диваны, покрытые золотой или серебряной обивкой, были расставлены у *фонтана*, чьи воды поднимались к сводчатой крыше и распространяли восхитительную прохладу по атмосфере, наполненной тонкими ароматами, исходящими из изысканных ваз с драгоценными духами, смешанными с благоуханным дыханием мирта, жасмина, апельсина и других благоухающих цветов, украшавших покои.

Прекрасный дворец Альгамбра в том виде, в каком он сейчас существует в Гренаде, [5] не имеет *фасада*. К нему можно подойти по очаровательной аллее, которую постоянно пересекают ручейки, чьи потоки изящными изгибами извиваются среди групп деревьев. Вход осуществляется через большую квадратную башню, которая раньше носила название *Зала Суда*. Религиозная надпись сообщает, что именно там царь вершил правосудие по древнему обычаю евреев и других восточных народов. Несколько зданий, которые когда-то примыкали к этой башне, были разрушены в более позднее время, чтобы уступить место великолепному дворцу, возведенному Карлом V. Описание которого не является необходимым для нашей темы. Войдя с северной стороны в древний дворец мавританских королей, чувствуешь себя так, словно внезапно перенесся в сказочную страну. Первый двор представляет собой продолговатый квадрат, окруженный с каждой стороны галереей в форме аркады, стены и потолок которой покрыты мозаикой, фестонами, арабесками, позолотой и резьбой по лепнине самого замечательного мастерства. Все простые промежутки между этими различными орнаментами заполнены отрывками, переведенными из Алькорана, или надписями, сходными по характеру со следующими, которых будет достаточно, чтобы составить некоторое представление о фигуративном стиле мавританской композиции.

"О Назир! ты был рожден владыкой трона, и, подобно звезде, возвещающей о приближении дня, ты сияешь блеском, который принадлежит тебе одному!" Твоя рука - оплот нации; твоё правосудие - всепроникающее светило. Ты можешь своей доблестью подчинить тех, кто дал соратников Богу! Твой многочисленный народ - твои дети, и ты делаешь их всех счастливыми своей добротой. Яркие звезды небесного свода с любовью сияют над тобой, и великолепный свет солнца с любовью озаряет тебя. Величественный кедр, гордый царь леса, склоняет свою высокую голову при твоём приближении и снова возносится твоей могущественной рукой!"

Посреди этого двора, вымощенного белым мрамором, находится длинный бассейн, всегда наполненный проточной водой достаточной глубины для купания. С каждой стороны он окружен клумбами с цветами и аллеями, обсаженными апельсиновыми деревьями. Это место называлось *Месуари* служило местом общего омовения тех, кто был прикреплен к дворцовой службе.

Оттуда можно попасть в знаменитый *Львиный двор*. Он имеет сто футов в длину и пятьдесят в ширину. Колоннада из белого мрамора поддерживает галерею, которая проходит по всему зданию. Эти колонны, стоящие иногда по две, а иногда и по три вместе, имеют стройные пропорции и фантастический дизайн; но их легкость и изящество доставляют удовольствие взору удивленного зрителя. Стены и, прежде всего, потолок круглой галереи покрыты золотыми, лазурными украшениями и лепниной, выполненной в виде арабесок с изысканной тонкостью исполнения, с которой трудно было бы соперничать самым искусным современным мастерам. Среди этих украшений, отличающихся постоянно меняющимся разнообразием и красотой, начертаны отрывки из Корана, такие как следующие, которые все добрые мусульмане должны

часто повторять: *Бог велик: Один Бог всевышний: Нет бога, кроме Бога: Небесное наслаждение, удовлетворение сердца, улада души для всех тех, кто верит.*

По обе стороны Львиного двора, во внутреннем пространстве, ограниченном галереей и, подобно ей, поддерживаемых мраморными колоннами, расположены два элегантных купола пятнадцати-шестнадцати футов в окружности. Эти изящные купола образуют покрытие для прекрасных *струй воздуха*. В центре удлиненного квадрата великолепная алебастровая ваза шести футов в диаметре установлена на возвышении посреди огромной чаши в виде двенадцати львов, изваянных из белого мрамора. Этот сосуд, который, как полагают, был создан по образцу "расплавленного моря" из Храма Соломона, снова увенчан вазой меньшего размера, из которой бьют бесчисленные крошечные каскады, которые вместе образуют большой сноп; и, снова падая из одной вазы в другую, а из них в большой бассейн внизу, создают постоянный поток, объем которого увеличивается за счет потоков прозрачной воды, которая непрерывным потоком изливается изо рта каждого из мраморных львов.

Этот фонтан, как и все остальные, украшен надписями, ибо маврам всегда доставляло удовольствие смешивать красноречие поэзии с изяществом скульптуры. Нам их концепции кажутся странными, а выражения преувеличенными; но наши нравы настолько противоположны их нравам; период их существования как нации так далек, и мы так мало знаем о гениальности их языка, что, возможно, не имеем права судить о литературе мавров по суровым правилам современной критики. И действительно, имеющиеся у нас образцы французской и испанской поэзии XIII и XIV веков, многие из которых немногим превосходят стихи, выгравированные на "Фонтане львов", переводом которых является нижеследующее. [6]

"О ты, созерцающий этих львов! неужели ты не понимаешь, что им нужно только дышать, чтобы овладеть совершенством природы! О Мухаммед! О могущественный повелитель! Бог создал и продлил твое существование, чтобы ты мог быть вдохновлен гением на создание этих новых и прекрасных украшений! Твоя душа украшена самыми благородными качествами человечества. Это очаровательное место олицетворяет твои замечательные добродетели. Подобно льву, ты ужасен в бою; и ничто не может сравниться с обильным и нескончаемым изобилием прозрачных вод, которые бьют из недр этого источника и наполняют воздух сверкающими частицами, как щедрая рука Мухаммеда".

Мы не будем пытаться подробно описать другие части дворца Альгамбра, которые все еще существуют. Некоторые из них служили залами аудиенции или правосудия; другие окружали бани короля, королевы и их детей. До сих пор сохранились спальня покои, где кушетки располагались либо в альковах, либо на платформах, покрытых своеобразным покрытием, о котором уже упоминалось; но всегда рядом с фонтаном, неумолчное журчание которого сонным голосом могло усыпить обитателей.

В музыкальном салоне этой некогда роскошной королевской обители есть четыре возвышенные галереи, которые до того, как слава Альгамбры угасла, часто заполнялись мавританскими музыкантами, восхитительные звуки разнообразных инструментов которых очаровывали гренадский двор. Затем красавицы и храбрецы грациозными группами расположились в центре зала на богатых восточных коврах, окружив алебастровый фонтан, чье

благоухающее дыхание распространяло освежающую прохладу, а тихое журчание смешивалось с нежной музыкой, которая всегда сопровождала отдых и наслаждение.

В покоех, которые были одновременно ораторией и гардеробной королевы этой великолепной резиденции, до сих пор сохранилась мраморная плита с бесконечным количеством маленьких отверстий, пропускавших ароматы, которые непрерывно горели под высоким потолком. Из этой части дворца тоже открываются необычайно красивые виды. Окна и двери, открывающиеся из него, расположены таким образом, что самые приятные виды, самые сочные и приятные световые эффекты постоянно падают на восхищенные взоры тех, кто внутри, в то время как благоухающий ветерок постоянно обновляет восхитительную прохладу воздуха, которым дышит это очаровательное убежище.

Покинув мраморные залы и высокие башни Альгамбры, можно разглядеть на склоне соседней горы знаменитый сад *Генералифа*, что на мавританском языке означает "*Дом любви*". В этом саду находился дворец, в который короли Гренады переезжали, чтобы скоротать весенний сезон. Он был построен в стиле, похожем на Альгамбру: здесь царило то же великолепие, то же дорогостоящее великолепие. В настоящее время здание разрушено, но живописная обстановка, вечно разнообразный и очаровывающий пейзаж, прозрачные фонтаны, сверкающие *струи воды* и низвергающиеся водопады *Хенералиф* все еще вызывают восхищение.

Террасы этого сада имеют форму амфитеатра, и сохранившиеся остатки их некогда прекрасных мозаичных мостовых все еще можно увидеть. Аллеи теперь покрыты темной пеленой из переплетенных ветвей гигантских кипарисов и старых миртов, под благодатной сенью которых так часто прогуливались короли и королевы Гренады. Затем цветущие рощи и заросли фруктовых деревьев приятно перемежались с изящными куполами и мраморными павильонами; тогда в мягком воздухе витал сладкий аромат бесчисленных цветов, которые в восхитительном беспорядке смешивали свои разнообразные краски. Затем нежные усики виноградной лозы обвили поддерживающие ветви апельсина, и оба вместе свисали золотыми и пурпурными гроздьями своих плодов над светлыми водами мраморных источников

"Жаждающий солнца и воздуха!"

Тогда доблесть и красота блуждали бок о бок под пышными ветвями, огонь одной пытался смягчиться более мягким изяществом другой, а души обеих возвышались и очищались святыми и непреодолимыми влияниями природы.

Но теперь пышная виноградная лоза лежит ниц, ее вьющийся ствол и цепляющиеся усики грубо оторваны от некогда прочной опоры: даже журчание фонтана больше не звучит тем же радостным тоном, что и раньше; истлевшие фрагменты полированной колонны и скульптурного купола теперь разбросаны по земле; вздохи легкого ветерка больше не доносятся: это мягкое дыхание откликающихся цветов; красота и великолепие *Дома любви* исчезли навсегда; и крошащиеся камни мозаичных тротуаров отдаются эхом. ничего, кроме неторопливых шагов одинокого незнакомца, который бредет туда, чтобы насладиться теми скорбными прелестями, от которых разрушитель не может избавиться, местом, которое всегда должно так сильно взывать к зрению и сердцу, к памяти и воображению.

Тяжело покидать Альгамбру и Хенералиф, возвращаться к опустошениям, вторжениям и кровавым распрям мавров и христиан.

Такова была судьба Мухаммеда III. (по прозвищу Слепой) быть обязанным в одно и то же время подавлять мятежные движения своих собственных подданных и отражать вторжения своих соседей-католиков. Вынужденный из-за недуга, от которого он получил свое прозвище, избрать премьер-министра, он передал этот важный пост Фаради, мужу своей сестры, разумному государственному деятелю и храброму солдату, который некоторое время успешно продолжал войну против кастильцев и, наконец, завершил ее почетным миром.

Но придворные, ревниво относившиеся к славе и завидовавшие удачливости фаворита, составили заговор против его повелителя и спровоцировали восстания в народе. В довершение его бедствий снова разразилась иностранная война; король Кастилии Фердинанд IV, прозванный *Призванным*, [7] объединился с королем Арагона в нападении на гренадцев. [8]

Гибралтар был взят кастильцами, и завоеватель изгнал мавританских жителей из своих стен. Среди несчастных изгнанников, покинувших город, был старик, который, увидев Фердинанда, подошел к нему, опираясь на свой посох: "Король Кастилии, - сказал он ему, - какой вред я причинил тебе или твоим близким? Твой прадед Фердинанд изгнал меня из моей родной Севильи; я искал убежища в Хересе; твой дед Альфонсо изгнал меня оттуда; удалившись в стены Тарифа, [9] твой отец Санчо изгнал меня из этого города. Наконец я нашел могилу на окраине Испании, на берегу Гибралтара; но твоя ненависть преследовала меня даже здесь: скажи мне теперь об одном месте на земле, где я мог бы умереть, не тронутый христианами!"

"Пересечь море!" - ответил испанский принц и приказал доставить престарелого просителя в Африку.

Побежденный арагонцами, преследуемый кастильцами и встревоженный мятежными действиями, которые вельможи его двора поощряли среди его собственных подданных, король Гренады и его премьер-министр были вынуждены заключить позорный мир.

Вскоре после этого разразилась внутренняя буря, надвигавшаяся долгое время и нарушавшая внутреннюю безопасность королевства. Мухаммед Абеназар, брат Мухаммеда Слепого и глава заговора, схватил несчастного монарха, предал его смерти и занял его место в 1310 г. н.э., 710 г. н.э.

Но сам узурпатор вскоре был свергнут со своего трона Фаради, старым министром, который, не осмелившись присвоить корону себе, возложил ее на голову своего сына Исмаэля, племянника Мухаммеда Слепого по линии его матери, сестры этого монарха.

Это событие произошло в 1313 году н.э., в 713 году н.э. С этого периода королевская семья Гренады разделилась на две ветви, которые с тех пор постоянно враждовали друг с другом; одна, называвшаяся *Альхамар*, включала потомков первого короля по мужской линии, а другая, по имени *Фаради*, принадлежала к тем его отпрыскам, которые были детьми женских ветвей королевской расы.

Кастильцы, чьи интересы всегда отстаивались путем разжигания вражды между своими мавританскими соседями, оказали поддержку Абеназару, который нашел убежище в городе Гренада. Инфант Дон Педро, дядя юного короля Кастилии Альфонсо *Мстителя*, как его прозвали, выступил против Исмаэля и несколько раз давал бой последователям Полумесяца.

Затем, объединив его силы с силами другого Младенца по имени Дон Хуан, двое друзей пронесли огонь и меч до самых крепостных стен Гренады. Воины-неверные не отважились совершить вылазку со своих стен, чтобы отразить захватчиков; но когда христиане, нагруженные добычей, начали возвращаться в Кастилию, Исмаэль последовал по их маршруту со своей армией и, вскоре настигнув своих безжалостных врагов, внезапно напал им в тыл. Сейчас было 26 июня [10], и время, выбранное мусульманами для нападения, было самым жарким часом пылающего дня. Два испанских принца предприняли такие яростные усилия, чтобы реорганизовать свои разрозненные отряды и восстановить утраченную власть, что, в конце концов, измученные жаждой и усталостью, они оба упали замертво, не получив ни единой раны.

Встревоженные и измученные испанцы больше не могли оказывать никакого сопротивления своим разъяренным врагам. Они обратились в бегство, оставив свой багаж вместе с телами двух несчастных Младенцев на поле боя. Исмаэль приказал перевезти останки этих принцев в Гренаду и поместить в гробы, покрытые золотой тканью; затем он вернул их кастильцам, оказав им самые выдающиеся похоронные почести. [11]

За этой победой быстро последовало завоевание нескольких городов и установление почетного перемирия. Но Исмаил не дождался того, чтобы насладиться плодами своего успеха: будучи влюбленным в молодую испанскую пленницу, которая при разделе добычи досталась на долю одного из его офицеров, король настолько забыл законы справедливости и чести, что овладел собой силой с помощью прекрасной рабыни. Такое оскорбление среди последователей ислама может быть искуплено только кровью: монарх был убит своим разъяренным офицером. Его сын Мухаммед V. взошел на трон вместо него в 1322 году н. э., 722 год н.э.

Правление Мухаммеда V. и его преемника Джозефа I., оба погибшие одинаковым образом (были убиты в своем дворце), в течение тридцати лет представляют собой не что иное, как непрерывную серию опустошений, мятежей и сражений.

По просьбе гренадцев Абель-Хассан, король Марокко из династии *меринийцев*, высадился в Испании во главе бесчисленного войска, с которым присоединился к армии Джозефа. Короли Кастилии и Португалии объединившись дали бой этой огромной армии на берегах Саладо, недалеко от города Тарифф. Это столкновение, вошедшее в историю Испании в равной степени с победой при Толосе, завершилось поражением мавров. Абель-Хасан поспешно вернулся в Марокко, чтобы скрыть в пределах своих владений свое огорчение по поводу неожиданного и катастрофического исхода.

Крепость Альхезирас, оплот Гренады, и склад, в котором хранились необходимые припасы, получаемые этим королевством из Африки, были осаждены кастильцами в 1342 году н.э., 742 г. н.э. Несколько французских, английских и наваррских кавалеристов прибыли по этому случаю в лагерь осаждающей армии. Мусульмане воспользовались использованием пушек при обороне своего города; и это первый случай, когда в истории говорится об использовании этого вида вооружения. Нам говорят, что англичане использовали его в битве при Кресси; но это событие произошло только через четыре года после начала нынешней осады. Таким образом, испанским маврам мы обязаны не открытием пороха (ибо одни приписывают это китайцам, другие - немецкому монаху по имени Шварц, а третьи - снова англичанину Роджеру Бэкону), а ужасным изобретением артиллерии. По крайней мере, достоверно, что мавры установили первую пушку, о которой у нас есть какие-либо сведения. Но, несмотря на преимущества,

которыми он таким образом обладал, Альхезирас был взят христианами в 1344 году н.э., 745 г. хиджры.

Примерно через десять лет после этого события несчастный Иосиф, на которого так часто нападали внешние враги, встретил смерть от рук своих собственных подданных.

Читатель, возможно, заметил, что ни один установленный закон не регулировал наследование королевской власти у мавров. И все же, несмотря на постоянные заговоры и интриги, которые делали обладание короной таким ненадежным и ненадежно длительным, принц королевской крови всегда занимал трон. Мы видели, как Гренада была разделена после насильственного прекращения правления Исмаила между группировками *Альхамара* и *Фаради*, причем первые были свергнуты вторыми, которые всегда считали альхамаров узурпаторами. Это несчастливое соперничество стало источником бесчисленных беспорядков, заговоров и убийств.

Монархом, следующим по порядку после Джозефа I. на троне Гренады был его дядя, принц Фаради по имени Мохаммед VI., которого прозвали *Старымиз*-за того, что он унаследовал престол в несколько преклонном возрасте.

Мохаммед Рыжий, потомок рода Альхамар, сверг своего двоюродного брата Мохаммеда Старого с трона в 1360 году н.э., 762 г. н.э., и удерживал его в течение нескольких лет благодаря покровительству короля Арагона.

Петр Жестокий, тогдашний король Кастилии, поддержал дело изгнанного Фаради, подкрепил его притязания воинственными аргументами и так тесно прижал Мухаммеда Альхамара, что тот принял решение вернуться в Севилью и положиться на великодушные своего царственного врага.

Мухаммед прибыл ко двору Севильи в сопровождении свиты, состоящей из его самых верных друзей, и привез с собой несметные сокровища. Он с благородной уверенностью предстал перед монархом. "Король Кастилии! - сказал он Петру. - кровь христиан и мавров слишком долго лилась в моей борьбе с Фаради. Вы защищаете моего соперника; и все же именно вас я выбираю для разрешения нашей ссоры. Рассмотрите мои претензии и претензии моего врага и объявите, кто будет сувереном Гренады. Если вы примете решение в пользу Фаради, я требую только, чтобы меня препроводили в Африку; если вы отдадите предпочтение мне, примите почести, которые я пришел оказать вам в обмен на мою корону!"

Изумленный Петр оказал почести мусульманскому царю и усадил его рядом с собой во время великолепного пира, которым он ознаменовал это событие. Но когда Альхамар отошел от развлечений, его схватили и бросили в тюрьму. Оттуда его, полуголового, провели по улицам города верхом на осле и отвели на поле, называемое *Таблада*, где в его присутствии тридцати семи его преданным последователям отрубили головы. Отвратительный Питер, завидуя удовольствию палача проливать свою кровь, затем проткнул несчастного короля Гренады его собственным копьем. Умирая, умирающий государь произнес только эти слова: "О Петр, Петр, какой подвиг для кавалера!"

По совершенно невероятному стечению обстоятельств каждый трон в Испании в этот период занимали принцы, чьи характеры были запятнаны самыми чудовищными преступлениями. Петр

Жестокий, Нерон Кастильский, убивал королей, которые вверяли себя его покровительству, казнил свою жену Бланш Бурбонскую и, короче говоря, ежедневно обаграл свои руки кровью своих родственников или друзей. Петр IV. Араговец, менее жестокий, чем кастилец, но столь же бесчувственный и еще более вероломный, лишил королевства одного из своих братьев, приказал предать смерти другого и отдал своего древнего наставника в руки палачей. Петр I, король Португалии, любовник знаменитой Инес де Кастро, [12] свирепость которого, несомненно, была возбуждена и усилена жестокостью, проявленной по отношению к его любовнице, вырвал сердца убийц Инес и отравил сестру, которой был недоволен. Наконец, современным королем Наварры был Карл Злой, одного имени которого до сих пор достаточно, чтобы вызывать дрожь. Вся Испания стонала под железным правлением этих жестоких чудовищ и была залита кровью их жертв. Если вспомнить, что в то же самое время Франция стала жертвой ужасов, последовавших за тюремным заключением короля Иоанна; что Англия стала свидетельницей начала беспокойного правления Ричарда II; что Италия была отдана на растерзание соперничающим группировкам гвельфов и гибеллинов и увидела двух претендентов на папский престол одновременно; что два императора оспаривали право на императорскую корону Германии; и что Тимурлан опустошал Азию от территорий ушек до границ Индии, то никто не будет оспаривать, что история Римской Империи не имеет аналогов в Мира. в анналах мира нет более несчастливой эпохи в его делах.

В Гренаде наконец воцарилось спокойствие после преступления Петра Жестокого. Мухаммед Старый, или Фаради, теперь освободившийся от соперничающих притязаний своего конкурента, вновь вззошел на трон без сопротивления.

Мухаммед был единственным союзником короля Кастилии, который оставался верен этому бесчеловечному чудовищу до самой своей смерти. Наконец, Петр стал жертвой преступления, подобного тем, в которых он сам так часто бывал виновен: его незаконнорожденный брат, Генри де Транстамаре, лишил его короны и жизни в 1369 году н.э., Хэг. 771.

Король Гренады заключил мир с новым сувереном Кастилии, поддерживал его в течение нескольких лет и, наконец, оставил свое процветающее королевство своему сыну Мухаммеду VIII Абу-Хаджаду, которого испанские историки называют Мохаммедом Гаудиксом.

Этот принц начал свое правление в 1379 году н.э., 782 год н.э. Он был лучшим и мудрейшим из испанских мусульманских королей. Стремясь лишь способствовать счастью своего народа, он желал обеспечить им наслаждение тем внешним и внутренним миром, к которому они так долго были почти совершенно чужды. Чтобы более эффективно обеспечить это, Абу Хаджад начал свое правление с укрепления своих городов, создания сильной армии и заключения союза с королем Туниса, на дочери которого Кадиге он женился. Хорошо подготовившись к войне, мавританский правитель отправил послов к королю Кастилии, чтобы просить его дружбы. Дон Хуан, сын и преемник Генри де Транстамаре, будучи достаточно занят своими распрями с Португалией и Англией, с готовностью подписал договор с королевским последователем Полумесяца; и Абу Хаджад, со своей стороны, сохранил его в неприкосновенности. Обезопасенный от набегов христиан, этот мудрый монарх теперь занялся развитием сельского хозяйства и торговли: он также снизил ставки податей и вскоре обнаружил, что его доход увеличился вследствие этой разумной меры. Любимый народом, которого он осчастливил, уважаемый соседями-иностранцами, которых у него не было причин бояться, и обладавший любезной женой, которая одна вызывала его привязанность, этот превосходный

мусульманский принц тратил богатство и досуг, которые он мог пристойно посвятить подобным предметам, на украшение своей столицы, лелеяние изящных искусств, развитие архитектуры и поэзии. Несколько памятников его щедрости сохранилось в Гренаде и в Гаудиксе, городе, к которому он питал сильное пристрастие. Его двор был излюбленной обителью гения и элегантности.

У мавров Испании все еще были поэты, врачи, художники, скульпторы, академии и университеты. И все это было щедро поощрено и одарено Мохаммедом Гаудиксом.

Большинство произведений гренадских авторов этого периода погибли при окончательном завоевании их страны; [13] но некоторые из них сохранились и до сих пор хранятся в библиотеке Эскуриала. В основном они касаются грамматики, астрологии (в то время очень почитаемой) и, прежде всего, теологии - науки, в которой преуспели мавры. Этот народ, от природы одаренный проницательным умом и пылким воображением, произвел на свет многих выдающихся богословов, которые, как легко можно предположить, привнесли в Европу прискорбный схоластический вкус к тонким вопросам и спорам, который когда-то сделал столь знаменитыми людей, чьи имена и достижения с тех пор навсегда канули в лету. Мнимые секреты каббалы, алхимии, судебной астрономии, жезла предсказания и все ранее столь распространенные рассказы о колдунах, чародеях и чародейки происходят от этих потомков арабов. Они были суеверной расой с древнейших времен; и вполне вероятно, что их проживанию в Испании и долгому общению с испанцами они обязаны той любовью ко всему чудесному и той заслуженной репутацией суеверной доверчивости, в которой философия до сих пор упрекает бодрую и интеллектуальную нацию, которой природа наградила зародыши лучших качеств, украшающих человечество.

Разновидностью литературы, которая была распространена среди этих сарацин и которой испанцы были им обязаны, были романы. Арабы всегда были и остаются страстными любителями рассказывать истории. Этот вкус преобладал как в палатках диких бедуинов, так и во дворцах Востока, как под позолоченными куполами, так и под крестьянскими крышами Гренады. Повсюду они собирались по вечерам, чтобы послушать романтические повествования о любви и доблести. Повсюду они слушали с молчаливым вниманием или плакали от сочувственного интереса к судьбе тех, чьи приключения легли в основу рассказа. Гренадцев объединила страсть к захватывающим событиям, вкус к музыке и пению. Их поэты воплотили в стихах эти любимые рассказы о любви и войне. Музыканты сочиняли для них подходящие арии, и, таким образом, юные мавры пели их со всем энтузиазмом, который могут вызвать страсть, поэзия и нежная гармония вместе взятые. От этого национального обычая произошло множество испанских романсов, переведенных с арабского или подражавших ему, которые в простом и иногда трогательном стиле повествуют о жестоких схватках мавров и христиан, о роковых ссорах ревнивых и надменных соперников или о нежной беседе влюбленных. Они с большой точностью описывают все, что относится к своеобразным нравам и развлечениям этого интересного и исчезнувшего народа: изображаются их празднества, игры на ринге и тростях, бои быков, последние из которых они переняли у испанцев. Таким образом, мы узнаем, что их боевое снаряжение состояло из большого калибра, тонкого копья, короткой кольчуги и легкого кожаного щита. У нас есть описания великолепных лошадей с их богато украшенными драгоценными камнями и вышивкой попонами, ниспадающими широкими складками на землю, и приспособлений, украшающих герб грациозных мавританских кавалеров. Последние часто изображали сердце, пронзенное стрелой, или, возможно, звезду, направляющую судно,

или первую букву имени прекрасных получательниц их клятв в любви. Мы также узнаем, что каждый из их цветов имел особое значение: желтый и черный выражали скорбь; зеленый - надежду; синий - ревность; фиолетовый и цвет пламени - страстную любовь.

Приведенный ниже сокращенный перевод одного из этих небольших сочинений создаст в сознании читателя более правильное представление о них, чем могло бы передать любое описание. [14]

ГОНСУЛО И ЗЕЛИНДА.

МАВРИТАНСКИЙ РОМАН.

В порыве ревности и гордыни
Зелинда отвергла своего возлюбленного!

Гонзуло услышал его жестокую участь
С вывернутой грудью; и исчезла!
Но прекрасная девушка вскоре глубоко почувствовала
Мучительная рана, нанесенная ею самой;
Как стекает снег с горного гребня,
Так бежало негодование из ее груди.

Они говорят ей, что гордое сердце мавра
Пронзена самым отравленным дротиком грифа,
И что он сбил, пролетая с ее стороны,
нежные цвета, которые когда-то были его гордостью;
Этот зеленый цвет надежды, заветной эмблемы геи,
Уступил Место скорбным оттенкам скорби.
Значок из крепа, который теперь носит наконечник его копья,
Почерневшая корона украшает его щит в качестве эмблемы!

Чтобы предлагать подарки, чреватые иным смыслом,
Зелинда, теперь ее заблудший возлюбленный, искала:
Синий цвет ревности, который она соединила
Со всеми оттенками, самыми дорогими для обещанных любовников;
Фиолетовый драгоценный камень, переплетенный с золотом,
поблескивал в вышитой складке тюрбана,
И в каждой шелковой ленте, которые она носила,
символ прекрасной невинности, который носил этот символ.

Зелинда добралась до мягкого убежища
Там, где должна встретиться судьба Гонзуло!
Охваченная сомнениями, темноглазая служанка
откинулась под миртовой тенью

И послала верного пажа в качестве проводника
Ее изгнанный возлюбленный был рядом с ней.
Гонзуло вряд ли получил бы это послание,
Ибо горе научило его сердце не верить!

Но вскоре он полетел на крыльях любви
Искать выбранную Зелиндой рощу.
Затем полные слез сожаления взгляды
Были встречены словами нежности;
И никогда нимфы-хранительницы не записывали
Более пылких клятв, чем было произнесено!
Так торжествующая любовь исправила
Жестокие обиды, которые они разделили!

Утонченная и своеобразная галантность, прославившая мавров Гренады на всю Европу, составляла разительный контраст со свирепостью, столь естественной для всех народов африканского происхождения. Эти исламиты, главной славой которых было ловко сносить головы своим врагам, прикреплять их к луке седла, а затем выставлять в качестве трофеев на зубчатых стенах своих башен или у входа в свои дворцы; эти беспокойные и неуправляемые воины, которые всегда были готовы восстать против своих правителей, свергнуть или убить их, были самыми нежными, самыми преданными, самыми пылкими любовниками. Их жены, хотя их домашнее положение было немногим выше положения рабынь, становились, когда их любили, абсолютными властительницами, верховными божествами для тех, чьими сердцами они владели. Именно для того, чтобы угодить этим обожествляемым существам, мавританские кавалеры стремились отличиться на поле боя; именно для того, чтобы блистать в их глазах, они расточали свои сокровища и свои жизни — они взаимно старались затмить друг друга в ратных подвигах, в блеске своих воинских подвигов и восточном великолепии своих праздников.

Сейчас невозможно определить, унаследовали ли мавры этот необычайный союз мягкости и жестокости, деликатности и варварства - это великодушное соперничество в храбрости и постоянстве — от испанцев, или испанцы унаследовали эти черты от мавров. Но если вспомнить, что они не принадлежат к азиатским арабам, от которых первоначально произошли эти доблестные рыцари; что они встречаются, даже в меньшей степени, если это возможно, среди этих последователей Мухаммеда в той части Африки, где их натурализовали завоевания; и что после своего ухода из Испании гренадцы утратили всякий след особенно интересных и рыцарских качеств, которыми они ранее так замечательно отличались, есть некоторые основания для мнения, что именно испанцам их мусульманские соседи были обязаны существованием этих национальных меньшинств. атрибуты. По правде говоря, еще до вторжения арабов в Испанию дворы готских королей уже предлагали рыцарские образцы подобного духа. И после этого события мы обнаруживаем, что кавалеры Леона, Наварры и Кастилии одинаково известны своими военными достижениями и романтической преданностью прекрасному полу. Одно только название *Уголовного розыска* пробуждает в сознании воспоминания как о нежности, так и о храбрости. Следует также помнить, что долгое

время после изгнания мавров с полуострова испанцы сохраняли репутацию храбрецов, намного превосходящих французов, часть духа которых, хотя и исчезла среди всех других европейских наций, все еще сохранилась в Испании.

Но, как бы то ни было, нельзя оспаривать тот факт, что дочери Гренады заслуживали той преданности, которую они внушали: они были, пожалуй, самыми очаровательными женщинами в мире. Мы находим в рассказе мавританского историка, который писал в Гренаде во время правления Мухаммеда Старого, следующее описание своих соотечественниц:

"Их красота замечательна; но прелесть, которая поражает зрителя с первого взгляда, впоследствии приобретает свое главное очарование в изяществе и мягкости их манер. Ростом они выше среднего, изящных пропорций. Их длинные черные волосы ниспадают до земли. Их зубы украшают белизна алебаstra, алые губы, которые постоянно чарующе улыбаются. Постоянное использование ими самых изысканных духов придает их коже свежесть и блеск, которых нет ни у одной другой мусульманской женщины. Их походка, их танец, каждое их движение отличаются грациозной мягкостью, непринужденностью, воздушностью, которая превосходит все остальные их прелести. Их беседа живая и разумная, а их тонкий интеллект постоянно проявляется в блестящем остроумии или рассудительных чувствах".

Одежда этих элегантных женщин состояла, как и до сих пор у турчанок, из длинной льняной туники, перехваченной поясом, из *долимана*, или турецкого платья с короткими рукавами, широких брюк и сафьяновых туфель. Их одежда была из тончайшей ткани и обычно ткалась в полоску: она была расшита золотом и серебром и обильно усыпана драгоценными камнями. Их развевающиеся локоны ниспадали на плечи, а маленькая шапочка, украшенная богатейшими драгоценными камнями, поддерживала вышитую вуаль, ниспадавшую почти до пят. Мужчины были одеты подобным образом: за поясом они носили кошелек, носовой платок и кинжал; голову покрывал белый, а иногда и цветной тюрбан; поверх турецкого долимана они носили летом широкую и ниспадающую белую мантию, а зимой - *альборнос* или африканскую мантию. Единственным изменением, внесенным мавританскими кавалерами в свою одежду при подготовке к битве, было добавление кольчуги и железной подкладки в тюрбаны.

У гренадцев был обычай каждый год осенью возвращаться в очаровательные виллы, которыми был окружен город. Там они предавались погоне за удовольствиями. Погоня и танцы, музыка и пиршество занимали каждый час.

Манеры тех, кто участвовал в этих национальных танцах, были в высокой степени непринужденными, как и язык песен и баллад, к которым они присоединялись. Если бы не противоречия в человеческом характере, можно было бы удивиться такому недостатку деликатности у людей, способных на столь утонченные чувства. Но в целом народы восточного происхождения не отличаются сдержанностью в своих манерах: в их надменных и легко возбудимых натурах больше страсти, чем сентиментальности, больше ревности, чем деликатности.

Приводя эти подробности, мы, возможно, слишком углубились в период спокойного покоя, которым пользовалось королевство Гренада во время правления Абу Хаджада. Этот превосходный государь, пробыв на троне тринадцать лет, оставил свои процветающие

владения своему сыну Джозефу, который наследовал ему без сопротивления в 1392 году н.э., 795 году н.э.

Иосиф II. желал, подражая курсу своего отца, поддерживать перемирие с христианами. Однако вскоре это было нарушено фанатичным отшельником, который убедил великого магистра Алькантары, португальца Мартина де Барбуду, что он был избран Небесами в качестве избранного инструмента для изгнания неверных из Испании. Он пообещал доверчивому Мартину, во имя Бога, что ему удастся победить врагов Креста и взять штурмом город Гренаду, не потеряв ни единого солдата. Обезумевший великий магистр, убежденный в несомненности выполнения этого обещания, немедленно отправил послов к Джозефу с приказом объявить этому монарху от его имени, что, поскольку религия Мухаммеда ложна и отвратительна, а религия Иисуса Христа - единственная истинная и спасительная вера, он, Мартин де Барбуда, вызывает короля Гренады на поединок двухсот мусульман против ста христиан при условии, что побежденный народ немедленно примет веру победителей.

Легко представить, какой прием встретили эти послы. Иосиф едва мог сдержать негодование своего народа. Послы, с презрением изгнанные, вернулись к великому магистру, который, удивленный отсутствием ответа на свое предложение, вскоре собрал тысячу пехотинцев и триста кавалеристов и поспешил завоевать Гренаду под руководством пророческого отшельника.

Король Кастилии Генрих III, желавший сохранить мир с последователями Пророка в начале правления, в течение которого его собственные владения были лишь беспокойны, как только ему сообщили о предприятии Барбуды, послал ему категорический приказ не пересекать границы; но этот сановник ответил, что он должен повиноваться приказам Иеговы, а не какого-либо земного повелителя, и продолжил свой путь. Губернаторы различных городов, через которые он проезжал на своем пути, пытались, хотя и тщетно, остановить его продвижение; но народ переполнял его почтением и повсюду увеличивал численность его войск.

Армия великого магистра насчитывала шесть тысяч человек, когда в 1394 году н.э., в 798 году н.э., он вступил в страну, которую из-за своей глупости считал уже своей собственностью. При нападении на первый замок, к которому он прибыл, трое солдат были убиты, а сам их фанатичный командир ранен. Безмерно удивленный, увидев, как течет его собственная кровь и падают трое солдат, он вызвал отшельника к себе и спокойно спросил, что это значит, после его недвусмысленного обещания, что ни один поборник истинной веры не погибнет. Фанатик ответил, что данное им слово распространяется только на регулярные сражения. Барбуда больше не жаловалась и вскоре заметила приближение мавританской армии, состоящей из пятидесяти тысяч человек. Вскоре разгорелся конфликт: великий магистр и его триста всадников погибли на поле боя, проявив чудеса доблести. Остальная часть испанской армии была либо взята в плен, либо обращена в бегство; и молчание историков относительно отшельника приводит к мнению, что он был не в числе последних, кто искал безопасности вдали от места действия.

Это глупое предприятие не нарушило доброе взаимопонимание, существовавшее между двумя нациями. Король Кастилии отверг всякое одобрение поведения Мартина де Барбуды, и Джозеф Лонг продолжал править с честью и спокойствием. Но в конце концов он был отравлен, как говорят, великолепною одеянием, которое получил от своего тайного врага, короля Феса, через послов этого государя. Историки утверждают, что это одеяние было пропитано страшным ядом,

который стал причиной смерти несчастного Иосифа в страшнейших мучениях. Особый эффект, который это производило, заключался в том, что плоть отделялась от костей, и страдания несчастного страдальца продолжались в течение длительного периода в тридцать дней.

Мухаммед IX, второй сын этого незадачливого монарха, который еще при жизни своего отца вызывал волнения в королевстве, узурпировал корону, по праву принадлежавшую его старшему брату Джозефу, которого он заточил в тюрьму.

Мохаммед был отважен и обладал некоторыми военными талантами. В союзе с королем Туниса, который объединил свой флот с флотом Гренады, он нарушил перемирие, заключенное с Кастилией в течение двух предыдущих царствований, и поначалу получил некоторые преимущества перед своими противниками, но инфант Дон Фердинанд, дядя и наставник юного короля Иоанна II, не заставил себя долго ждать, отомстив за Испанию.

Мухаммед IX умер в 1408 году, 811 г. н.э. Когда умирающий монарх осознал, что его конец быстро приближается, желая передать корону своему сыну, он послал одного из своих главных офицеров в тюрьму своего брата Джозефа с приказом отрубить голову царственному обитателю. Офицер застал Джозефа за игрой в шахматы с иманом: [15] он с грустью объявил о скорбном поручении, которое ему было поручено. Принц, не проявив никаких эмоций при этом сообщении, только потребовал времени, чтобы закончить свою игру; и офицер не мог отказать в этой небольшой услуге. Пока философ-мусульманин продолжал играть, прибыл второй гонец с известием о смерти узурпатора и провозглашении Иосифа его преемником на троне.

Народ Гренады был счастлив под властью доброго короля Джозефа III. Он был настолько далек от того, чтобы отомстить тем, кто помогал его брату в лишении его прав, что расточал им милости и должности и воспитывал сына Мухаммеда так же, как своих собственных детей. Когда его советники обвинили его в некоторой снисходительности, которую они считали опасной, "Позвольте мне, - ответил государь, - лишить моих врагов всякого оправдания за то, что они предпочли мне моего младшего брата!"

Этому превосходному князю часто приходилось браться за оружие против христиан. Ему так не повезло, что он потерял несколько городов, но он сохранил уважение и привязанность своих подданных и умер, оплакиваемый всем королевством, после пятнадцатилетнего правления, в 1423 году н.э., 927 году н.э.

После смерти Джозефа государство было охвачено гражданскими войнами. Мухаммед X. Абеназар, или *Левша*, сын и преемник этого великодушного короля, был изгнан с трона Мухаммедом XI. *Эль Зугайр*, или Маленький, сохранивший свою несправедливо добытую власть всего два года. Абенсерраги, могущественное племя [16] на Гренаде, восстановили Мохаммеда Левшу на его прежнем месте, а его конкурент погиб на эшафоте.

Примерно через четыре года после смерти Джозефа испанцы возобновили свои набеги на Гренаду и пронесли огонь и меч до самых ворот столицы. Все соседние поля были опустошены, посевы сожжены, деревни разрушены. Иоанн II, правивший тогда в Кастилии, желая добавить к бедствиям, которые он уже причинил этим несчастным людям, еще большее несчастье гражданской войны, спровоцировал провозглашение на Гренаде некоего Джозефа Аллиамара, внука того Магомета Рыжего, который был так подло убит в Севилье Петром Жестоким.

Все недовольные в королевстве присоединились к фракции Джозефа Альхамара; и зегри, могущественное племя, враждовавшее с Абенсеррагами, оказало узурпатору помощь. Мухаммед Абеназар снова был изгнан из столицы в 1432 году н.э., 836 году н.э., и Иосиф IV. Альхамар владел его владениями шесть месяцев. По истечении этого срока он истек.

Мухаммед Левша снова занял свое королевское кресло; но после тринадцати лет несчастий этот несчастный принц был снова свергнут, в третий раз, и заключен в тюрьму одним из своих племянников, по имени Мухаммед XII. осмин, который сам впоследствии был свергнут с престола [17] своим собственным братом Исмаэлем и закончил свои дни в той же темнице, в которой томился его дядя Мухаммед Абеназар.

Все эти революции не помешали христианским и мавританским губернаторам, командовавшим на своих соответствующих границах, совершать непрерывные вторжения во вражескую страну. Иногда небольшой отряд кавалерии или пехоты нападал на деревню, вырезал жителей, грабил их дома и уводил их стада. Иногда армия внезапно появлялась на плодородной равнине, опустошала поля, выкорчевывала виноградные лозы, валила деревья, осаждала и брала какой-нибудь город или крепость и отступала со своей добычей. Такого рода война была разрушительна, прежде всего, для несчастного земледельца. Гренадские владения так сильно пострадали во время правления Исмаила II, что король был вынужден приказать вырубить огромные леса для поддержки своей столицы, которая тогда почти не получала припасов из обширной и плодородной *веги*, которая так часто опустошалась испанцами.

Исмаил II. оставил корону своему сыну Мулей-Хассему, молодому и в высшей степени мужественному принцу, который воспользовался катастрофическим состоянием Кастилии во время прискорбного правления Генриха IV. импотент понес свои руки в центр Андалусии. Успех, ознаменовавший начало правления этого государя, вкупе с его талантами и воинственным рвением внушили маврам мысль, что они еще могут восстановить свое бывшее величие. Но на этом этапе произошло великое и неожиданное событие, остановившее победоносное продвижение Мулей-Хассема и подготовившее путь к полному крушению его королевства.

Изабелла Кастильская, сестра Генриха Бессильного, несмотря на противодействие своего брата и вмешательство почти непреодолимых препятствий, вышла замуж за Фердинанда Католика, короля Сицилии и предполагаемого наследника королевства Арагон. [18] Этот брак, объединив двух самых могущественных монархов Испании, нанес смертельный удар процветанию мавров, которое они могли поддерживать даже в той степени, в какой оно существовало сейчас, только благодаря разделением, которые до сих пор постоянно преобладали среди их христианских противников.

Любого из двух врагов, теперь объединившихся против них, было достаточно поодиночке, чтобы сокрушить мусульман. Фердинанд был столь же политичен, способен и ловок. Он был податлив и в то же время тверд; осторожен до такой степени, что иногда доходил до малодушия; хитер даже до лжи, и в необычайной степени наделен способностью с одного взгляда распознавать все различные средства достижения определенной цели. Изабелла обладала более гордой и благородной натурой; наделенная героическим мужеством и самым непреклонным постоянством цели, она была превосходно подготовлена для осуществления любого предприятия, на которое она могла направить энергию своего могущественного ума. Возвышенные дарования одной из этих царственных особ были использованы для облагораживания характера другой. Фердинанд часто играл роль слабой, вероломной

женщины, вступающей в переговоры только для того, чтобы обмануть; в то время как Изабелла всегда была благородной правительницей, открыто продвигающейся к своим целям и идущей прямо к честному конфликту и великодушному триумфу.

Как только эти выдающиеся личности овладели своими королевствами, подавили все внутренние беспорядки и заключили мирные соглашения с иностранными державами, они взаимно решили сосредоточить все свои усилия на уничтожении мусульманского владычества в Испании.

Этому столетию, казалось, было суждено ознаменоваться славой испанцев. В дополнение к огромным преимуществам, которые давало им объединение их сил, Фердинанда и Изабеллу окружали самые мудрые и опытные советники. Знаменитый кардинал Хименес, когда-то простой монах, теперь возглавлял их советы; и этот способный министр "вел", как он сам утверждал, *"всю Испанию за свой пояс!"* Гражданские войны, которые так долго тревожили полуостров, породили среди христианских держав множество храбрых солдат и превосходных командиров. Среди последних особенно выделялись граф де Кабра, маркиз Кадисский и знаменитый Гонсалво Кордовский, чьи справедливые претензии на фамилию *Великого капитана*, данную ему соотечественниками, по прошествии времени только подтвердились. Государственная казна, истощенная расточительностью Генриха, вскоре была пополнена жесткой экономией Изабеллы, подкрепленной буллой папы римского, разрешавшей королевскому распоряжению церковные доходы. Войска были многочисленны и превосходно дисциплинированы, а соперничество, существовавшее между кастильцами и арагонцами, удвоило доблесть обоих. Короче говоря, все предвещало падение последнего оставшегося трона мавров.

Однако его королевский защитник Мулей-Хассем не был встревожен даже таким скоплением опасностей. Он был первым, кто нарушил перемирие, насильственно овладев городом Захра, 1481 год н.э., 886 год хиджры. Фердинанд отправил послов к мусульманскому двору с жалобой на это нарушение веры; в то же время с приказом потребовать древнюю дань, которую короли Гренады платили суверенам Кастилии.

"Я знаю, - ответил Мулей-Хассем, когда посланцы испанского принца передали свое послание, - я знаю, что некоторые из моих предшественников платили вам дань золотыми монетами; но *это* единственный металл, который сейчас чеканится на национальном монетном дворе Гренады!" С этими словами суровый и надменный монарх поднес наконечник своего копья испанским послам.

Армия Фердинанда сначала двинулась маршем на Альхамар, очень сильную крепость по соседству с Гренадой, особенно известную великолепными банями, которыми ее украсили мавританские короли. Это место было захвачено врасплох, и таким образом разгорелась война, которой суждено было погаснуть только с последним вздохом Гренады.

Поначалу казалось, что победа в равной степени зависит от двух противоборствующих держав. Король Гренады обладал достаточными ресурсами в виде войск, артиллерии и сокровищ. Он мог бы еще долго продолжать борьбу, если бы не один неосторожный поступок, который вверг его в пропасть несчастий, из которой он впоследствии так и не смог выбраться.

Жена Мулей-Хассема по имени Айша до брака с королем принадлежала к одному из самых важных гренадских племен. Отпрыском этого брака был сын по имени Боабдил, по праву

наследовавший трон своего отца. Но безрассудный Мулей отказался от своей жены по примеру рабыни-христианки, в которую он влюбился и которая управляла любящим монархом по своему усмотрению. Этот акт жестокости и несправедливости стал сигналом к гражданской войне. Пострадавшая Айша вместе со своим сыном побудила своих родственников и друзей, а также большое количество жителей столицы отказаться от присяги своему суверену.

В конце концов Мулей-Хассем был изгнан из города, и Боабдил принял титул короля. Таким образом, отец и сын были вовлечены в соперничество за обладание короной, которой Фердинанд стремился лишить их обоих.

В дополнение к несчастьям, которые и без того быстро сокрушали эту растерянную и несчастную страну своей тяжестью, появился еще один претендент на трон в лице брата Мулей-Хассема по имени Загель. Этот принц, возглавлявший шайку мавританских авантюристов, преуспел в получении некоторых важных преимуществ над испанцами в ущельях Малаги в 1483 году н.э., 888 год н.э.

Завоевав своими достижениями сердца соотечественников, Загель теперь задумал свергнуть с престола своих брата и племянника и присвоить себе владения обоих. Таким образом, возникла третья фракция, которая усилила разногласия в государстве.

Боабдиль все еще ненадежно владел столицей; и, желая предпринять какое-нибудь действие, блеск которого возродил бы надежды и уверенность партии, готовой покинуть его, он совершил вылазку во главе небольшого отряда с намерением захватить врасплох Лусену, город, принадлежащий кастильцам.

Но злополучный Боабдил попал в плен во время этой экспедиции.

Он был первым мавританским королем, когда-либо побывавшим в плену у испанцев. Фердинанд расточал ему знаки внимания, вызванные несчастьем, и распорядился, чтобы его доставили в Кордову в сопровождении эскорта.

Старый король Мулей-Хассем воспользовался этой возможностью, чтобы вернуть себе корону, которой лишил его мятежный сын, и, несмотря на партию Загеля, он снова стал хозяином своей столицы. Но восстановленный монарх мог оказать лишь слабое сопротивление продвижению испанцев, которые быстро захватывали его города и приближались к преданной им столице. В стенах этого города несчастные жители безумно воевали друг с другом, словно не подозревая о разрушении, которое быстро приближалось к ним извне. Чтобы усилить кровопролитную вражду, которая уже так уверенно предвещала их гибель, католические монархи стали союзниками плененного Боабдила, обязавшись помогать ему в его усилиях против его отца при условии, что он заплатит им дань в двенадцать тысяч золотых крон, признает себя их вассалом и передаст в их руки некоторые укрепленные пункты. Подлый Боабдил со всем соглашался и, при поддержке политических испанских принцев, поспешил снова поднять оружие против своего отца.

Королевство Гренада теперь превратилось в одно широкое поле бойни, где Мулей-Хассем, Боабдил и Загель яростно сражались за скорбные реликвии своей страны.

Тем временем испанцы быстро переходили от одного завоевания к другому, иногда под предлогом поддержки своего союзника Боабдила, а часто открыто нарушая договор, который

они заключили с этим принцем; но всегда тщательно разжигая огонь раздора, в то время как они грабили каждую из трех соперничающих партий и оставляли побежденным жителям их законы, их обычаи и свободное отправление их религии.

Посреди этих ужасных сцен бедствий и преступлений старый Мулей-Хассем умер, либо измученный горем и несчастьями, либо благодаря своему честолубивому брату. Это событие произошло в 1485 году н.э., в 890 году хиджры.

Теперь Фердинанд объявил себя хозяином всей западной части королевства Гренада, и Боабдил согласился разделить с Загелем остатки этого опустошенного государства. Город Гренада остался за Боабдилом, в то время как Гаудикс и Альмерия достались на долю Загеля. Вследствие этого соглашения война велась не менее энергично, и беспринципный Загель, сомневаясь в своей способности долго удерживать города в своем владении, продал их королю Фердинанду в обмен на ежегодную пенсию.

В силу этого договора католические монархи вступили во владение купленными городами, а изменник Загель даже оказал помощь христианской армии своим оружием, чтобы быстрее свергнуть королевскую власть своего племянника и тем самым положить конец существованию его умирающей страны.

Все, что теперь осталось мусульманам, - это единственный город Гренада. Там все еще правил Боабдил; и, выведенный из себя несчастьем, он вымещал свою ярость и отчаяние в актах варварской жестокости по отношению к его несчастным жителям.

Фердинанд и Изабелла, пренебрегая условиями своего мнимого союза с этим ныне бессильным принцем, призвали его сдать свою столицу в соответствии, как они сказали, с условиями секретного договора, который, по их утверждению, был заключен между ними. Боабдил запротестовал против такого вероломного поведения. Но времени для жалоб не было: он должен успешно защищаться или прекратить правление. Поэтому мавританский принц избрал, мягко говоря, самую героическую альтернативу и решил до последнего защищать то, что осталось ему от его некогда прекрасной и цветущей страны.

Испанский монарх во главе шестидесятитысячной армии, цвет рыцарства объединенных королевств Кастилия и Арагон, осадил Гренаду 9 мая 1491 года и в 897-м году Хиджры.

Этот великий город, как уже упоминалось, был защищен мощными валами, по бокам которых возвышалось множество башен, и многочисленными другими укреплениями, построенными одно над другим. Несмотря на гражданские войны, залившие Гренаду кровью, она все еще заключала в своих стенах более двухсот тысяч жителей. Каждый храбрый мавританский всадник, который все еще оставался верен своей стране, ее религии и ее законам, нашел здесь убежище. Отчаяние удвоило их силы в этой последней отчаянной борьбе; и если бы этими свирепыми и бесстрашными воинами руководил более достойный вождь, чем Боабдил, их благородное постоянство все еще могло бы спасти их; но этот слабый и свирепый монарх без колебаний, при малейшем подозрении, предал своих самых верных защитников топору палача. Таким образом, он с каждым днем становился все более и более объектом ненависти и

презрения гренадцев, у которых он получил прозвище *Зогойби*, то есть *Маленький король*. Различные племена теперь росли недовольными и подавленными, особенно многочисленное и могущественное племя абенсеррагов. Альфаки и иманы также громко предсказывали приближающийся крах мавританской империи; и ничто не поддерживало падающее мужество народа перед натиском чужеземного врага и тиранией его собственных правителей, кроме непреодолимого ужаса перед испанским игом.

С другой стороны, солдаты-католики, окрыленные своими прошлыми успехами, считали себя непобедимыми и ни на минуту не сомневались в неизбежности своего триумфа. Ими также командовали лидеры, которым они были преданно преданы: Понсе де Леон, маркиз Кадисский, Генри де Гусман, герцог Мединский, Мендоса, Агильяр, Вильена и Гонсалво Кордовский, вместе со многими другими известными военачальниками сопровождали своего победоносного короля. Изабелла, чьи добродетели вызывали величайшее уважение, а приветливость и изящество снискали ей всеобщее расположение, тоже отправилась в лагерь своего мужа с Младенцем и Инфантами в сопровождении самого блестящего двора в Европе. Эта политическая принцесса, хотя и была от природы серьезной, мудро приспособилась к существующим обстоятельствам. Она смешивала праздники и развлечения с воинственным трудом: рыцарские поединки и турниры время от времени радовали измученных войной солдат, а танцы, игры и иллюминации наполняли восхитительные летние вечера.

Королева Изабелла была вдохновляющим гением, который руководил всем; доброе слово с ее стороны было достаточной наградой за самые доблестные подвиги; и один только ее взгляд обладал силой превратить самого подлого солдата в героя.

В христианском лагере царило изобилие, а радость и надежда оживляли каждое сердце. Но в осажденном городе взаимное недоверие, всеобщий ужас и перспектива неизбежного разрушения ослабили мужество и почти уничтожили надежды несчастных жителей.

Осада, тем не менее, продолжалась девять месяцев. Осторожный командующий христианской армией не пытался взять штурмом столь превосходно укрепленное место. Поэтому, опустошив окрестности, он терпеливо ждал, пока голод не передаст город в его руки. Довольствуясь штурмом крепостных валов и отражением частых вылазок мавров, он никогда не предпринимал никаких решительных действий, но с каждым днем все теснее прижимал к себе измученного льва, который теперь не мог вырваться из его цепких лап.

Однажды ночью в результате несчастного случая загорелся шатер Изабеллы, и распространяющийся пожар поглотил все палатки в лагере. Но Боабдил не извлек никакой пользы из этого бедствия. Королева распорядилась построить город на месте разрушенного лагеря, чтобы убедить врагов креста в том, что осада никогда не будет снята до тех пор, пока Гренада не перейдет во владение испанцев-завоевателей. Этот великий и экстраординарный замысел, столь достойный гения Изабеллы, был выполнен за восемьдесят дней. Таким образом, христианский лагерь превратился в город-крепость, и Санта-Фе до сих пор существует как памятник благочестию и стойкости героической королевы Кастилии.

Наконец, угнетенные голодом, менее часто добивающиеся успеха, чем вначале, в частичных сражениях, которые постоянно происходили под стенами, и покинутые Африкой, от которой не предпринималось никаких попыток освободить их, мавры теперь почувствовали необходимость капитуляции.

Победители уполномочили Гонсалво Кордовского подготовить условия капитуляции. Они предусматривали, что народ Гренады должен признать Фердинанда и Изабеллу и их королевских преемников своими законными суверенами; что все их христианские пленники должны быть освобождены без выкупа; что мавры должны продолжать руководствоваться своими собственными законами; должны сохранить свои национальные обычаи, своих судей, половину числа своих мечетей и свободное отправление своей веры; что им должно быть разрешено либо сохранить, либо продать свое имущество и удалиться в Африку или в любую другую страну, которую они могут выбрать, и в то же время они не должны быть вынуждены покидать свою родную землю. . Было также решено, что Боабдил должен был выделить ему богатые и обширные владения в Альпухаресе, которыми он должен был владеть полностью.

Таковы были условия капитуляции, но испанцы плохо их соблюдали. Боабдил выполнил свою часть условий за несколько дней до указанного срока, поскольку ему сообщили, что его народ, воодушевленный заявлениями иманов, желает разорвать переговоры и похоронить себя под руинами города, а не допустить, чтобы их заброшенные дома были осквернены вторгшейся ногой разрушителя.

Поэтому несчастный мусульманский принц поспешил передать ключи от города и крепостей Албазин и Альгамбра в руки Фердинанда.

Больше не входя после этой скорбной церемонии в стены, где он больше не пользовался никакой властью, Боабдил отправился в свое печальное путешествие в сопровождении своей семьи и небольшого числа последователей в мелкие владения, которые теперь были всем, что осталось ему от некогда могущественной и обширной империи его предков.

Когда кавалькада достигла возвышенности, с которой еще можно было разглядеть башни Гренады, несчастный изгнанник обратил свой последний печальный взгляд на далекий город среди с трудом сдерживаемых слез и стонов. *"Ты молодец, - сказала Эйша, его мать, - что рыдаешь, как женщина, о троне, который не смог защитить, как мужчина!"*

Но ныне бессильный Боабдил не мог долго выносить существование в качестве подданного в стране, где он правил как суверен: он пересек Средиземное море и добрался до Африки, где и закончил свои дни на поле битвы.

Фердинанд и Изабелла совершили свой публичный въезд в Гренаду 1 января 1492 года сквозь двойные шеренги солдат и под грохот артиллерии. Город казался покинутым; жители бежали от присутствия завоевателей и скрывали свои слезы и отчаяние в самых сокровенных уголках своих жилищ.

Королевские победители отправились сначала в большую мечеть, которая была освящена как христианская церковь, и где они возблагодарили Бога за блестящий успех, увенчавший их оружие. Пока монархи исполняли этот благочестивый долг, граф де Тендилья, новый губернатор Гренады, водрузил победоносный крест и штандарты Кастилии и Святого Иакова на самых высоких башнях Альгамбры.

Так пал этот знаменитый город и так исчезла власть мавров в Испании после семисот восьмидесяти двух лет существования после первого завоевания страны Тариком.

Теперь, пожалуй, уместно кратко остановиться на основных причинах угасания национальной независимости королевства Гренада.

Первое из них проистекало из своеобразного характера мавров: из того духа непостоянства, той любви к новизне и той непрестанной пытливости, которые побуждали их к столь частой смене своих правителей; которые множили фракции среди них и постоянно сотрясали империю внутренними раздорами, расходуя ее силу на внутренние распри и, таким образом, оставляя ее беззащитной перед внешними врагами. Мавров также можно упрекнуть в экстравагантном пристрастии к архитектурному великолепию, пышным празднествам и другим дорогостоящим развлечениям, которые способствовали истощению национальной казны во времена, когда затяжные войны едва ли когда-либо позволяли этому самому плодородному региону земли воспроизводить урожай, уничтоженный испанцами. Но, более того, они были народом без устоявшегося свода законов, этой единственной постоянной основы процветания наций. Кроме того, деспотическая форма правления, которая лишает людей патриотизма, побуждает каждого человека рассматривать свои добродетели и достижения просто как средство личного обогащения, а не как собственность его страны, как это следовало бы считать.

Эти серьезные недостатки национального характера мавров были искуплены многими превосходными качествами, наличие которых признавали даже испанцы. В бою они были не менее храбры и осмотрительны, чем их христианские противники, хотя и уступали им в мастерстве и дисциплине. Однако они превосходили их в искусстве нападения. Невзгоды никогда надолго не одолевали их; они видели в несчастье волю Небес и безропотно подчинялись ей. Их любимая догма фатализма, несомненно, способствовала такому результату. Горячо преданные законам Мухаммеда, они с большой точностью выполняли его гуманные предписания относительно раздачи милостыни: [19] они раздавали бедным не только еду и деньги, но и часть своего зерна, фруктов и стад, а также всякого рода товары. В городах и по всей стране собирались неимущие больные, за ними ухаживали с самой усердной заботой. Гостеприимство, столь святое с древнейших времен у арабов, не менее тщательно соблюдалось жителями Гренады, которые, казалось, получали особое удовольствие от его проявления. Следующий трогательный анекдот рассказывается в качестве иллюстрации мощного влияния этого принципа. Незнакомец, залитый кровью, искал убежища от судебных приставов под крышей престарелого мавра. Старик спрятал его в своем доме. Но едва он успел это сделать, как прибыл стражник, чтобы потребовать выдачи убийцы и в то же время передать охваченному ужасом мусульманину мертвое тело его сына, которого незнакомец только что убил. Престарелый отец все еще не отпускал своего гостя. Однако, когда стражник ушел, он умолял убийцу оставить его. *"Отойди от меня, - закричал он, - чтобы я мог свободно преследовать тебя!"*

Эти мусульмане были весьма мало известны историкам, которые так часто клеветали на них. Утонченные, полные энтузиазма, гостеприимные, храбрые и рыцарственные, но надменные, страстные, непостоянные и мстительные, их несчастливая судьба дает им право, по крайней мере, на сострадание и симпатию, в то время как их добродетели вполне могут вызывать уважение и интерес.

После своего окончательного поражения многие последователи Пророка удалились в Африку. Те, кто остался в Гренаде, сильно страдали от преследований и притеснений, которым они подвергались со стороны своих новых хозяев. Статья их последнего договора с испанцами,

формально гарантировавшая им свободу вероисповедания, была грубо нарушена католиками, которые силой, террором и любыми другими недостойными средствами вынудили мусульман отречься от своей национальной веры.

Наконец, непомерно возмущенные этим отсутствием добросовестности и доведенные до отчаяния жестокостями, которые им приходилось терпеть, мавры в 1500 году попытались восстать против своих угнетателей. Однако их усилия были тщетны: Фердинанд лично выступил против них, силой оружия подавил сопротивление народа, которого он назвал мятежниками, и с мечом в руке совершил обряд крещения более чем пятидесяти тысяч пленных мусульман.

Преемники Фердинанда, Карл V. и особенно Филипп II, продолжали преследовать мавров. [20] Инквизиция была учреждена в городе Гренада, и все ужасы этого ужасного учреждения были дополнены более мягкими средствами обращения неверных в христианство. У них забирали детей, чтобы они получили образование в соответствии с заповедями этой религии, чей Обожаемый Основатель предписывал своим последователям мир, милосердие и снисходительность и запрещал практику несправедливости и жестокости в любой форме.

Поддавшись порывам отчаяния, этот раздавленный и жалкий остаток некогда могущественной и славной нации снова взялся за оружие в 1569 году и совершил самую страшную месть католическому духовенству. Мухаммед-бен-Омма, новый король, которого они избрали вершить их судьбы и который, как говорили, происходил из почитаемого рода Оммиадов, несколько раз давал сражения своим противникам в горах Альпухарес, где в течение двух лет поддерживал дело своих обиженных соотечественников. По прошествии этого времени он был убит своими же людьми. Его преемника постигла та же участь, и мусульмане снова были вынуждены подчиниться игу, которое их восстание сделало еще более невыносимым, чем прежде.

Наконец, король Филипп III. полностью изгнал мавров из Испании. Вызванная таким образом депопуляция нанесла этому королевству рану, от последствий которой оно с тех пор так и не оправилось.

Более ста пятидесяти тысяч представителей этой преследуемой расы нашли убежище во Франции, где Генрих IV. принял их с большой гуманностью. Небольшое число также укрылось в укромных уголках Альпухаре, но большая часть эмигрировавших исламитов искала пристанища в Африке. Там их потомки до сих пор влачат жалкое существование под деспотическим правлением монархов Марокко и непрестанно молятся о том, чтобы их вернули в их любимую Гренаду.

[1] Дарра, Ксенил, Дилар, Вагро и Моначил.

[2] См. Примечание А, стр. 222.

[3] См. Примечание В, стр. 222.

[4] См. Примечание С, стр. 222.

[5] Следует иметь в виду, что описание, данное М. Флорианом остатков некогда великолепного великолепия этого дворца, было написано почти полвека назад; и то время и еще более

безжалостный разрушитель, возможно, произвели большие изменения с того периода среди руин Альгамбры.—Пер.

[6] Переводчик принял буквальную французскую версию этой надписи, приведенную в примечании М. Флориана, исходя из впечатления, что таким образом дух оригинала будет сохранен лучше, чем при попытке передать в рифму его поэтическую интерпретацию.

[7] См. Примечание D, стр. 223.

[8] См. Примечание E, стр. 224.

[9] 1302 год н.э., 703-й век н.э.

[10] 1319 год н.э., 719-й век н.э.

[11] Горы Гренады, по соседству с которыми происходило это действие, с тех пор носят название СЬЕРРА-ДЕ-ЛОС-ИНФАНТЕС.

[12] См. Примечание F, стр. 224.

[13] См. Примечание G, стр. 225.

[14] Переводчик рискует предложить имитацию французской версии этой мавританской баллады М. Флориана и прилагает испанский оригинал, с которым он знакомит своих читателей.

ГАНЗУЛ И ЗЕЛИНДА.

РОМАНТИКА МОРО.

En el tiempo que Zelinda
Cerro ayrada la ventana
A la disculpa a los zelos
Que el Moro Ganzul le daya,
Confusa y arrepentida
De averse fingido ayrada,
For verle y desagravialle,
El corazon se le abraza;
Que en el villano de amor
Es mui cierta la mudanza, etc.

Y como supo que el Moro
Rompio furioso la lanca, etc.
Y que la librea verde
Avia trocado en leonada;
Saco luego una marlota
De tufetan roxo y plata,
Un bizarro capellar
De tela de oro morada, etc.

Con une bonete cubierto
De zaphires y esparaldas,
Que publican zelos muertos,
Y vivas las esperancos,
Con una nevada toca;
Que el color de la veleta
Tambien publica bononca
Informandose primero.

A donde Ganzul estava,
A una caza de plazer
Aquella tarde le llama
Y diziendole a Ganzul.
Que Zelinda le aguardava,
Al page le pregunto
Tres vezes si so burlava;
Que son malaas de creer
Las nuevas mui desseadas, etc.
Фруктовый сад,
Закусочная москетта и жасмин и др.

Viendose Moro con ella,
A penas los ojos alca;
Zelinda le asio la mano,
Un poco roxa y turbada;
Y al fin de infinitas guexas
Que en tales passes se passan,
Vistio se las ricas presas
Con las manos de su dama, etc.

[15] Мусульманский священник.

[16] См. Примечание Н, стр. 225.

[17] 1453 г. н. э., 857 гег.

[18] 1469 г. н. э., 874 гег.

[19] См. Примечание I, стр. 226.

[20] Эдикты Карла V, которые были обновлены и ужесточены Филиппом II, полностью изменили особые домашние привычки и манеры мавров, предписывали им перенимать испанскую одежду и язык, запрещали их женщинам носить вуали, запрещали произносить клятву и исполнять их национальные танцы и предписывали регистрировать всех их детей в возрасте от пяти до пятнадцати лет, чтобы их можно было отправить в католические школы.

Примечания.

ПЕРВАЯ ЭПОХА.

А, стр. 25.

Пока они не примут исламизм и т.д.

Слово *исламизм* происходит от *ислама*, что означает *посвящение Богу*.

Краткий обзор, приведенный в тексте "Принципов мусульманской религии", буквально переведен автором из нескольких разных глав Корана. Эти заповеди там почти затеряны среди массы нелепостей, повторений и бессвязных рапсодий. Тем не менее, на протяжении всего произведения время от времени проскальзывают яркие проблески пылкого красноречия или чистой морали. Мухаммед никогда не говорит от своего имени; он всегда делает вид, что его побуждает ангел Гавриил, который повторяет ему повеления Всевышнего: Пророк только слушает и повторяет их. Ангельский посланник позаботился о том, чтобы подробно рассказать не только о религии, но и о законодательстве и правительстве. И таким образом получается, что мусульмане считают Коран своим эталоном как гражданского, так и нравственного закона. Половина этой книги написана стихами, а остальная - поэтической прозой. Мухаммед обладал большим поэтическим талантом; дар, столь высоко ценимый его соотечественниками, что у них вошло в привычку собираться в Мекке, чтобы вынести суждение о различных стихотворениях, прикрепленных соответствующими авторами к стенам храма ти-Кааба; и личность, в пользу которой высказывался народный голос, венчалась с большой торжественностью. Когда на стенах появилась вторая глава Корана, *Лабиа эбн рабиа*, самый известный поэт того времени, который ранее разместил собственное произведение соперника, сорвал его и признал себя побежденным Пророком.

Мохаммед не был таким уж жестоким монстром, каким его представляют многие авторы. Он часто проявлял большую человечность по отношению к обидчикам, которые были в его власти, и даже прощал телесные повреждения. Один из самых непримиримых его врагов по имени Кааб, за голову которого была назначена награда, имел наглость внезапно появиться в мечети в Медине, когда Мухаммед проповедовал толпе. Кааб продекламировал несколько стихов, которые он сочинил в честь Пророка. Мухаммед с удовольствием выслушал их, обнял поэта и облачил его в свою мантию. Это драгоценное одеяние было впоследствии куплено одним из восточных халифов у семьи Кааб за сумму в двадцать тысяч драхм и стало предметом гордости тех азиатских монархов, которые надевали его только по случаю какого-нибудь торжественного праздника.

Последние минуты Мухаммеда, казалось бы, доказывают, что он был далек от низменных мыслей. Чувствуя приближение своего конца, он отправился в мечеть, поддерживаемый своим другом Али. Взойдя на трибуну, он произнес молитву, а затем, повернувшись к собравшимся, произнес такие слова: "Мусульмане, я при смерти. Поэтому никому больше не нужно бояться меня; если я ударил кого-либо из вас, вот моя грудь, пусть он ударит меня в ответ; если я неправомерно присвоил чье-либо имущество, вот мой кошелек, пусть он вознаградит себя; если я унизил кого-либо, пусть он теперь отвергнет меня: я предаюсь правосудию моих соотечественников!" Народ громко рыдал: только один человек потребовал три драхмы от

умирающего Пророка, который немедленно выплатил долг с процентами. После этого он с любовью простился с храбрыми мединцами, которые так преданно защищали его, дал свободу своим рабам и распорядился подготовить свои похороны. Его последняя беседа с женой и дочерью, Омаром и Али, его друзьями и учениками, была отмечена большой нежностью. Скорбь и стенания были всеобщими по всей Аравии по этому случаю, и его дочь Фатима умерла от горя из-за его потери.

Уважение и почитание, которое его последователи питают к Мухаммеду, почти непостижимо. Их врачи серьезно утверждали в своих трудах, что мир был создан для него; что первым, что было создано, был свет, и что этот свет стал субстанцией души Мухаммеда и т.д. Некоторые из них утверждали, что Алькоран не был сотворен, в то время как другие придерживались противоположного мнения; и из этих противоречивых взглядов возникли многочисленные секты и даже войны, которые затопили Азию кровью.

Жизнь Мухаммеда была прервана ядом, который за несколько лет до этого ему ввела еврейка по имени Зайнаб, брат которой был убит Али. Эта женщина, чтобы отомстить за смерть своего брата, отравила жареную баранину, которую она подала Пророку. Едва он положил в рот кусочек, как, мгновенно отвергнув его, воскликнул, что мясо отравлено. Несмотря на быстрое применение противоядий, вредные последствия были настолько серьезными, что он страдал от них всю оставшуюся жизнь и умер четыре года спустя, на шестьдесят третьем году жизни.

Б, стр. 27.

Калед, прозванный Мечом Божьим и т.д.

Ратные подвиги, приписываемые историками Каледу, напоминают подвиги героя романтических романов. Сначала он был врагом великого арабского вождя и победил этого полководца в битве при Ахехе, единственной битве, которую Мухаммед когда-либо проиграл. Впоследствии став ревностным мусульманином, он подчинил те части мусульманских владений, которые восстали после смерти Пророка, выступил против армий Ираклия, завоевал Сирию, Палестину и часть Персии и вышел победителем в многочисленных единоборствах, в которых он участвовал в разное время: всегда вызывая на поединок такого рода генерала вражеской армии. Следующий анекдот проиллюстрирует его характер. Калед осадил город Бостра. Греческий наместник по имени Ромен, под предлогом совершения вылазки, перешел стены со своими войсками и выстроил их в боевом порядке перед мусульманской армией. В тот момент, когда он должен был подать сигнал к наступлению, доблестный грек потребовал свидания с Каледом. Поэтому оба командира выдвинулись в центр пространства, разделявшего противоборствующие армии. Ромен объявил сарацинскому генералу, что решил не только сдать ему город, но и принять религию полумесяца; в то же время он выразил опасение, что его солдаты, среди которых он отнюдь не пользовался популярностью, намеревались лишить его жизни, и попросил Каледа защитить его от их мести.

"Лучшее, что ты можешь сделать, - ответил мусульманский лидер, - это немедленно принять вызов на поединок со мной. Такое проявление мужества заслужит уважение ваших солдат, и после этого мы сможем вести переговоры вместе!"

При этих словах, не дожидаясь ответа губернатора, поборник исламизма выхватил свой кинжал и напал на несчастного Ромена, который защищался дрожащей рукой. При каждом ударе, наносимом грозным последователем Пророка, Он восклицал: "Значит, ты хочешь убить меня?" "Нет, - ответил мусульманин, - моя единственная цель - осыпать вас почестями; чем больше вас будут бить, тем больше уважения вы приобретете!" В конце концов, едва не лишив жизни бедного грека, Калед отказался от состязания и вскоре после этого овладел городом: когда он в следующий раз увидел малодушного губернатора, то вежливо осведомился о его здоровье.

С, стр. 30.

Воинственные племена береберов и др.

Название части Африки, называемой *Берберией*, происходит от береберов. Этот народ с большой долей правды считал себя потомками тех арабов, которые первоначально пришли в страну вместе с Малеком Ярфриком и которых часто путают с древними нумидийцами. Их язык, который отличается от языка любого другого народа, является, по мнению некоторых авторов, искажением пунического или карфагенского. Разделенная на племена и кочующая среди гор, эта своеобразная раса все еще существует в королевстве Марокко. Береберы никогда не были в союзе с маврами, к которым они всегда питали чувство вражды. Хотя в настоящее время они находятся под властью королей Марокко как своего религиозного главы, они по своему желанию противостоят его неудовольствию и авторитету. Они внушительны благодаря своей численности, мужеству и неукротимому духу независимости и все еще сохраняют нетронутой особую простоту своих древних манер и привычек.

Д, стр. 34.

Тарик, один из самых известных капитанов своего времени, и т.д.

Тарик высадился у подножия горы Кальпе и взял город Геркулия, которому арабы дали название *Джебель Тарик*, из которого мы сделали Гибралтар.

Е, стр. 38.

На протяжении оставшейся части халифата Езида II. и с.

Этот халиф, девятый из Оммиадов, закончил свое существование способом, который, по крайней мере, заслуживает жалости. Однажды он развлекался тем, что бросал виноградины в свою любимую рабыню, которая ловила их ртом. Следует помнить, что в Сирии этого фрукта гораздо больше, чем в Европе. К несчастью, одна из виноградин попала в горло рабыни и мгновенно задушила ее. Отчаявшийся езид не позволил похоронить этот самый дорогой объект своей привязанности и восемь дней подряд неотступно находился рядом с трупом. Будучи, наконец, вынужден из-за состояния тела отделиться от него, он умер от горя, умоляя, когда умирал, чтобы его останки были погребены в одной гробнице с его любимой Хубабой.

ВТОРАЯ ЭПОХА.

А, стр. 46.

Вскоре после этого он был убит и т.д.

Трое карагитов (название, применяемое к в высшей степени фанатичной секте мусульман), наблюдая беспорядки, вызванные раздорами Али, Моавиаса и Амру, полагали, что они должны оказать услугу, которая была бы приемлема для Бога, и восстановить мир в своей стране, одновременно убив трех соперников. Один из них отправился в Дамаск и ранил узурпатора Моавию в спину, но рана оказалась не смертельной. Конфедерат, обвиняемый в убийстве Амру, по ошибке зарезал одного из друзей этого повстанца. Третий, взявшийся расправиться с Али, ударил его, когда тот собирался войти в мечеть, и добродетельный халиф был единственным, кто пал жертвой замысла убийц.

Б, стр. 48.

Мерван II, последний халиф расы, и т.д.

Этот Оммиад получил прозвище *Альгемар*, то есть *Осел*: прозвище, которое на Востоке считается в высшей степени почетным из-за особого уважения, которое там питали к этому терпеливому и неутомимому животному. Ариосто заимствовал свой трогательный эпизод с Изабеллой Галисийской из истории этого принца. Мерван, будучи одно время в Египте, влюбился в религиозную отшельницу, которую случайно увидел там, и попытался убедить ее нарушить монашеский обет. Чтобы избавиться от его преследований, молодая преданная пообещала ему мазь, которая сделает его неуязвимым, и вызвалась лично доказать ее эффективность. Намазав смесью шею, она попросила халифа проверить остроту своего кинжала, что варвар и сделал; и результат можно легко себе представить.

С, стр. 48.

Имена Гаруна аль-Рашида и др.

Гарун аль-Рашид (что означает Гарун Справедливый) был широко известен на Востоке. Несомненно, отчасти он был обязан своей славой, равно как и своей фамилией, защите, которую он оказывал литераторам. Его военные подвиги и любовь к науке доказывают, что этот халиф был необычным человеком; но затем слава его достижений была запятнана его жестокостью по отношению к Бармакидам. Это было выдающееся племя или семья, происходившая от древних персидских царей. Они оказали самые выдающиеся услуги сменявшим друг друга халифам и завоевали уважение и привязанность всей империи. Джаффар Бармасид, считавшийся самым добродетельным из мусульман и самым выдающимся писателем того времени, был визирем Гаруна. Он питал страстное уважение к Абассе, красивой и образованной сестре халифа, и принцесса отвечала ему взаимностью; но государь самым неразумным образом воспротивился празднованию их свадьбы. Однако это они сделали без его ведома, и некоторое время Гарун оставался в неведении о союзе влюбленных. Но по прошествии нескольких лет халиф совершил паломничество в Мекку, и в этот город, чтобы более эффективно обеспечить неприкосновенность своей тайны, Бермакид отправил на воспитание своего малолетнего сына. Там представитель Пророка с помощью вероломного раба ознакомился со всеми обстоятельствами обмана, который был применен к нему. Было бы трудно поверить рассказу о том, что последовало за этим, но факты были так хорошо подтверждены по всей Азии. Гарун приказал бросить свою сестру в колодец, приказал, чтобы Джаффар лишился головы, и приказал предать смерти всех родственников несчастного Бермасида. Отец визиря, почтенный старик, уважаемый во всей империи, которой он долгое время управлял, встретил свою судьбу с самой героической стойкостью. Перед смертью он

написал эти слова кровожадному деспоту: *"Обвиняемый уходит первым; обвинитель вскоре последует за ним. Оба предстанут перед Судьей, которого не смогут обмануть никакие доводы!"*

Неумолимый Гарун зашел в своей мести так далеко, что запретил кому бы то ни было упоминать имена его несчастных жертв. У одного из его подданных, по имени Мундир, хватило смелости вопреки этому указу публично произнести хвалебную речь любимому Бермакиду.

Тиран приказал, чтобы провинившийся мусульманин предстал перед ним, и пригрозил ему наказанием за то, что он сделал.

"Вы можете заставить меня замолчать, только предав меня смерти!" - ответил Мундир. - "Это в вашей власти сделать; но вы не можете погасить благодарность всей империи к этим добродетельным министрам: даже руины, которые вы превратили в памятники, которые они воздвигли, говорят об их славе вопреки вам!" Говорят, что монарх был тронут словами этого бесстрашного защитника мертвых и что он приказал преподнести ему золотое блюдо.

Таков был знаменитый халиф, носивший имя *Справедливого*. Алмамон, его сын, не получил фамилии; но он заслуживал того, чтобы его причислили к мудрейшим и добродетельнейшим из людей. Некоторое представление о его характере можно составить из следующего анекдота. О нем записано, что его визири убеждали его наказать смертью одного из своих родственников, который поднял оружие против него, и добился провозглашения себя халифом. Алмамон, однако, отверг этот кровавый совет, сказав в то же время: "Увы! если бы те, кто причинил мне боль, знали, какое удовольствие я испытываю, прощая своих врагов, они поспешили бы предстать передо мной, чтобы признаться в своих ошибках!" Этот превосходный правитель был щедрым покровителем науки и искусств, и его правление стало самой блестящей эпохой славных дней арабов.

D, стр. 54.

Войны с королями Леона, вторжения в Каталонию и т.д.

Историки расходятся во мнениях относительно точного периода, когда Карл Великий вступил в Испанию. Однако, по-видимому, именно во время правления Абдерама император пересек Пиренеи, взял Пампелуну и Сарагосу и был атакован во время своего отступления в ущельях Ронсево, месте, прославленном в романтической литературе смертью Роланда.

E, стр. 59.

Правительство, которое должным образом уважало права людей и т.д.

Древние законы Арагона, известные под названием *Fore de Sobarbe*, ограничивали власть суверена, создавая для нее баланс в лице *ricos Hombres* магистрата, носившего имя Джастис.

F, стр. 60.

Знаменитая школа и т. Д.

Музыкальная школа, основанная в Кордове Али-Зериабом, выпустила знаменитого Муссали, которого жители Востока считали величайшим музыкантом своего времени. Музыка мавров состояла не в созвучии различных инструментов, как у нас, а просто в мягких и нежных

мелодиях, которые музыканты исполняли под аккомпанемент лютни. Иногда несколько голосов и лютней исполняли одну и ту же мелодию в унисон. Этот простой музыкальный стиль удовлетворял людей, которые были такими страстными любителями поэзии, что их первым желанием, слушая певца, было услышать слова, которые он произносил.

Мусали, который был учеником Али-Зериаба в Кордове, впоследствии, благодаря своим музыкальным талантам, стал любимцем Гаруна аль-Рашида, знаменитого халифа Востока. Рассказывают, что этот принц из-за недоразумения с одной из своих любимых жен впал в такую меланхолию, что возникли опасения за его жизнь. Джаффар, бермасид, в то время главный визирь халифа, упросил поэта Аббаса бен-Анафа сочинить несколько стихов на тему этой ссоры. Он так и сделал, и Муссали спел их в присутствии принца; и царственный возлюбленный был настолько смягчен чувствами поэта и мелодией музыканта, что немедленно бросился к ногам своего прекрасного поработителя, и между безутешным монархом и оскорбленной красавицей произошло примирение. Благодарная рабыня послала поэту и Муссали двадцать тысяч золотых драхм, а Гарун добавил к ее подарку еще сорок тысяч.

G, стр. 66.

Статуя прекрасной Захры и т.д.

Мухаммед, чтобы воспрепятствовать идолопоклонству, запретил своим последователям в Коране делать изображения любой формы; но это предписание соблюдалось очень несовершенно. Восточные халифы переняли обычай чеканить свои монеты с изображением своих собственных черт, о чем свидетельствуют образцы, все еще существующие в коллекциях любопытных. На одной стороне их была изображена голова правящего халифа, а на другой значилось его имя с некоторыми отрывками из Алькорана. Во дворцах Багдада, Кордовы и Гренады изобиловали фигурки животных и всевозможные скульптуры, как из золота, так и из мрамора.

H, стр. 69.

Самый богатый и могущественный и т.д.

Некоторое представление о богатстве халифов Запада в лучшие дни их процветания может составить ценность подарков, преподнесенных Абдераму III. одним из его подданных, Абдумалек-бен-Чиеном, по случаю его возведения в сан главного визиря. Предметы, составляющие этот подарок, перечислены следующим образом: четыреста фунтов чистого золота; четыреста двадцать тысяч цехинов в виде слитков серебра; четыреста двадцать фунтов дерева алоэ; пятьсот унций амбры; триста унций камфары; тридцать кусков шелка и золотой ткани; десять мантий из корассанского соболиного меха; сто других, менее ценных мехов; сорок восемь ниспадающих чехлов для лошадей; тысяча щитов; сто тысяч стрел; золотые ткани из Багдада; четыреста тысяч стрел. тысяча фунтов шелка; тридцать персидских ковров; восемьсот комплектов доспехов для боевых коней; пятнадцать арабских скакунов для халифа; сотня для его офицеров; двадцать оседланных мулов в пополах; сорок юношей и двадцать юных дев редкой красоты.

I, стр. 81.

Примерно в это время произошло знаменитое приключение семи сыновей Лары, столь прославленное в испанской истории и романах, и о котором, поскольку оно в какой-то степени связано с историей мавров, мы можем кратко рассказать подробности.

Эти молодые воины были братьями, сыновьями Гонсалво Густоса, ближайшего родственника первых графов Кастилии и сеньоров Салас-де-Лара. Руй Веласкес, шурин Гонсалво Густоса, подстрекаемый своей женой, которая притворилась, что у нее есть какие-то основания для обиды на младшего из семи братьев, обдумывал исполнение ужасного плана по их уничтожению. Он начал с того, что отправил их отца Гонсалво с посольством ко двору Кордовы, одновременно назначив его разносчиком писем, в которых он умолял халифа предать посланника смерти как врага полумесяца и его последователей. Мусульманский государь, не желая совершать столь варварский поступок, удовлетворился тем, что оставил Гонсалво в плену. Тем временем вероломный Веласкес, под предлогом проведения атаки на мавров, завел своих племянников в самую гущу засады, где, побежденные численностью, они все погибли после героической защиты, сопровождавшейся обстоятельствами, которые делают их конец поистине трогательным. Дядя-варвар отправил окровавленные головы убитых юношей в королевский дворец Кордовы и велел преподнести их несчастному отцу на золотом блюде, покрытом покрывалом. Как только Гонсалво увидел отвратительное содержимое блюда, он рухнул на землю, лишившись чувств. Халиф Запада, преисполненный негодования по поводу демонической жестокости Веласкеса, вернул своему пленнику свободу. Но враг его расы был слишком силен, чтобы позволить бездетному Гонсалво отомстить за убийство своего отпрыска. Он действительно пытался это сделать, но старость лишила его былой силы. Поэтому вместе со своей женой он в одиночестве скорбел о безвременной кончине своих сыновей и молил Небо позволить ему последовать за ними в могилу; но при мавританском дворе неожиданно появился защитник его дела в лице незаконнорожденного сына Гонсалво. Когда этому мальчику исполнилось двенадцать лет, мать, которая была сестрой правителя Кордовы, сообщила ему о его происхождении и о тех обидах, которые претерпел его отец.

Героический юноша, носивший имя *Мендарра Гонсалво*, решил стать мстителем за своих братьев. Спеша осуществить свое намерение, он покинул Кордову, бросил вызов Веласкесу и убил его. Отрубив голову врагу своего отца, он вместе со своей ношей добивался присутствия старика, требовал, чтобы его признали его сыном и приняли в христианскую церковь. Жена Гонсалво с радостью согласилась принять храброго Мендарру как своего сына, и он был торжественно усыновлен почтенной парой. Жена Веласкеса, которая, как следует помнить, подстрекала свирепого дядю к его убийству, была забита камнями до смерти, а затем сожжена. Именно от этого доблестного Мендарра Гонсалво ведут свое происхождение Маурики де Лара, одна из самых знатных испанских семей.

ТРЕТЬЯ ЭПОХА.

А, стр. 86.

Три епископа Каталонии и т.д.

Этими тремя епископами Каталонии, погибшими, сражаясь за мусульман в битве при Альбакаре, которая произошла в 1010 году, были Арнаульфа, епископ Вика; Аксия, епископ Барселоны; и Отон, епископ Жироны.

Б, стр. 91.

И в равной степени готовы, пользуясь благосклонностью государя, вызвать его неудовольствие, если в этом возникнет необходимость, и т.д.

РОДРИГ ДИАС ДЕ БИВАР по прозвищу *Сид*, так хорошо известный своей привязанностью к Химене и дуэлью с графом Гормасом, был героем многих стихотворений, романов и романтических повестей на испанском языке. Не принимая во внимание все экстраординарные приключения, приписываемые этому герою его соотечественниками, свидетельства авторитетных историков доказывают, что Сид был не только самым храбрым и устрашающим воином своего времени, но и одним из самых добродетельных и великодушных людей. Де Бивар был уже знаменит своими подвигами, когда Кастилия все еще находилась под властью Фердинанда I. Когда преемник этого монарха, Санчо II, попытался ограбить свою сестру Ураке из города Самора, этот защитник угнетенных с благородной твердостью заявил королю, что он виновен в акте несправедливости, которым он одновременно нарушил бы законы чести и кровные узы. Оскорбленный Санчо изгнал Сиду, но вскоре по необходимости был вынужден отозвать его. Когда вероломное убийство Санчо, совершенное во время стоянки лагерем перед Саморой, дало право на престол его брату Альфонсо, кастильцы пожелали, чтобы их новый государь торжественно поклялся, что не имел никакого отношения к убийству своего брата. Никто не осмеливался требовать от короля принести эту клятву, за исключением Сиды, который заставил его произнести ее вслух у того же алтаря, где праздновалась его коронация, добавив при этом самые страшные проклятия против лжесвидетельства. Альфонсо так и не простил позволенной ему вольности и вскоре после этого изгнал испанского героя от двора под предлогом того, что он вторгся на территорию союзника Кастилии, короля Толедо, во владениях которого Сид непреднамеренно преследовал нескольких беглецов от правосудия.

Период его изгнания стал самой славной эпохой в истории шевалье де Бивара: именно тогда он одержал так много побед над маврами, чему способствовали исключительно храбрые товарищи по оружию, которых его репутация привлекла под его знамена. Через некоторое время Альфонсо вспомнил о Сиде и отнесся к нему с явной благосклонностью; но Родриго слишком долго был откровенен, чтобы наслаждаться королевскими улыбками. Вновь изгнанный от двора, он поспешил завершить завоевание Валенсии; и хозяину этого сильного города, наряду со многими другими, и обширной территории, чтобы сделать Сиду монархом, было необходимо только, чтобы он сам пожелал этого. Но благородный испанец ни на минуту не потакал этому желанию и всегда продолжал верную тему неблагодарного и часто оскорбляющего Альфонсо.

Этот прославленный герой умер в Валенсии в 1099 году н.э., увенчанный годами и почестями. У него был всего один сын, которого смерть рано лишила его. Две дочери Сиды вышли замуж за принцев Наваррского дома и в результате долгой череды союзов образовали в конце концов корень, от которого произошел нынешний королевский род Бурбонов.

С, стр. 92.

Более свирепые и кровожадные, чем львы их пустынь, и т.д.

История Африки в период, упомянутый в тексте, представляет собой всего лишь повествование об одной непрерывной череде самых зверских убийств. Если бы мы судили о человечестве по

этим кровавым летописям, у нас возникло бы искушение поверить, что из всех свирепых животных человек - самое кровожадное и жестокое.

Среди множества этих африканских тиранов был один из расы *аглебитов* по имени *Абон Исхак*, который особенно отличался демоническим варварством своего характера. Зарезав восьмерых своих братьев, он затем утолил свою ужасную жажду крови, принеся в жертву собственного отпрыска. Матери этого чудовища с трудом удалось уберечь от его ярости часть своей семьи. Однажды, обедая с Исхаком, когда он на мгновение выразил сожаление по поводу того, что у него больше нет детей, его мать с трепетом осмелилась признаться, что она спасла жизни шести его дочерей. Кровожадный негодяй, казалось, смягчился и выразил желание повидаться с ними. Когда они были призваны к нему, их молодость и красота тронули свирепого отца; и пока Исхак расточал ласки своим невинным детям, его мать удалилась со слезами радости, чтобы возблагодарить Небеса за эту очевидную перемену в характере ее сына. Час спустя евнух по приказу императора принес ей головы юных принцесс.

Было бы легко привести другие параллельные деяния, засвидетельствованные историками, которые были совершены этим отвратительным монстром. Достаточно сказать, что благодаря такой жизни он избежал насильственной смерти и долго сохранял свое ненавистное правление.

Время не смягчило кровожадную свирепость, которая кажется врожденным пороком, порожденным климатом Африки. Мулей-Абдалла, отец Сиди Мухаммеда, недавнего короля Марокко, возобновил эти ужасные сцены. Однажды, переправляясь через реку, он был на грани того, чтобы утонуть, когда одному из его негров удалось спасти его из волн. Раб выразил свою радость по поводу того, что ему посчастливилось служить своему хозяину. Его слова были услышаны Абдаллой, который, выхватив свой кинжал и воскликнув: "Смотрите на неверного, который полагает, что Бог нуждается в его помощи для сохранения жизни императора", - немедленно отрубил голову своему спасителю.

У этого же монарха был доверенный слуга, который долгое время находился у него на службе и к которому свирепый Абдалла, по-видимому, питал некоторую привязанность. В минуту благодушия он упросил этого престарелого слугу принять из его рук две тысячи дукатов и оставить службу, чтобы его не охватило неудержимое желание убить его, как многих других. Старик припал к ногам короля, отказался от двух тысяч дукатов и заверил его, что предпочитает погибнуть от его руки, чем покинуть столь любимого господина. Мулей, поколебавшись, согласился оставить своего престарелого слугу. Несколько дней спустя, движимый жаждой крови, чьи порывы иногда были неконтролируемыми, и без малейшего повода к действию, жестокий деспот ударил несчастного насмерть у его ног, сказав в тот же момент, что он был глупцом, не приняв его разрешения покинуть его.

Больно рассказывать эти шокирующие подробности; но они представляют собой правдивую картину характера этих африканских монархов, в то же время внушая нам ужас перед тиранией и преклонение перед ограничениями цивилизации и закона, столь необходимыми для благополучия каждого сообщества.

D, стр. 98.

И обладал объединенной славой того, что оба были просветленными, и т.д.

Аверроэс принадлежал к одной из первых семей Кордовы. Его версия трудов Аристотеля была переведена на латынь и долгое время была единственным переводом произведений этого автора. Другие произведения Аверроэса до сих пор почитаются учеными. Он по праву считается главой арабских философов: немногочисленный класс людей в стране, изобилующей пророками и завоевателями. Принципы, которых он придерживался, подвергли его многочисленным преследованиям. Его безразличие к религиозным убеждениям своих соотечественников возбудило вражду иманов или священников против него и дало повод для враждебности всех, кому его гений внушал зависть. Он был обвинен в ереси перед императором Марокко; и наказание, назначенное ему, заключалось в том, что он должен был поклониться у дверей мечети, в то время как каждый истинный мусульманин, пришедший туда помолиться о его обращении, должен был плюнуть ему в лицо. Он терпеливо переносил унижение, просто повторяя слова *Moriatur anima mea morte philosophorum* (Позволь мне умереть смертью философа).

Е, стр. 106.

И разорвал цепи и т. д.

Этим королем Наварры был Санчо VIII по прозвищу *Сильный*. Именно в память о цепях, разорванных им в битве при Толозе, Санчо добавил золотые цепи к гербу Наварры, который до сих пор можно увидеть на поле Гулеса.

Г, стр. 111.

Двоюродный брат-немец из Сент-Льюиса и ок.

Бланш, мать святого Людовика, была дочерью Альфонсо Благородного Кастильского. У нее была сестра по имени Берингира, которая стала женой короля Леона и матерью Фердинанда III. Несколько историков, среди прочих Мариана и Гарибай, утверждают, что Бланш была старше Берингиры. Если бы это было так, святой Людовик был законным наследником престола Кастилии. Франция долгое время отстаивала созданные таким образом претензии. Удивительно, что историки до сих пор не урегулировали этот спорный вопрос. Одно, однако, несомненно: притязания Фердинанда, подкрепленные пристрастием кастильцев, возобладали над притязаниями его кузена.

ЧЕТВЕРТАЯ ЭПОХА.

А, стр. 132.

Альфонсо Мудрый и др.

Альфонсо Мудрый был великим астрономом: его *Таблицы Альфонсина* доказывают, что счастье своего народа занимало его внимание, по крайней мере, не меньше, чем его литературные занятия. Именно в этом сборнике встречается это замечательное предложение — замечательное, если учесть, что оно выражает чувства монарха XIII века: *"Деспот вырывает с корнем дерево: мудрый государь обрезает его."*

Б, стр. 135.

В надежде быть избранным императором и т.д.

АЛЬФОНСО МУДРЫЙ был избран императором Германии в тысяча двести пятьдесят седьмом году, но он находился слишком далеко от этой страны и был слишком занят дома, чтобы иметь возможность поддержать свои притязания на императорский трон. Однако шестнадцать лет спустя он совершил путешествие в Лион, где в то время находился папа Григорий X., чтобы отстаивать свои права перед этим сановником. Но суверенный понтифик принял решение в пользу Родольфа Габсбургского, отпрыска австрийского дома.

С, стр. 136.

Санчо правил вместо своего отца и т.д.

Этот Санчо, прозванный *Храбрым*, который поднял оружие против своего отца и впоследствии получил его трон, был вторым сыном Альфонсо Мудрого. Его старший брат, Фердинанд де ла Серда, кроткий и добродетельный принц, умер в расцвете сил, оставив двух малолетних сыновей, отпрысков его брака с Бланш, дочерью святого Людовика Французского.

Честолюбивый Санчо пошел войной на своего отца именно для того, чтобы лишить этих детей их права на корону Кастилии. Он преуспел в своих преступных замыслах; но князя Ла Серды, находившиеся под покровительством Франции и Арагона, сплотили вокруг себя всех недовольных Кастилии, и притязания, которые они, таким образом, могли поддерживать, долгое время служили предлогом для самых кровавых распрей.

Д, стр. 149.

Фердинанд IV, по прозвищу Призванный и проч.

Фердинанд IV, сын и преемник Санчо Храброго, был еще в младенчестве, когда взошел на престол. Его несовершеннолетие было омрачено надвигающимися тучами; но власть и влияние королевы Марии, его матери, позволили ей в конце концов рассеять опасности, которые угрожали безопасности ее сына. Этот принц получил свое прозвище *Призванного* из-за следующих обстоятельств. Движимый чувством сильного негодования, Фердинанд приказал сбросить со скалистого обрыва двух братьев по имени Карвахаль, которые были обвинены, но не осуждены за убийство. Оба предполагаемых преступника в свои последние минуты заявили о своей невиновности в инкриминируемом им преступлении, воззвали к Небесам и законам с просьбой подтвердить истинность их заявлений и призвали пылкого Фердинанда предстать по истечении тридцати дней перед Великим Судьей всех людей. В указанное таким образом точное время кастильский король, выступавший в поход против мавров, удалился отдохнуть после обеда и был найден мертвым на своем ложе. Испанцы приписывали эту внезапную смерть действию Божественного правосудия. Было бы хорошо, если бы монархи, сменившие Фердинанда, в частности Петр Жестокий, были убеждены в истинности этого чувства.

Е, стр. 149.

Уединение в стенах Тарифа и т. Д.

После того, как Санчо Храбрый стал хозяином Тарифа, он был осажден африканцами. Именно во время этой осады Альфонсо де Гусман, испанский губернатор города, продемонстрировал пример непобедимой твердости и самообладания, о которых никто, кроме родителей, не может составить справедливой оценки. Сын Де Гусмана был взят в плен во время вылазки. Африканцы

подвели своего пленника к стенам и пригрозили губернатору, что он будет принесен в жертву, если город не будет немедленно сдан. Неустрашимый испанец ответил только тем, что метнул кинжал в своих врагов, и отступил с зубчатой стены. Через мгновение из гарнизона донеслись громкие крики. Поспешно потребовав объяснить причину этой тревоги, несчастному отцу сообщили, что африканцы предали смерти его сына. "Хвала Господу, - сказал он, - я думал, что город взят!"

Е, стр. 158.

Знаменитая Инес де Кастро и др.

Страсть Петра Жестокého к Инес де Кастро была доведена до такого предела, что, возможно, в какой-то степени объясняла жестокость его мести ее убийцам. Это были три знатных португальских лорда, которые сами закололи несчастную Инес на руках у ее служанок. Петр, который в то время, когда было совершено это варварское деяние, еще не достиг царской власти, казалось, с того периода потерял всякий контроль над собой: из кроткого и добродетельного он стал свирепым и почти безумным. Он открыто восстал против своего отца, снес огонь и меч в те части королевства, где находились владения убийц Инес, и, когда впоследствии вступил во владение короной, настоял, чтобы король Кастилии выдал Гонсалеса и Коэльо, двух виновных дворян, которые нашли убежище при его дворе. Таким образом, овладев личностями двух своих жертв (третий бежал во Францию, где и умер), Петр подверг их самым ужасным пыткам. Он приказал вырвать их сердца, когда они были еще живы, и сам участвовал в этой ужасной жертве. Насытив таким образом свою месть, безутешный влюбленный эксгумировал тело своей убитой любовницы, облачил его в великолепные одеяния и, возложив свою корону на багровое и отвратительное чело, провозгласил Инес де Кастро королевой Португалии, одновременно заставив придворных вельмож отдать дань уважения бесчувственным останкам, которые он облек атрибутами королевской власти.

Е, стр. 161.

Большинство произведений гренадских авторов и т.д.

После капитуляции Гренады кардинал Хименес приказал сжечь все экземпляры Корана, которыми он смог завладеть. Невежественные и суеверные солдаты ошибочно приняли за это произведение все, написанное на арабском языке, и предали огню множество сочинений как в прозе, так и в стихах.

Н, стр. 178.

Абенсеррахи и т. д.

Жители Гренады, как, впрочем, и весь мавританский народ, были разделены на племена, состоявшие из различных ветвей одной семьи. Некоторые из этих племен были более многочисленными и важными, чем другие, но две различные расы никогда не объединялись вместе, и ни одна из них никогда не разделялась. Во главе каждого из этих племен стоял вождь, происходивший по прямой мужской линии от первоначального основателя семьи. В городе Гренада существовало тридцать два значительных племена. Наиболее важными из них были абенсеррахи, зегри, альсенабесы, альморады, ванеги, гомеле, абидбары, гаузулы, абенамары, алиатары, редуанцы, алдорадины и др. Многие из этих отдельных рас враждовали друг с

другом; и их враждебность, передававшаяся из поколения в поколение, приводила к частым гражданским войнам, которые сопровождались такими катастрофическими последствиями для нации в целом.

I, стр. 198

Его гуманные предписания относительно раздачи милостыни и т.д.

Раздача милостыни - один из ведущих принципов мусульманской религии. Последователям Пророка это предписывалось множеством аллегорий, среди которых есть следующая: "Верховный Судья в последний великий день обвѣет того, кто не подавал милостыню, страшной змеей, чье ядовитое жало навсегда пронзит алчную руку, которая никогда не разжималась для помощи несчастным!"

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О ПОДЪЕМЕ И УПАДКЕ MOHAMMEDAN EMPIRE; THE LITERATURE, SCIENCE, AND RELIGION OF THE ARABS; И НЫНЕШНЕМ СОСТОЯНИИ МУСУЛЬМАНСТВА,,

А КРАТКИЙ ОТЧЕТ О МУСУЛЬМАНСКОЙ ИМПЕРИИ.

ГЛАВА I.

Масштабы Арабской империи.—Причины, приведшие к таким масштабам.—Продолжение мусульманства.—Распад империи.—Что к этому привело.—Испания восстает и устанавливает отдельного халифа.—Африка.—Египет.—Bagdad. Падение дома Аббасидов.

Первым сражением, в котором арабы испробовали свою силу против дисциплинированных войск Римской империи, была битва при Муте. Хотя в тот раз они добились успеха, самый оптимистичный человек не осмелился бы предсказать, что к концу столетия их империя станет более обширной, чем любая из когда-либо существовавших ранее. И все же таков был факт. Это свергло власть римлян и сделало преемников Пророка самыми могущественными и абсолютными правителями на земле.

При последнем монархе расы Оммиаде Арабская империя, за исключением лишь малоизвестной части Африки, занимала компактную территорию, равную шести месяцам пути каравана в длину и четырем в ширину, с бесчисленными государствами-данниками и зависимыми государствами. При осуществлении своей власти халифы не были скованы ни народными правами, ни голосами сената, ни конституционными законами: Коран действительно был их провозглашенным правилом действий; но поскольку они одни были его толкователями, их воля во всех случаях была законом. Потеря Испании империей была с лихвой компенсирована завоеваниями в Индии, Татари и европейской Турции. Самарканд и Тимбукту с равной преданностью изучали язык и религию Корана, а в храме Мекки мавр и индеец встретились как братья-паломники. Во всех странах к западу от Тигра язык Аравии стал средством общения населения; и, хотя в Персии, Татари и Индостане местные диалекты продолжали широко использоваться, арабский также был там священным языком.

Мы расскажем о некоторых причинах, приведших к этому поразительному успеху. Главный догмат мусульманской веры, единство Бога, гармонировал с тем, во что повсеместно верили

евреи и христиане. Мухаммед выдвинул эту доктрину, исключив Божественность Иисуса Христа, чтобы соответствовать взглядам большего числа христианских сектантов. Более того, он предписывал обычаи, которые при тогдашнем коррумпированном состоянии религии начинали широко преобладать. Таким образом, для неискушенного ума скитальца по пустыне его учение обладало бы всей привлекательностью, которую, как он мог слышать, приписывают христианству, в то время как его пребывание в той же стране привлекло бы к нему большее внимание. Системы, в которых сочетаются истина и заблуждение, ни в коем случае не принимаются без согласия, особенно теми, кто уже суеверен и фанатичен, а таков был в высшей степени характер арабов. Религиозная, моральная и юридическая система Мухаммеда в целом соответствовала азиатским взглядам; она представляла собой рай, в точности соответствующий воображению и вкусу жителей Востока; и, поскольку на суеверных всегда сильнее влияет то, что пробуждает опасения и внушает страх, чем то, что разжигает надежду, его ад даже больше, чем его небеса, способствовал умножению учеников.

И все же, если бы не прибегали к оружию, мусульманская вера, по всей вероятности, была бы ограничена пустынями Аравии. Вся Азия находилась в то время в состоянии беспрецедентного военного бездействия, и таким образом представилась возможность для успеха его предприятия. Империи шатались и были бессильны; политическая мудрость почти исчезла; и только арабы могли претендовать на военные таланты и мужество. Предыдущие раздоры между персидской и византийской империями полностью уничтожили те немногие остатки внутренней силы, которыми в противном случае могли бы обладать эти правительства. Гражданские восстания, тирания, вымогательство, чувственность и лень уничтожили стремление к всеобщему правлению, которое когда-то лелеяли греческое и римское правительства; и их провинции, заброшенные или угнетенные, стали легкой добычей мусульманской власти.

Народы были покорены быстрее, поскольку к неукротимой свирепости скитальца по пустыне сарацины добавили те другие черты, которые дополняют воинственный характер. Они презирали смерть и были самоотверженны и энергичны до такой степени, что намного превосходили солдат цивилизованных стран, в то время как они были едва ли менее знакомы с военным искусством. Наместники халифов вскоре соперничали в мастерстве с римскими полководцами; и ни в коем случае не трудно объяснить их почти одинаковое превосходство, если иметь в виду характер армий, которыми они соответственно командовали. Более того, террор носит эпидемический характер; и силы, уже добившиеся успеха, обычно находят, что их победоносному продвижению в значительной степени способствует господствующее представление о их доблести. Таким образом, в войнах с более дисциплинированными войсками мы были свидетелями огромного эффекта одного только названия.

Можно также добавить, что успех сарацин в значительной степени объясняется тем пылким и безудержным духом религиозного энтузиазма, с которым они сражались. Они считали свое дело делом Божиим; небеса, по их убеждению, действовали в их пользу; каждый, кто пал в их войнах, был мучеником; а трусость была равносильна отступничеству.

Религиозный пыл крестоносцев в одиннадцатом и двенадцатом веках, направленный на искоренение мусульманства, не превосходил, если даже равнялся, пылу арабских солдат, которыми эта система первоначально насаждалась. Какие бы светские принципы и амбиции ни влияли на них, они ставили себе в заслугу сражаться в поддержку истины и добродетели. Меч и Коран в равной степени были спутниками и инструментами их войн. "То обстоятельство, -

говорит Пейли в своей замечательной книге "Свидетельства христианства" [1], - что завоевания Мухаммеда унесли с собой его религию, не вызовет особого удивления, когда мы узнаем условия, которые он предложил побежденным: смерть или обращение было единственным выбором, предложенным идолопоклонникам. Евреям и христианам была оставлена несколько более мягкая альтернатива подчинения и дани, если они упорствовали в своей собственной религии, или равного участия в правах и свободах, почестях и привилегиях верующих, если они принимали религию своих завоевателей".

Литература во времена Мухаммеда ценилась так же мало, как чистое и практическое христианство. Его последователи повсюду встречались с невежественными и легко вводимыми в заблуждение людьми. Как памятники науки, так и средства обеспечения свободы были уничтожены северными варварами. Философия и свободные искусства не находили покровителей среди праздных и роскошных императоров и знати. Суеверие, таким образом, естественным образом овладело умами людей, и, поскольку ни страхи, ни надежды не умерялись знанием, праздные, нелепые и ненужные церемонии легко получили распространение. Мухаммед просто заменил один набор церемоний другим; и в этом не было особых трудностей, поскольку в почти всеобщей темноте человечества повсюду царили ужас и легкое верие.

Сохранение религии Мухаммеда в странах после прекращения арабского владычества над ними также может быть легко объяснено. "Все в Азии является предметом регулирования; и поскольку свобода мнений лишь в малой степени разрешалась или поощрялась деспотическими правительствами Востока, магометанство, однажды приняв его, стало незыблемым. Человеческий код смешан с божественным, а идеи изменения и профанации неразделимы. Поскольку нестабильность политической и социальной структуры может возникнуть в результате смены верований, все классы людей заинтересованы в сохранении национальной религии ". [2] Кроме того, по своей природе религиозные доктрины более устойчивы, чем формы гражданского правления: например, можно усомниться в том, что, какие бы гражданские изменения ни претерпела Шотландия, пресвитерианство когда-нибудь перестанет быть преобладающей верой ее жителей. Народ может после свержения узурпированной гражданской власти вернуться к своей древней религии, какой бы она ни была, но когда однажды религия становится, так сказать, коренной, она, скорее всего, остается постоянной. Такова религия Корана как в Азии, так и в Африке.

Вскоре в главном центре сарацинской империи начали проявляться элементы политической слабости и упадка. В первые дни существования халифата, после восшествия на престол династии Оммиаде, принцы Дамаска считались главами мусульманской веры; в то время как правители Аравии последовательно добились независимости в том, что касается гражданского правления. Этому, несомненно, способствовали широкомасштабные войны, в которых участвовали халифы. Другие провинции последовали этому примеру; и по мере расширения империи удаленность и вырождение сирийского двора побуждали губернаторов присваивать себе все, кроме имени царя, и передавать свои достоинства по наследству. Все провинции номинально были связаны с империей уплатой дани; но были легко изобретены средства, чтобы не платить ее под предлогом ведения войн халифа, хотя на самом деле это было сделано для усиления его мятежных наместников против него. Если в этом мы обнаружим недостаток эффективности в правительстве, нам не нужно удивляться: системы македонского героя и римских завоевателей были одинаково несовершенны; и, возможно, нам следует приписать

такой недостаток мудрому и благотворному устройству Провидения, которое, поскольку угнетение никогда не может стать постоянным и всеобщим, не позволяет ни одной империи в течение очень длительного времени господствовать над странами, непохожими по своим привычкам и характеру и независимыми друг от друга.

Созданию этих отдельных государств в немалой степени способствовали роскошь и изнеженность дамасского двора. В ранние периоды халифата простота и милосердие главным образом отличали их правителей; но по мере того, как богатство и могущество сарацин возрастали, они подражали великолепию монархов Персии и Греции. Абульфедя говорит о дворе в 917 году: "Вся армия халифа Моктади, как конная, так и пешая, была вооружена, что вместе составляло сто шестьдесят тысяч человек. Его государственные чиновники стояли рядом с ним в самых роскошных одеждах, их пояса сверкали золотом и драгоценными камнями. Рядом с ними стояли семь тысяч черных и белых евнухов. Привратников было семьсот. По Тигру плавали баржи и лодки с самыми великолепными украшениями. Не менее великолепен был и сам дворец, в котором было развешено тридцать восемь тысяч штук гобеленов, двенадцать тысяч пятьсот из которых были шелковыми, расшитыми золотом. Ковров на полу было двадцать две тысячи. Были выведены сто львов, и к каждому льву приставили сторожа. Среди других предметов редкой и изумительной роскоши было дерево из золота и серебра, распутившееся на восемнадцать больших ветвей, на которых и на других ветвях поменьше сидели всевозможные птицы, также сделанные из золота и серебра. Дерево блестело листьями из тех же металлов; и в то время как его ветви, благодаря механизмам, казалось, двигались сами по себе, несколько птиц на них издавали свои естественные трели".

Более того, когда однажды начался упадок, его развитие было ускорено средствами, принятыми для его прекращения. После того как регулярные войска были разращены группировками, халифы для защиты своей личности и правительства сформировали ополчение; но солдаты, составлявшие это войско, нередко иностранцы, вскоре стали править с военным деспотизмом, подобным военному деспотизму турецких янычар, египетских мамлюков или римской преторианской гвардии; и, в дополнение к этим причинам упадка, яростный дух сектантства раздирал на части саму силу и сердце империи. Колоссальная власть преемников Мухаммеда, внезапно вознесшаяся на свою ужасающую высоту, почти так же внезапно рухнула, как будто для того, чтобы дать более совершенное подтверждение истины, что всему земному суждено прейти, в то время как слово Бога живого пребывает вовеки.

Испания, как уже было видно, была первой отдаленной провинцией Арабской империи, которой удалось отделиться и установить независимого халифа. Поскольку эта страна попала под мусульманское иго средствами, поставляемыми главным образом из северных штатов Африки, ее независимость, вероятно, должна была оказать соответствующее воздействие на эти государства. Ими управляли от имени багдадских халифов; но в течение почти столетия они обретали независимость под руководством правителей, обычно известных по имени их прародителя как династия Аглабитов. В начале девятого века трон Мавритании, Массилии и Карфагена был захвачен Обейдоллой, преемники которого приняли титул михиди, или повелителей правоверных. Округа Фес и Танжер, которые уже были отняты у князей Багдада действительными или мнимыми потомками Али, вскоре перешли под его власть; и еще до конца десятого века всякое признание правления аббасидов было уничтожено из-за запрета

публичных молитв за князей этой расы. Череда перемен смущала страну примерно пять столетий спустя; но примерно в 1516 году потомки Мухаммеда были возведены на трон Марокко, который по той же линии без перерыва перешел к его нынешним владельцам. Моэз, последний из африканских принцев из дома Обейдоллы, который, по-видимому, больше полагался в своем владычестве на свою доблесть, чем на свое предполагаемое происхождение от Мухаммеда, [3] перенес свой двор в Великий Каир, город, который он построил в Египте после завоевания этой страны. Африка должна была стать феодальным владением этой новой империи. Обширные территории Сирии и всей Палестины признали верховенство его потомков, широко известных как фатимиты, из-за их предполагаемого родства с Али и Фатимой, дочерью Пророка. Они обладали также суверенитетом в Святой Земле; поэтому крестовые походы в Европе были направлены главным образом против них. Во время этих ужасных войн халифы Египта искали помощи у халифов Багдада; и Нуреддин, принц этой империи, защищал их от нападавших с Запада. Однако слабость Египта, таким образом, стала известна хитрым и могущественным халифам Багдада, и за короткое время его азиатские владения были захвачены Нуредином и Саладином. Когда Адхед, последний халиф Египта, умирал в каирской мечети, эти генералы провозгласили Мортади, тридцать третьего халифа Багдада, своим преемником. Саладин, чье имя благодаря его активности, мужеству и успехам в борьбе с крестоносцами лучше известно читателям европейской истории, чем имя почти любого другого мусульманского принца, вскоре стал хозяином Египта; но его преемники не смогли сохранить приобретенную им власть. Сейчас страной управляет знаменитый Мохаммед Али, номинально являющийся вице-королем турецкого императора, хотя на самом деле он суверенный и независимый принц.

Халифы из дома Аббаса, построив город Багдад вскоре после своего восшествия на престол, перенесли туда свой двор и средоточие власти. В течение пяти столетий они правили там с различной степенью власти; но иностранные войны и внутренние восстания постепенно разрушили империю, и их владычество, наконец, прекратилось. Бадхи, двадцатый халиф расы, был "последним, - говорит Абульфед, - кто обращался к народу с кафедры; кто весело проводил часы досуга с людьми образованными и со вкусом; чьи расходы, ресурсы и сокровища, чей стол и великолепие имели хоть какое-то сходство с таковыми у древних халифов". "В течение следующих трех столетий, - говорит современный историк Арабской империи, - преемники Мухаммеда управляли слабым скипетром. Иногда их положение было настолько деградировавшим, что они были заперты в своих дворцах, как узники, а иногда были почти доведены до недостатка материальных средств к существованию. Трагические сцены падения королевской власти, наконец, были исчерпаны; ибо к середине седьмого века Хиджры столица исламизма попала в руки Хулагу-хана, внука Ченгисхана и императора моголов и татар, который правил в тот период с абсолютным и безукоризненным деспотизмом над всеми народами Востока. Халиф Мостасем, тридцать седьмой представитель его дома, был убит при обстоятельствах особого варварства, и багдадский халифат прекратил свое существование. Хотя достоинство и верховная власть халифов были утрачены в результате этого рокового события, а душа, одушевлявшая форму, улетучилась, все же это имя просуществовало еще три столетия в восемнадцати потомках Мостансера Биллаха, сына или мнимого сына Дакера, предпоследнего из этой расы принцев.

Мостансер Биллах и его преемники в количестве восемнадцати человек назывались второй династией Аббасидов и были духовными вождями мусульманской религии, но без малейшего следа мирской власти. Когда Селим, император турок, завоевал Египет и уничтожил власть мамлюков, он перевез халифа, которого нашел там пленником, в Константинополь и принял от

него отречение от своего церковного превосходства. После смерти халифа семья Аббасидов, некогда столь прославленная и носившая титул халифа почти восемьсот лет, канула вместе с ним в небытие". [4]

[1] Том ii., раздел 3.

[2] Миллс, стр. 179.

[3] Когда у Моэза спросили, из какой ветви семьи Мухаммеда он получил свой титул, он ответил: "Это, - сказал он, показывая свой кинжал, - моя родословная; а эти, - он бросил золото своим солдатам, - мои дети".

[4] История Милля, 160.

ГЛАВА II.

Литература и наука арабов.—Их возможности для литературных и научных занятий.—Покровительство литературе со стороны принцев Дома Аббас.—Альмамун.—Арабские школы.—Красноречие.—Поэзия.—Арабские сказки.—История.—География.—Умозрительные науки.—Астрология.—Математические знания арабов.—Астрономия.—Архитектура.—Изобразительное искусство.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Химия.—Наши обязательства перед арабской литературой.

Первые последователи арабского пророка были всего лишь восторженными военными авантюристами, покорившими своим широким и быстрым прогрессом большинство народов известного тогда мира. Жажда власти и успешное военное предприятие обычно неблагоприятны для развития свободных искусств, так что народы-завоеватели обычно проявляют лишь слабый вкус к науке или литературе. Готы и гунны, например, были одними из самых непримиримых врагов знания. И ранние арабы относились к нему не с большей благосклонностью. Мухаммед обнаружил, что его соотечественники погрязли в глубочайшем варварстве: он был неспособен предпринять какие-либо прямые усилия по их воспитанию; и, судя по безжалостному уничтожению Александрийской библиотеки Омаром, одним из первых его преемников, они, по-видимому, были не в лучшем состоянии после закрытия, чем в начале его богатой событиями карьеры.

Их расселение в покоренных ими странах, неограниченные ресурсы, которые их широко распространенные завоевания предоставляли в пределах их досягаемости, и, вероятно, досуг, который предоставляло их почти повсеместное господство, быстро привели к изменению их характера в отношении литературных занятий, от которых более просвещенные нации Запада все еще пожинают плоды. Примерно в середине VII века Омар предал огню знаменитую Александрийскую библиотеку: еще до конца VIII века литература начала пользоваться щедрым покровительством халифов аббасидской расы, которые наложили на суровый фанатизм последователей Пророка смягчающее влияние учености; и, в силу аномалии в истории человечества, наиболее ценные уроки в области науки и искусства были получены от людей, которые с неослабевающей враждебностью преследовали религию и свободы всех других народов.

Греки были самыми выдающимися покровителями литературы и науки. Среди них философия нашла свой самый ранний дом, и обычно предполагается, что искусства возникли главным образом под их опекой, хотя современные исследования показали, что большая часть их знаний была почерпнута из еще более древних источников. Их философия, хотя и значительно усовершенствованная ими самими, была заимствована из мистерий египетских жрецов и персидских магов. Их система мироздания, которая ближе всего подходила к более точным открытиям нового времени, была ранее известна ученым индусам; и может возникнуть вопрос, не имела ли вся их мифология, с учетом дополнений, которые внесло бы в нее сдержанное и живое воображение, своего прототипа в какой-нибудь азиатской религиозно-философской системе. Ученый автор, посвященный эрудиции азиатов, говорит, что всю теологию греков и часть философии современных научных исследований можно найти в индуистских Ведах. Он добавляет: "Тот самый утонченный дух, который, как подозревал Ньютон, пронизывает природные тела и скрывается в них так, чтобы вызывать притяжение и преломление, излучение, отражение и преломление света, электричества, возбуждения, ощущения и мускульного движения, описывается индусами как пятый элемент, наделенный теми же самыми способностями; и Веды изобилуют ссылками на силу всеобщего притяжения, которую они главным образом приписывают солнцу". Таким образом, расширение побед арабов над восточным миром и их полное господство после свержения греческой империи над ресурсами, которыми обладал этот народ, дало им доступ ко всем существовавшим тогда литературным запасам.

Было сказано, и, вероятно, не без оснований, что сам Мухаммед видел и чувствовал важность литературного различия. Среди приписываемых ему высказываний считается следующее, подтверждающее его понимание ценности обучения: "Ум без эрудиции подобен телу без души. Слава заключается не в богатстве, а в знаниях"; и, как убедительно доказывает Коран, он ни в коем случае не забывал о том умственном развитии, средства для которого были в пределах его досягаемости. Его непосредственные последователи, занятые только идеями завоевания и обращения, одинаково презирали религию и ученость покоренных ими народов; но когда эпоха грабежа и насилия уступила, наконец, сравнительной безопасности и спокойствию и возник прекрасный город восточных халифов, Музы были изгнаны из их древних храмов, и с помощью более мягких и изящных достижений литературы и науки были предприняты усилия искупить вину прежних завоеваний и пролить более чистый блеск на имя мусульман.

Альмансор, второй из династии Аббасидов, чье правление началось в 754 году н.э. и длилось двадцать один год, был одним из первых арабских принцев, развивших науку и искусства. Юриспруденция и астрономия были основными предметами его изучения, которые, однако, благодаря наставлениям греческого врача при его дворе, он распространил на искусство врачевания и, вероятно, на те родственные искусства, с которыми во все века и страны была связана медицинская наука. Какого прогресса добился он сам или его подданные, мы сейчас не можем установить. Двое его непосредственных преемников, похоже, не пошли по его стопам, хотя, вероятно, они не исправили того, что он сделал; ибо следующий халиф, Гарун аль-Рашид, известен как один из самых щедрых покровителей литературы, когда-либо существовавших. Он любил поэзию и музыку; говорят, что он постоянно окружал себя большим количеством ученых людей; и ему арабы были глубоко обязаны прогрессом в знаниях, которого им удалось добиться. По его приказу при каждой мечети в его владениях была школа; и, как будто его любовь к знаниям была выше даже его наследственной веры, он охотно терпел людей науки, которые отказывались уступить смелым притязаниям Пророка. Христианин-несторианец руководил

своими школами и руководил академическим обучением своих подданных. Его преемник подражал его мудрому и великодушному поведению, и таким образом знания распространились от столицы до самых отдаленных уголков империи.

Но именно во время правления Алмамуна, седьмого из князей Аббасидов, в 813-833 годах нашей эры литература достигла наибольшего расцвета среди арабов. Ученые люди, исповедующие христианскую веру, множились в Багдаде при терпимом правлении его предшественников, и теперь их щедро поощряли раскрывать свои обширные запасы знаний. Богатый арабский язык использовался для передачи того, что греки до сих пор скрывали, хотя с варварством, которое трудно объяснить, многие оригинальные произведения были уничтожены, как только были сделаны их переводы. В юности Алмамун общался с самыми выдающимися учеными Греции, Персии и Халдеи; и теперь он пригласил их к своему двору. В Багдад приезжали поэты, философы и математики из всех стран и всех вероисповеданий. Его агенты исследовали Армению, Сирию и Египет в поисках литературных сокровищ, которые были собраны с бесконечной тщательностью и преподнесены к подножию трона как самая богатая и приемлемая дань, которую могли оказать завоеванные провинции. Верблюды, до сих пор использовавшиеся исключительно для перевозки грузов, были замечены въезжающими в царский город, нагруженными древнееврейскими, персидскими и греческими рукописями. Двор принял вид скорее академии, чем совета, управляющего делами роскошного и воинственного правительства, и все классы поощрялись к приобретению знаний с усердием, соизмеримым с получаемыми таким образом преимуществами. "Я выбрал, - сказал Алмамун, когда ему возразили за назначение образованного христианина на должность, оказывающую немалое влияние на интеллектуальные занятия его народа, - я выбрал этого образованного человека не для того, чтобы он был моим наставником в религиозных делах, а для того, чтобы он был моим учителем наук; а хорошо известно, что самых мудрых людей можно найти среди евреев и христиан". [1]

При таком благоприятном покровительстве неудивительно, что сарацины стали литературным народом. Халифы Запада и Африки подражали своим братьям с Востока. "В свое время шесть тысяч профессоров и учеников изучали гуманитарные науки в Багдадском колледже. Двадцать школ сделали Большой Каир главным центром литературы, и таланты учеников проявлялись в чтении королевской библиотеки, которая состояла из ста тысяч рукописей. Африканские писатели с гордостью и удовлетворением вспоминают о литературных учреждениях, которые украшали города на северном побережье их песчаной равнины. Солнце науки возшло даже в Африке, и нравы мавританских дикарей были смягчены философией. Их собратья в Европе собрали многочисленные и великолепные коллекции; в Кордове находилось два ста восьмидесяти тысяч томов, и более семидесяти библиотек были открыты для всеобщего обозрения в королевстве Андалусия".

Мы очень мало знаем о внутреннем управлении арабскими школами или о фактически проводимых исследованиях. Аристотель, без сомнения, был великим учителем, которому в философии оказывалось всяческое почтение. Пророк предписал их религию. Их школы были двух видов, или, скорее, классов; один охватывал низшие учебные заведения, в которых основное внимание уделялось элементарным разделам обучения, таким как чтение, письмо и религиозная доктрина; другой, называемый *Мадрас*, в основном связанный с мечетями, как и

все школы первого класса, включал те учебные заведения, в которых изучались высшие области знаний. Здесь изучались грамматика, логика, теология и юриспруденция. Управление каждой школой было доверено директору с известными способностями, и не всегда мусульманину. Профессора читали лекции по нескольким наукам; и ученики, если не по всем факультетам, в отношении которых имеются некоторые сомнения, то уж точно по медицинскому, проходили публичный экзамен, и дипломы выдавались из рук главного врача.

Обладая элегантною композицией, Коран повсеместно считался образцом. Поэтому он изучался с самым прилежным вниманием всеми, кто стремился отличиться в искусстве красноречия, одном из ведущих достижений арабских ученых. Подчиненные этому выдающемуся составу, их школы ораторского искусства могли похвастаться образцами, едва ли уступавшими знаменитым ораторам древности. Малек и Шараиф, один из которых отличается пафосом, другой - блеском, являются главными из них. Горайя считался соратником Демосфена и Цицерона. Бедреддин из Гренады был их "факелом красноречия", а Секаки получил почетное звание арабского квинтилиана.

Древние арабы были очень склонны к поэзии. Дикие, романтические пейзажи земли, на которой они жили, священные воспоминания об их ранней истории, жизнь, которую они вели, все, что их окружало, способствовало поэтическому вдохновению. После возрождения письма это искусство культивировалось с энтузиазмом. Героические действия Фирдоуси, дидактические стихи Сади и лирические напевы Хафиза, даже с помощью несовершенных переводов, обнаруживают живые описания, смелые метафоры и поразительные выражения, которые одновременно восхищают и удивляют нас. По великолепию, если не по силе, поэты дворов Гаруна и Альмамуна или поэты испанских Оммадесов, пожалуй, ни в одну эпоху не были превзойдены. В этом искусстве, как среди других народов, так и среди арабов, отличились представительницы прекрасного пола. Валадата, Айша, Лабана, Сафия и другие получили самые высокие похвалы.

Число арабских поэтов так велико, что Абул Аббас, сын Мотассема, написавший краткое изложение их жизнеописаний в девятом веке, насчитывает сто тридцать. Другие авторы заняли двадцать четыре, тридцать и даже не менее пятидесяти томов, описывая свою историю.

Однако арабы совершенно лишены эпической поэзии, столь важного раздела искусства; нет у них и ничего такого, что можно было бы по праву отнести к драматической композиции. Софокла, Еврипида, Теренция и Сенеку, классические образцы Греции и Рима, они презирали как робких, стесненных и холодных; и какими бы обязательствами перед этими древними народами арабы ни были обязаны в других областях литературы, в этом они им ничего или почти ничего не должны. Их поэзия была оригинальной и местной; их образы и сравнения были строго их собственными. Чтобы понять и должным образом оценить их, мы должны иметь представление о продуктах их страны, а также о характере, институтах и манерах ее жителей. Муза наслаждается иллюстрациями и рисунками, заимствованными из пасторальной жизни; муза Иудеи наслаждается розами Шарона, зелеными склонами Кармеля и славой Ливана; в то время как арабская муза выбирает для своих украшений жемчуг Омара, мускус Хадрамаута, рожи и соловьев Адена и пряные ароматы Йемена. Если они кажутся нам фантастическими, следует помнить, что они заимствованы из предметов и сцен, с которыми мы почти совершенно незнакомы.

Кто не знаком с "Алиф лита ва лилин", или "Тысяча и одна сказка", широко известной как "Развлечение из Тысячи и одной ночи"? Некоторые сомневаются, являются ли они оригинальным произведением или переводом с индийского или персидского, сделанным в августовскую эпоху арабской литературы: сомнение, конечно, не оправдано отсутствием точности в их описании арабской жизни и нравов. По-видимому, первоначально они были легендами странствующих рассказчиков, класса людей, все еще очень многочисленных во всех частях мусульманского мира. Сцены, которые они разворачивают, верны природе; простота, проявляющаяся в их характерах, их красота и нравственные наставления неотразимо трогают сердца всех; в то время как ученые признают за ними заслугу более точного описания нравов необычного народа, из которого они произошли, чем труды любого путешественника, каким бы опытным и неутомимым он ни был.

В отношении истории древние арабы были на удивление небрежны; но более современные люди культивировали эту область знаний с большей тщательностью и успехом. Среди них сохранились почти бесчисленные анналы, хроники и мемуары: описаны королевства, провинции и города, а их история изложена в томах, простой перечень которых растянулся бы до утомительной длины. Однако они изобилуют скорее причудами, чем содержательными и правильными. В качестве примеров можно привести названия некоторых из наиболее одобренных работ такого рода.: Хронология халифов Испании и Африки называется "Шелковый жилет, вышитый иглой"; История Гренады - "Образец полной луны". Ибу Аббас и Абу Бакри являются авторами исторических коллекций, озаглавленных соответственно "Серебряные рудники" и "Жемчуг и сорванные цветы". Тем не менее, некоторые из их авторов, такие как Ибн Катиби, в основном примечательны обширностью и точностью своих исторических знаний; а некоторые из их работ чрезвычайно объемисты. Полная история Испании занимала шесть авторов подряд, и ее завершение стоило ста пятнадцати лет труда. Их биография касалась не только мужчин. Ибн Зайд и Абуль Мондар написали генеалогическую историю выдающихся лошадей; а Аласукко и Абдолмалек оказали ту же услугу верблюдам, достойным того, чтобы о них помнили. Энциклопедии и справочники, а также словари по естественным наукам и другие подобные произведения появились в арабских странах задолго до того, как вошли в моду среди более современных литераторов. Действительно, каждый вид композиции и почти каждый предмет в ту или иную эпоху привлекали внимание ученых мусульман.

Географию они понимали не так хорошо, поскольку их средства приобретения знаний по этому предмету были чрезвычайно ограничены. И все же их публичные библиотеки могли похвастаться глобусами, путешествиями и маршрутами - произведениями людей, которые путешествовали ради получения географической информации. Со статистикой и политической экономией они были знакомы весьма несовершенно, и все же еще во времена правления Омара II. мы находим работу, посвященную этим предметам, в которой рассказывается о провинциях и городах Испании с ее реками, портами и гаванями; о климате, почве, горах, растениях и минералах этой страны; о ее импорте и о том, каким образом различные продукты, естественные и искусственные, могли бы быть произведены и применены с наилучшей выгодой. Деньги, веса и меры, независимо от того, что еще можно понимать под политической экономией, также были предметами, на которых строились свои остроумные спекуляции, а в некоторых случаях и кропотливые исследования.

Умозрительные науки, едва ли уступающие светской литературе, процветали среди арабов. В самом деле, какой суеверный, восторженный народ когда-либо пренебрегал ими? Их пыл в

более достойных из этих занятий был плохо отрегулирован; тонкости предпочитались важным практическим истинам; и часто, чем изобретательнее был софизм, построенный по правилам Аристотеля, тем более желанным он был для людей, которые оказывали этому философу почтение, почти идолопоклонническое. Познейшие арабы и турки наших дней уделяют немалое внимание астрологии, хотя она категорически запрещена их Пророком. Эта наука повсеместно использовалась идолопоклонниками, против которых его обличения едва ли менее яростны, чем в богодухновенном томе; и, несомненно, он понимал, что ее распространение поставит под угрозу целостность, если не само существование, его собственной религиозной системы. Поэтому на протяжении многих веков об этом забывали; но, в конце концов, привычка сверяться со звездами по важным общественным поводам стала частым явлением и сопровождалась таким количеством тревог и нелепых церемоний, которые позорили народы древности. Среди современных мусульман не присваивается никакого государственного достоинства; никакое общественное здание не строится, за исключением случаев, рекомендованных астрологами. Этих претендентов на знание поддерживают высокопоставленные лица; и напрасно более просвещенная часть общества восклицает, что астрология - ложная наука. "Не думайте, - сказал премьер-министр, который консультировался с предсказателем относительно времени надевания нового платья, - что я такой дурак, чтобы верить во всю эту чепуху; но я не должен делать свою семью несчастной, отказываясь соблюдать формы, которые некоторые из них считают важными".

После этих ссылок на светскую литературу арабов можно ожидать, что они должны были обратить внимание на естественные науки. На самом деле они не были первооткрывателями и изобретателями, но они значительно усовершенствовали то, что приобрели в ходе своих обширных контактов с другими народами; и, как связующее звено, объединяющее древнюю и современную письменность, они имеют право на наше уважение и благодарность. Мы черпаем из них нашу математику; и им же мы обязаны многими нашими астрономическими знаниями. Альмамун, получив щедрое вознаграждение, попытался привлечь к своей службе известного константинопольского математика; и Ибн Коррах обогатил запасы своей страны в этой области переводами Архимеда и конических уравнений Аполлония. Некоторые говорят, что при возрождении европейской литературы в пятнадцатом веке математическая наука находилась почти в том состоянии, в котором ее оставил Евклид; и справедливо прославленный Брукер утверждает, что арабы вообще не достигли прогресса в этой важнейшей отрасли знания; однако более поздние авторы, и особенно Монтусия, автор "Истории математики", отдали должное их исследованиям. Цифровые знаки, без которых наше изучение точных наук было бы почти напрасным, вне всякого сомнения, пришли к нам от арабов: не то чтобы они их изобрели — вероятно, первоначально это были слова, возможно, индуистские, выражающие величины, которые они соответственно представляют, но сокращенные и доведенные до их нынешней удобной формы последователями Пророка. Тригонометрия и алгебра в долгу перед их гениальностью. Синусы одной из этих наук вместо более древнего аккорда и представители величин в другой дошли до нас через арабов, если они сначала не изобрели их. Оригинальные работы по сферической тригонометрии относятся к числу произведений Ибн Мусы и Гебера, первый из которых считается изобретателем решения уравнений второй степени. В Лейденском университете до сих пор хранится рукописный трактат Омара ибн Ибрагима "Алгебра кубических уравнений"; и Касири, который сохранил и классифицировал рукописи 1851 года, даже после того, как пожар уничтожил великолепную коллекцию или Эскуриал, сообщает нам, что принципы и восхваления алгебраической науки были воспеты в сложном стихотворении

Алькасема, уроженца Гренады. Эти области знаний были изучены арабами еще в восьмом и девятом веках.

Астрономия, наука скотоводческого народа, особенно в регионах с почти безоблачным небом, таких как Восток, с большим рвением изучалась арабскими философами. Алмамун, о котором уже упоминалось ранее, был горячо предан этому делу: за его счет были предоставлены необходимые инструменты для наблюдений и составлен полный научный обзор. Земля, где много веков назад халдеи успешно изучали эту науку, находилась в его власти, и на ее обширных равнинах неоднократно измерялся градус окружности земли, чтобы определить, что вся окружность земного шара равна двадцати четырем тысячам миль. Наклон эклиптики они установили на уровне двадцати трех с половиной градусов: ежегодное движение точек равноденствия и продолжительность тропического года были приведены с очень небольшими погрешностями к точным наблюдениям нового времени, небольшая ошибка, которую они допустили, была результатом предпочтения, которое они отдавали системе Птолемея. Альбатани, или, как его имя было латинизировано, Альбатениус, в девятом веке, после продолжения своих наблюдений в течение сорока лет, составил таблицы, известные как сабейские таблицы, которые, хотя и не пользуются сейчас очень высокой репутацией из-за более точных расчетов, долгое время пользовались заслуженным уважением. Другие арабские астрономы оказали значительную услугу этой науке. Магометанство, в отличие от древнего язычества, не обожало звезды; но его последователи изучали их с усердием, без которого, возможно, Ньютон, Флемстед и Галлей почти напрасно наблюдали и вычисляли.

Архитектура была искусством, в котором арабы значительно преуспели; их широкое распространение давало им возможность владеть всем, что заслуживало внимания, а их огромные доходы предоставляли самые богатые средства для удовлетворения вкуса, призванного таким образом к проявлению. История арабской архитектуры насчитывает период примерно в восемь столетий, включая ее расцвет, прогресс и упадок: их строительные материалы в основном добывались из разрушенных сооружений и городов, попавших к ним в руки; и если они не придерживались какого-то определенного стиля, то это было потому, что они успешно изучили большинство известных тогда стилей. На их здания было потрачено очень мало внешнего искусства; все их усилия были потрачены на интерьер, где не жалели средств, которые могли бы способствовать роскошной непринужденности и личному комфорту. Их стены и потолки были богато украшены, и свет в основном пропускался таким образом, чтобы, исключая все внешние объекты, ограничить восхищение зрителя красотами, создаваемыми внутри. Должно быть, они были достаточно хорошо знакомы с искусством сохранения своих сооружений от разрушения. Их лепнина все еще может считаться твердой, как камень, без единой трещинки или изъяна: полы и потолки Альгамбры, древнего дворца Гренады, сравнительно не пострадали от небрежения и ветхости на протяжении почти семи столетий; в то время как их краска сохраняет свой цвет, настолько яркий и насыщенный, что иногда его принимают за перламутровый. Сэр Кристофер Рен заимствует готическую архитектуру у мусульман; а арка в виде полумесяца, символ одного из божеств, которым в древности поклонялись во всем языческом мире, впервые была перенята арабами Сирии и неизменно использовалась во всех зданиях, возведенных во времена господства Оммиадов. Последующая династия пришла в упадок, следуя этой модели; но во время правления дома Моавии в Испании ей подражали от Атлантики до Пиренеев.

Изящные искусства, живопись и скульптура не так сильно культивировались у ранних мусульман: считалось, что они влекут за собой нарушение божественного закона. В этом они были согласны с евреями. Впоследствии, однако, эти сомнения были постепенно преодолены; сначала был принят стиль украшения, получивший название арабеска, который отвергает фигуры людей и животных, а затем и скульптуру, более похожую на современную. В Альгамбре, или дворце в этом пригороде, были свои львы, изразцы с орнаментом и росписи. Абдалрахман III. поместил статую своей любимой любовницы над дворцом, который он возвел для ее проживания. Усердно культивировалась музыка. Поначалу, в пустыне, его напевы были грубыми и незатейливыми; впоследствии знатоков этого искусства так же ценили, почитали и вознаграждали, как поэтов при дворах арабских государей. Многие прославились своим мастерством в этом искусстве, особенно Исаак Альмусели. Аль-Фараби был прозван арабским Орфеем: своим удивительным владением лютней он мог вызвать смех, слезы или уснуть в свое удовольствие у слушателей. Он написал значительный труд о музыке, который сохранился в "Эскуриале". Абул Фараги также является известным среди мусульман писателем на эту тему. Им мы обязаны изобретением лютни, которую они считали более совершенной, чем любой другой инструмент; использование также многих наших современных инструментов, таких как орган, флейта, арфа, табор и мандолина, было обычным делом среди них. Некоторые говорят, что национальный инструмент шотландских горцев позаимствован у них.

Арабы были искусны во многих полезных искусствах современности, таких как сельское хозяйство, садоводство, металлургия и выделка кожи. Названия "Марокко" и "Кордован" до сих пор применяются в этом последнем виде искусства к коже, изготовленной по арабскому методу. Они производили и окрашивали шелк и хлопок, изготавливали бумагу, были знакомы с использованием пороха и претендуют на честь изобретения морского компаса. Но, возможно, нет такого искусства, в котором их знания были бы таким предметом любопытных исследований, как медицина. Их страна была целебной, их привычки простыми, а поблажки немногочисленными, так что больших возможностей для практического изучения этого искусства, по крайней мере у арабов более раннего времени, не представилось. Анатомия, за исключением анатомии животного мира, была недоступна для их изучения из-за предрассудков их веры; и все же они преуспели в медицинском мастерстве. Харет ибн Калдар, выдающийся практикующий, обосновавшийся в Мекке, был удостоен беседы и аплодисментов Мухаммеда. Хонаин был выдающимся арабским врачом в середине VI века; Мессуэ, знаменитый наставник Альмамуна, принадлежал к этой профессии; и множество других украшают ранние летописи сарацин. Аль Раги, или Уллагес, как его обычно называют, и Абдаллах ибн Сина, или Авиценна, - это имена, которым на протяжении веков профессора искусства врачевания по всей Европе оказывали почтение, хотя было бы нетрудно показать, что их доктрины и практика, должно быть, были чрезмерно абсурдными. Они вводили золото, серебро и драгоценные камни, чтобы очистить кровь.

Изобретателями химии, поскольку она относится к медицине, можно считать арабов; и ботанику, в той же связи, они культивировали с большим успехом. Гебер, живший в восьмом веке, известен как их главный химик; говорят, что он написал пятьсот томов, почти каждый из которых утрачен. Ранняя номенклатура науки указывает на то, сколь многим она обязана этому народу. Алкоголь, перегонный куб, щелочь, алудель и другие подобные термины, очевидно, арабского происхождения; не следует забывать и о том, что обозначения, используемые для обозначения лекарств, эссенций, экстрактов и микстур, импорт которых в настоящее время

почти полностью неизвестен (и которые, следовательно, наделены, по вульгарному мнению, оккультными способностями), все ведут к одному и тому же источнику.

Сейчас, возможно, невозможно точно оценить степень наших обязательств перед арабской литературой. Империя, столь широко раскинувшаяся, благодаря тому, что она поощряла переписку, должно быть, оказала благотворное влияние почти на каждую страну. Европейцы, независимо от того, находились ли они под его влиянием или только созерцали его на расстоянии, копировали или подражали этому примеру. Герберт, впоследствии занявший папское кресло как Сильвестр II, овладел арабским методом вычислений во время своих путешествий по Испании, предшествовавших его возвышению. Леонардо, пизанский купец, овладел тем же искусством в своих сношениях с мусульманами на побережье Африки; и благодаря ему оно было введено в его родной республике, откуда вскоре стало известно Западному миру. В городе Салернум, итальянском порту, мусульмане и христиане настолько перемешались, что незаметно познакомили итальянцев с сарацинской литературой, и в школах этого города учились ученики со всех концов Европы. Арабские книги по приказу Карла Великого были переведены на латынь для использования учеными людьми по всей его обширной империи; и, не преувеличивая заслуг последователей Пророка, можно признать, что мы в долгу перед ними за возрождение точных и физических наук, а также за многие из тех полезных искусств и изобретений, которые полностью изменили облик европейской литературы и все еще вносят вклад в цивилизацию, свободу и наилучшие интересы человека.

[1] Абульферадж, стр. 160.

ГЛАВА III.

Современное состояние мусульманства.—В Турции.—Доктрины, в которые там верили.—Формы их богослужения.—Очищения.—Молитва.—Мусульманская суббота.—Пост Рамадана.—Паломничество в Мекку.—Прозелитизм.—Мусульманская иерархия.—Исламизм в Татарии.—В Индостане.—В Китае.—В Персии.—В Африке.—На Индийском архипелаге.—Ириски.—Вахабиты.

Нынешнее состояние мусульманской веры с некоторым описанием положения, которое она занимает в мире, не будет сочтено неподходящей темой для заключительных страниц этого тома. Его приверженцы давно перестали сеять тревогу среди народов своим победоносным и опустошительным прогрессом; огонь его фанатизма почти угас; тем не менее, его доктрины преобладают над большим числом людей, чем любая другая система ложной религии: их исповедуют народы и в странах, удаленных друг от друга и не имеющих никакого другого взаимного сходства, кроме того, что связано с их общим суеверием. В Испании христианство действительно восторжествовало над исламизмом; а в негостеприимных регионах Сибири, части древней Татарии, его продвижение было несколько приостановлено; но в средней и нижней Азии, а также в Африке число последователей Мухаммеда увеличилось. Мы не можем точно определить количество ни мусульман, ни номинальных христиан; но, рассматривая религию географически, можно сказать, что в то время как христианство почти полностью доминирует в Европе, в Азии доминирующей верой является исламизм: в Америке крест быстро

становится символом веры на обоих ее обширных континентах; но в Африке полумесяц почти полностью исключает все другие эмблемы.

Именно в Турции магометанство существует в настоящее время в своей наиболее совершенной форме. Поэтому наше внимание в первую очередь должно быть направлено на эту страну.

Константинополь, в древности называвшийся Византией, и страны, над которыми правили греческие императоры, проживавшие в этом городе, были покорены могущественными багдадскими халифами, в то время как халифы Испании и Запада пытались распространить свои завоевания на самые прекрасные районы Европы. Положение Константинополя и окружающей империи было особенно открытым для восточных мусульман, чьи воинственные набеги были непрерывными. Татары из Азии захватили империю. Осман в начале XIII века заложил фундамент турецкого величия. Орчан, Амурати и Баязет, его преемники, в условиях как внешних, так и внутренних войн внесли большой вклад в его становление и расширение. Дети последнего из этих завоевателей своими противоестественными распрями привели империю в ужасное смятение, пока, наконец, младший из них, названный в честь Пророка, не восстановил ее целостность и не установил нечто вроде внутреннего спокойствия. При его внуке Мухаммеде II, которого Байль описывает как одного из величайших людей, зарегистрированных в истории, Морея была покорена, и греческая империя, так долго сотрясаемая внутренними раздорами и близкая к распаду из-за своей роскоши, была растоптана в пыль мусульманскими завоевателями. Константинополь, наконец, сдался их власти, и дворец для победителя был воздвигнут на том самом месте, которое Константин избрал для своей великолепной обители.

С этого времени и до правления Сулеймана Великолепного, которому турки обязаны своими законами и полицией, империя продолжала процветать, но сразу же после этого начался ее упадок. Литература и наука достигли лишь незначительного прогресса среди этого народа, а их султаны не обладали ни малейшей военной предприимчивостью и энергией своих ранних предшественников; тем не менее вера Мухаммеда сохранила и по сей день продолжает сохранять силу, которой она не пользуется почти ни в одной другой стране.

Турки обычно безоговорочно верят в два ведущих пункта мусульманского вероучения, что есть только один Бог и что Мухаммед - его Пророк; и поскольку, по мнению мусульман, простое согласие с этими доктринами включает в себя все, что ценно в религии, и за ним обязательно последует обладание небесами, немедленное или отдаленное, легко представить, что неверие будет чрезвычайно редким явлением. В религиозных вопросах сердце противостоит не столько тому, во что следует верить, сколько тому, что следует делать.

Время от времени возникали споры по незначительным пунктам их теологии, но в целом их можно считать улаженными. Предопределение - одна из главных догм, на которой вера турка так же твердо основана, как на самом важном пункте его вероучения. Фатализм был великим двигателем, использованным Мухаммедом при создании своей религии; и среди турок эта доктрина воспринимается как регулирующая их судьбу, контролирующая все события и определяющая результаты действий каждого отдельного человека; таким образом, лишая душу сил для великодушного и мужественного предприятия и навеивая летаргию на всю нацию. Во всем действия разума проверяются и даже заставляются ждать воображаемых проявлений Божества. Согласно вероучению турок, Богу не только все известно заранее, но и все предопределено и осуществляется его прямым и непосредственным действием.

Турок проникателен и мудр в своих обычных сделках: продвигая собственные интересы, он знает, как использовать силу своего ума, но, когда его настигают трудности или сомнения, он не прилагает никаких усилий. Он терпит, чтобы густая туча его несчастий оставалась над ним; его бедам подчиняются с угрюмым безразличием; он считает нечестивым противиться решениям Всевышнего. Ко всему прочему, такая доктрина является решительным и непобедимым врагом; однако при некоторых обстоятельствах у нее, по-видимому, есть свои преимущества. Страдает ли мусульманин от бедствий? Он ограблен или разорен? Он не бесплодно оплакивает свою судьбу. На все шепчущие предположения он отвечает: "Так было написано", и с самым неожиданным переходом от богатства к бедности он смиряется без вздоха. Приближение смерти не нарушает его спокойствия; он совершает омовение, повторяет молитвы, исповедует свою веру в Бога и его Пророка и, в последнем призыве к помощи любви, говорит своему ребенку: "Поверни мою голову в сторону Мекки", - и спокойно умирает.

Религия народа прослеживается в их устоявшихся и распространенных формах богослужения, и никто не проявляет к ним большего внимания, чем турки. Пренебрежение любой церемонией, предписываемой их религией, считается признаком либо низкого понимания, либо порочного характера. Повсюду соблюдаются общественные приличия, и хотя как моральные, так и религиозные предписания нарушаются безнаказанно и без угрызений совести, о них всегда говорят с большим уважением. Мусульманин никогда не стыдится защищать свою веру; и что касается его искренности и твердости, серьезность его отстаивания может быть принята за достаточное доказательство: он нередко прерывает ход беседы, повторяя свою религиозную формулу. В турецких городах путешественников постоянно встречают возгласами "Аллах Акбар"; а мусульмане, которых следовало бы считать набожными, повторяют божественное имя так часто, как будто благоговейные мысли обычно занимают их умы.

Мусульмане во всех странах, но особенно в Турции, постоянно и с большой строгостью проводят очищения. Их заявленная цель - сделать тело пригодным для благопристойного исполнения религиозных обязанностей; по их мнению, ни одно действие не является похвальным или приемлемым, если личность исполнителя не находится в состоянии чистоты. Некоторые думали, но без достаточных оснований, что эти внешние очищения, как полагают, заменяют внутреннее очищение сердца. Фонтаны, расположенные вокруг их мечетей, и многочисленные бани в каждом городе позволяют правоверным совершать свои пять ежедневных молитв, во время которых, если им случается получить загрязнение от чего-либо, случайно соприкасающегося с ними, их богослужения приостанавливаются до тех пор, пока неприятное неудобство не будет устранено водой или другими средствами.

В назначенный час маазины, или глашатаи, обратив лица к Мекке, закрыв глаза и воздев руки, расхаживают по маленьким галереям минаретов или башен мечетей и провозглашают на арабском, мусульманском языке благочестия, что настало время молитвы. Мгновенно каждый, каким бы ни было его звание или занятие, отдает себя этому. Государственные министры приостанавливают самые важные дела и prostираются ниц на полу; торговец забывает о своих делах и превращает свою лавку в место поклонения; а студент откладывает в сторону свои книги, чтобы обратиться к своим обычным молитвам. "Никогда не разочаровываться в своих молитвах" - это высшая награда, которую может получить турок; и подозрение в безбожии настолько пагубно, что даже распутники не осмеливаются пренебрегать указаниями маазинов.

Мечети, как и часовни в католических странах, всегда открыты, и в их стенах два-три раза в день возносятся молитвы. Часто отмечалось, что богослужения христиан могли бы приобрести нечто ценное благодаря серьезности, благопристойности и, по-видимому, интенсивному сосредоточению ума в турецком богослужении. Евреи ступали по своему святому месту босиком: турки, напротив, ходят в сапогах и туфлях. Христиане обнажают головы в молитве; мусульмане редко снимают свои тюрбаны; но в течение нескольких часов они могут оставаться распростертыми ниц или стоять в одной позе, как будто погруженные в самую глубокую абстракцию. У них нет ни алтарей, ни картин, ни статуй в местах поклонения. Стихи Корана, имена и личные описания их Пророка, Али и двух его сыновей, Хасана и Хосейна, а также других мусульманских святых иногда выбиты золотыми буквами на их стенах. Все различия в звании и профессии забываются, когда они молятся. Люди всех сословий при первых звуках привычного крика бросаются на землю и таким образом заявляют о своей вере в равенство человечества перед великим Отцом всего сущего.

У мусульман Турции есть суббота, для которой, как можно предположить, еврей или христианин послужил образцом. Пятница - их выходной день, который начинается накануне вечером, когда освещенные минареты и колоннады мечетей придают их городам праздничный вид. В полдень в пятницу все дела приостанавливаются, мечети заполняются, и назначенные должностные лица читают молитвы под аккомпанемент земных поклонов народа. Точно так же часто произносятся речи по практическим вопросам их теологии; и иногда, в пылу возбуждения, политическая коррупция и придворный разврат подвергаются яростным нападкам. Известно, что под влиянием этих бесед сладострастный султан отрывался от мягких удовольствий своего гарема и двора, чтобы вести своих воинственных подданных на войну и победу на равнинах их врагов. Как только публичные религиозные службы заканчиваются, все возвращается к своим обычным занятиям; однако этот день строго соблюдается всеми классами в порядке, установленном законом, поскольку общепринятым правилом является то, что тот, кто без законной причины не посещает публичные богослужения три пятницы подряд, отрекается от своей религии. Следует отметить, что молитвы турок состоят главным образом из поклонения, признания Божественных атрибутов и ничтожества человека, а также из почтения и благодарности Высшему Существу. Турок не должен молиться о бранных благах этой жизни; за исключением здоровья султана, процветания его страны и разделений и войн только среди христиан. Законным объектом молитвы они считают духовные дары и счастье в будущем состоянии бытия.

Ни один из их религиозных институтов не соблюдается турками так строго, как пост Рамадан. Тот, кто нарушает его, считается либо неверующим, либо вероотступником; и если два свидетеля подтвердят его проступок, считается, что он понес самое суровое наказание по закону. Предписано воздержание от пищи и даже от использования духов с восхода до заката солнца. Богатые проводят часы в размышлениях и молитвах, вельможи коротают свое время сном, но рабочий человек, занимающийся своим повседневным трудом, сильнее всего ощущает его суровость. "Когда месяц Рамадан приходится на конец сезона, предписанное воздержание становится почти невыносимым и более суровым, чем выполнение любого морального долга, даже для самых порочных и развращенных представителей человечества". Днем всякое движение приостанавливается, но вечером и до поздней ночи оно активно продолжается на улицах, в магазинах и на базарах, великолепно освещенных. От заката до восхода солнца здесь предаются разгулу и излишествам. Каждый вечер высокопоставленные придворные устраивают пир: сдержанность турецкого характера отбрасывается в сторону, а

друзья и родственники укрепляют свой союз взаимным общением. Роскошные банкеты и праздничное веселье повсеместны; и если бы женщины повсеместно не были исключены из-за стола мужчин, удовольствие от праздников с избытком компенсировало бы строгое самоотречение от их постов.

Паломничество в Мекку для турок - скорее вопрос формы, чем реальности. Его важность как части мусульманского ритуала признается и, по-видимому, ощущается, но число паломников ежегодно уменьшается. Султан, властвующий над страной, через которую должны проходить паломники, охраняет общественные пути, ведущие в почитаемый город; лучшим солдатам его империи поручено охранять караваны, которые иногда бывают многочисленными; но из его собственных подданных, собственно так называемых, их сопровождают сравнительно немногие; они состоят из приверженцев более отдаленных мест. Султан, без сомнения, поощряет паломничество как по коммерческим, так и по религиозным соображениям. В Коране определено, что смешивать торговлю и религию очень правильно: "Не будет для вас преступлением, - говорится в нем, - если вы будете добиваться приумножения от вашего Господа, торгуя во время паломничества". Соответственно, паломники из каждой страны привозят предметы, которые легко перевозить и готовые к продаже. Таким образом, продукция Индии находит свой путь в другие части Азии и по всей Африке. Муслин и ситец из Бенгалии и Декана, кашемировые шали, малабарский перец, бриллианты Голконды, жемчуг Килкау, корица с Цейлона и специи с Молуккских островов производятся для того, чтобы приносить пользу Османской империи, а роскошь ее подданных поддерживается пожертвованиями самых отдаленных стран.

Мусульмане наших дней, по крайней мере, в Турции, меньше стремятся обращать в свою веру, чем в прежние времена. Жители Индии и Африки, возможно, в какой-то степени все еще придерживаются мнения, что обращение неверных - это постановление Бога, и его должны соблюдать верующие во все века; но в Турции такого желания не испытывают, главным образом потому, что изощренная жестокость считает обращение мира недостойным их усилий. Время от времени набожный мусульманин, побуждаемый рвением или личной привязанностью, может вознести такую молитву за еврея или христианина: "Великий Боже, просвети этого неверного и милостиво склони его сердце принять твою святую религию"; и, возможно, к юноше, уважаемому за его таланты или знания, язык убеждения иногда может быть обращен с оттенком мягкости и учтивости; но усердие миссионера в таких случаях обычно подчиняется тому, что считается правилами хорошего тона, и неопределенный ответ или молчание расцениваются как оскорбление. указание на то, что тема неприятна и ее не следует продолжать. Мусульманин может молиться об обращении неверных, но до тех пор, пока они не обратятся, нельзя просить за них никакого благословения. "Их смерть вечна, зачем молиться за них?" - так звучит мусульманский символ веры: "не оскверняйте свои стопы, проходя по могилам людей, которые являются врагами Бога и его Пророка".

О мусульманской иерархии можно получить некоторое представление из той формы, которую она принимает в Турции. Коран считается сокровищем всех законов, божественных и человеческих, а халифы - хранителями этого сокровища; так что они одновременно являются понтификами, законодателями и судьями народа, и их должность объединяет в себе всю власть, будь то жреческая, королевская или судебная. Великому султану даются титулы, делающие его

наместником, или тенью Бога. Некоторые полномочия, которые принадлежат ему в этом величественном качестве, делегированы группе ученых мужей, называемых Улема. В этот орган включены три описания должностных лиц: служители религии, называемые имамами; толкователи закона, называемые муфтиями; и министры юстиции, называемые кади. Служители религии делятся на главных и низших, первые из которых принадлежат только к улеме. Оба класса состоят из шейхов, или обычных проповедников; хатибов, чтецов или дьяконов; имамов - титул, включающий тех, кто выполняет службу в мечети в обычные дни, и тех, к кому относятся церемонии обрезания, бракосочетания и погребения; мазинов, или глашатаев, которые объявляют часы молитвы; и кайунов, или обычных служителей мечети. Идея этой классификации была, возможно, позаимствована у моисеева священства; хатибом был Аарон, а следующие четыре - несколько категорий левитов с их слугами или помощниками. В императорских храмах есть один шейх, один хатиб, от двух до четырех имамов, двенадцать мазинов и двадцать каюнов, среди которых, за исключением нескольких главных мечетей Константинополя, хатибы имеют первостепенное значение. Все эти служители подчиняются гражданскому судье, который рассматривается как своего рода диоцез и который может в любое время выполнять все священнические функции. Служители религии неотличимы от других людей; они вращаются в одном обществе, занимаются похожими делами и проявляют не больший аскетизм, чем характерно для поведения мусульман в целом. Их влияние полностью зависит от их репутации учености и талантов, серьезности и правильного морального поведения; их занятие, по большей части, очень простое, например, громкое пение на государственной службе и выполнение тех обязанностей, которые может выполнять каждый глава семьи. Поскольку мусульманство не признает жертвоприношений, оно не назначает священников; обязанности, выполняемые служителями религии, по-видимому, возложены на них скорее для удобства, чем из-за какой-либо святости, присущей их ордену.

Обширная страна, которой было дано общее название Татария, - это та, откуда магометанство распространилось на Восток, Запад и Юг. В Тибете Великий лама и различные национальные идолы разделяют империю с Пророком; а в негостеприимных регионах Сибири церкви Греции и России успешно проповедуют христианские доктрины; в то время как черкесы и некоторые другие татарские расы почти лишены религии. В Крыму живут мусульмане, такие же строгие и преданные, как турки; и над обширным пространством, называемым современными географами Независимой Татарией, торжествующе колыхается полумесяц. Из этих регионов возникли в более ранние эпохи мусульманских завоеваний те обширные империи, которые на Востоке объединяют столь большое число приверженцев исламской веры. Первый правитель этой страны, которому в начале десятого века был присвоен титул султана, провел несколько экспедиций в Индостан и заручился почтением многих городов. Древнее индийское суеверие было в значительной степени опровергнуто его победоносным оружием. Последовали долгие и ожесточенные распри: князья покоренных провинций, часто отказываясь от своей вынужденной верности, пытались вернуть себе независимость и восстановить свою древнюю веру, пока, наконец, великий Тимурлан, наводнив страну со своими легионами, не получил в Агре титул императора Индостана. Однако едва прошло два с половиной столетия, как его преемники, в свою очередь, попали под власть персов; и созданная им империя была ослаблена и в конечном счете разрушена. В результате этих завоеваний магометанство в значительной степени преобладало, но скорее номинально, чем реально, среди миллионов жителей Индии: это была религия двора и правительства; но то ли из-за безразличия, то ли из-за робости мусульманских завоевателей древние идолы все еще сохраняли большое влияние и

в конце концов были постепенно восстановлены. В двенадцатом веке Бенарес, древнее средоточие брахманической учености и индуистского идолопоклонства, попал в руки завоевателя, который уничтожил его многочисленные объекты народного поклонения. Тем не менее, вскоре после этого религиозный характер этого места был восстановлен, и разрушенные идолы были заменены другими, к которым прибегали с таким же рвением, как и к их предшественникам. Миллионы жителей Индии считали паломничество в эту священную столицу императивным приказом и такой же необходимостью, каким было посещение мусульман Мекки; и слабость или политика его мусульманских завоевателей ненадолго лишили их этой ценной привилегии; управление городом было вверено индусам, и их завоеватели, в расцвете своего фанатизма, гордости и могущества, никогда не думали о том, чтобы позволить своим собственным магистратам осуществлять власть в его стенах. Таким образом, магометанство - это религия не древних жителей Индии, а потомков миллионов татар, персов и арабов, которые в разные периоды покидали свои родные места, чтобы приобщиться к богатствам этих широко известных равнин. Северная и северо-западная части заполнены ими, и оттуда они разбрелись по всей этой обширной стране. Возможно, сейчас их число достигает почти двадцати миллионов, среди которых, однако, хотя они в основном иностранного происхождения, много обращенных из индуизма. Они образуют отдельные общины, объединяющиеся в некоторых частях страны, и живут настолько дружно с индуистами, насколько позволяют различия в их вероисповеданиях. Индуистские князья время от времени совершали богослужения в мусульманских святынях и соблюдали их праздники; в то время как мусульмане несколько смягчили строгость своих обрядов и проявили склонность соответствовать, насколько это возможно, своим соседям-индуистам. Около пяти столетий назад борахи, народ, некогда населявший королевство Гузерат, *в массовом порядке* обратились в исламизм. Арабские торговцы на берегах Малабара всегда были чрезвычайно серьезны в своих усилиях обратить местных жителей, в чем им во многом помогала легкость, с которой им разрешалось покупать детей беднейших классов, обучать их принципам своей веры, а также то, как часто жители этих районов теряют кастовую принадлежность. Этот символ индуистской веры часто утрачивается людьми, смешивающимися с выходцами из других стран, и когда он теряется, они легко становятся мусульманами.

Утверждалось, что коренные жители Индии абсолютно неизменны в своих священных, домашних и политических институтах, и, на первый взгляд, может показаться, что многое подтверждает такое мнение; но история многих из них, и особенно сикхов, населяющих провинции Пенджаб, между реками Джамна и Инд, может рассматриваться как доказательство обратного. Тем не менее, в религии сикхов смешаны мусульманская басня и индуистский абсурд; ее основатель хотел объединить обе эти распространенные системы в одну. Он получил образование в той части страны, где эти две религии, казалось, соприкасались, если не смешивались, и ему была не чужда жестокая вражда, существующая между их соответствующими исповедующими; поэтому он стремился объединить противоречивые элементы обеих религий в мирном союзе. От индуса требовалось отказаться от своих идолов и поклоняться единому Верховному Божеству, которое признавала его религия; в то время как мусульманин должен был воздерживаться от таких обычаев (особенно от убийства коров), которые были оскорбительны для суеверий индусов. Этот план возобладал настолько, что, не признавая Пророка, сикхи стали скорее мусульманами, чем индуистами; и хотя среди них не признаются институты Брахмы, они оскорбляют и преследуют истинных мусульман более яростно и жестоко, чем любой другой народ. Они заставляют их есть то, что запрещено их

законом; животных, которых они считают нечистыми, часто бросают в места их публичных собраний, и им запрещено объявлять час молитвы для верующих.

Китай - одна из тех стран, в которые мусульманство было принесено ордами Татари. Из-за скрупулезной ревности, с которой эта обширная империя охраняется от наблюдения, трудно сказать, до какой степени мусульманская вера или, более того, любая другая преобладает среди ее бесчисленных жителей; но, вне всякого сомнения, к ней относятся терпимо.

Вторжение сарацин в Китай при Валиде вряд ли можно назвать завоеванием. Впоследствии преемники Ченгисхана воссели на пекинский трон и открыли страну для общения со всеми народами. Арабские торговцы посещали порты и города на юге Китая; и теперь, когда доступ в столицу был беспрепятственным, множество их направлялось туда. Они овладели языком, переняли одежду и манеры местных жителей, которым также оказали ценную помощь в корректировке их летоисчисления и проведении необходимых вычислений для их календаря. Общение с китайцами вызвало у мусульман желание осуществить свое обращение, средства, принятые для этого, были одновременно мудрыми и гуманными. Брошенных детей брали под свою защиту и воспитывали в исламе; в то время как другими способами они стремились вызвать к себе доверие, а свою религию - уважение, облегчая страдания, вызванные жестоким суеверием. Мусульмане Китая, по-видимому, разделяют мягкий и спокойный характер местных жителей в целом, и поэтому их терпят; хотя были некоторые исключения из этого восхваления. Около шестидесяти лет назад они сыграли важную роль в организации неудачного восстания, и император Кьен Лун, подавив его, приказал предать смерти сто тысяч из них.

Персия с самого начала была почти полностью мусульманской страной. После его завоевания сарацинами религия Зороастра, которая до тех пор преобладала, была почти упразднена. Те, кто упорствовал в сохранении его, были вынуждены бежать в горы или в западные районы Индии, где все еще сохранились их старые формы поклонения. В спорах, возникших после смерти Мухаммеда по поводу халифата, персы поддержали Али, зятя Пророка, и до сих пор чтят его память. "Пусть эта стрела попадет в сердце Омара" - частое выражение среди них при натягивании лука; и не так давно, когда мистер Малькольм во время своих путешествий по Персии восхвалял Омара, противника Али, как величайшего из халифов, перс, пораженный справедливостью его наблюдений, но все еще придерживающийся своих укоренившихся предрассудков, ответил: "Все это совершенно верно, но, в конце концов, он был собакой".

Здесь мусульманство существует в менее строгой форме, чем в Турции. Его церемонии соблюдают те, кто мало расположен следовать его моральному кодексу: они произносят свои молитвы в назначенное время и демонстрируют набожность, чтобы их не заподозрили в безбожии; но людей, как правило, мало волнует паломничество в Мекку и другие вопросы, которым в Коране уделяется большое внимание. Они предпочитают обратиться к могиле Али и к могиле его сына Хосейна, чье имя почитается среди них с чувством, близким к обожанию.

В Африке мусульманство очень широко распространилось. Алжир, Тунис, Триполи, все северные части этого континента признают его влияние. Из Аравии и Египта она распространилась на запад и юг почти до великих рек. Это общепризнанная религия Марокко; а в Западной Берберии и нескольких королевствах внутренних районов говорят на арабском языке, верят в Коран, и Пророку почти поклоняются. Сенегал, вплоть до небольшого мавританского государства Гедума, является линией разделения между мусульманами и неграми: отсюда линия проходит на восток от севера, через Нигрию и Нубию к Нилу. Однако

пока что это лишь нечетко обозначено, поскольку сомнительно, является ли Тимбукту мусульманским или негритянским городом. Дворы Борну и Кассины исповедуют ислам, но большинство их подданных - язычники. Исламизм на этих обширных территориях находится в чрезвычайно деградированном состоянии по сравнению либо с его первоначальным развитием в Аравийской пустыне, либо с тем, что сейчас происходит в Турции. Говорят, что сохранился лишь его исключительный дух преследования: восточные просветления почти неизвестны, мусульманским воздержанием пренебрегают, а великое учение о единстве Бога смешивается с политеизмом коренных жителей или вытесняется им. Мусульманин более развращен, чем язычник; так что, хотя путешественники часто упоминают о гостеприимстве, которое они получали от последних, первые постоянно оскорбляли и раздражали их из-за их религии. Ни в одной части мира вера Пророка не принимает столь устрашающего облика, как в Африке.

Регион, из которого впервые возникло мусульманство, не остался во всех отношениях верным заветам Пророка. В Мекке и Медине, действительно, его имя и система пользуются глубочайшим почитанием; и неудивительно, поскольку оба этих города в основном поддерживаются суеверными обрядами, предписанными Кораном; но бедуины столь же распущенны в своей религии, как и в своей политике и привычках. На турецких границах они поддерживают видимость уважения к имени Пророка и его доктринам; но в ответ на все упреки в их неверности они говорят словами, достойными более образованной и цивилизованной расы: "Религия Мухаммеда никогда не могла быть предназначена для нас. У нас нет воды в пустыне. Как же тогда мы можем совершить предписанные омовения? У нас нет денег. Как же тогда мы можем подавать милостыню? Пост в Рамадан - бесполезная заповедь для людей, которые постятся круглый год; и, если Бог повсюду, почему мы должны ехать в Мекку, чтобы поклоняться ему?"

Из самой южной части Индостана мусульманство проникло на Малайский полуостров; на Суматру, Яву, Борнео, Манильские острова и Целебесские острова: Горам, один из островов Пряностей, является его восточной границей. Во внутренних районах этих островов он распространен меньше, чем на побережье. В эти отдаленные регионы исламизм был принесен скорее коммерческими, чем военными усилиями его приверженцев. Каково его нынешнее состояние там, точно установить трудно, а возможно, и невозможно. На Яве это была устоявшаяся религия, но когда голландцы заселили этот остров в начале семнадцатого века, многие туземцы обратились в христианство. Современные яванцы мало уважают ни свое древнее язычество, ни пришедшее ему на смену мусульманство; хотя некоторые формы последнего все еще действуют, и говорят, что его институты набирают силу.

Читатель истории Ислама встретится с терминами "Суффи" и "вахаби", обозначающими определенные группы последователей религии Пророка. Поэтому не будет неуместным закончить кратким описанием этих соответствующих сект.

Суффи - термин, родившийся в Персии и означающий энтузиастов, мистиков или лиц, отличающихся необычайной святостью. Цель Суффи - достичь божественного блаженства, которое он описывает как состоящее в погружении в сущность Божества. Душа, согласно его учению, есть эманация Бога, разделяющая его природу; точно так же, как лучи света являются эманациями солнца и имеют ту же природу, что и источник, из которого они берутся. Творение и Творец состоят из одной субстанции. Никто не может стать Суффи, не соблюдая строго

установленной религии и не практикуя все социальные добродетели; и когда, таким образом, он приобрел привычку к набожности, он может обменять то, что они считают практичным, на духовное богослужение и отказаться от соблюдения всех религиозных форм и церемоний. В конце концов он обретает вдохновение, приходит к истине, сбрасывает свою телесную завесу и снова сливается с той великолепной сущностью, от которой он был частично и на время отделен. Жизнь суффеев Персии, хотя в целом и аскетична, не становится несчастной, как у дальновидных приверженцев индуизма, из-за практики ужасной суровости, их самые знаменитые учителя славились знанием и преданностью. Персы - поэтический народ, и сам гений суффизма - это поэзия. Его восторги - это восторги вдохновения; его надежды - надежды высокочувствительного и возбужденного воображения; его авторы в самых сладостных выражениях воспевают Божественную любовь, которая пронизывает всю природу: все, от самого высокого до самого низкого, ищет и стремится к единению с Божеством как объектом своего высшего желания. Они прививают терпимость, воздержанность и всеобщую благожелательность. Они безоговорочные приверженцы предопределения. Они говорят, что исходящий принцип, или душа, исходящая от Бога, ничего не может сделать без его воли и не отказываться делать то, к чему он побуждает. Следовательно, некоторые из них отрицают существование зла, и доктрина о наградах и наказаниях заменяется их идеей повторного поглощения Божественной сущностью. Свободные мнения этого класса энтузиастов ниспровергают доктрины исламизма, однако они проявляют к ним внешнее уважение; они подрывают существующую веру, не предлагая внятной замены; они признают божественную миссию Пророка, но отвергают догмы, которые он высказал; и хотя они делают вид, что воздают ему почести как личности, воздвигнутой Богом для наведения нравственного порядка в мире, они хвастаются своим прямым и фамильярным общением с Божеством и требуют, по этой причине, безоговорочного повиновения во всем, что касается духовных интересов.

Сходство суффеизма с древними пифагорейскими и платоновскими доктринами придет в голову каждому, кто хоть сколько-нибудь знаком с религией и философией античности. Это так же близко напоминает некоторые из отличительных догматов брахманической веры. Фактически, кажется, что это было задумано в сочетании с утонченной теологией древних и возвышенными представлениями современных идолопоклонников, чтобы научить нас тому, что без Божественного руководства самые возвышенные человеческие представления о предметах, связанных с Богом и религией, неизменно ошибочны; невежественные и просвещенные одинаково неправы; "мир мудростью не познал Бога".

Вахабиты - современная секта мусульманских реформаторов, чьи усилия значительно изменили аспект религии Пророка. Возможно, им во многом обязана та жесткая приверженность мусульманской доктрине и практике, которая преобладает в тех краях, где ощущалось их влияние. Это последователи Абдола Вахаба, который начал свою карьеру в регионе, где при жизни Пророка Мосейлама угрожал значительным расколом среди его последователей. Вахаб был амбициозным фанатиком, который, тем не менее, стремился реформировать национальную религию. Ему помогали могущественные князья провинции Неджед; и за короткое время догматы, которых он придерживался, распространились по всему полуострову. Его основополагающим принципом, как и у Мухаммеда, было единство Бога. Коран он считал божественным, отвергая все приукрашивания, которые невежество и безумное увлечение наложили на него, и с крайним презрением относясь ко всем традициям и сказаниям, касающимся его автора, которые с нетерпением принимали правоверные всех поколений. Он осуждал почтение, близкое к обожанию, которое арабы обычно оказывали имени Мухаммеда,

все посещения его могилы и всякое отношение к гробницам и мощам арабских святых; а дорогие украшения, которыми ошибочное благочестие обогатило эти священные места, он считал пригодными для обычных целей. Вахаб не допустил бы, чтобы среди его последователей использовалась обычная клятва Мухаммеда или Али на том очень рациональном основании, что клятва - это обращение к свидетелю наших тайных мыслей, а кто может знать их, кроме Бога? Титул Господа, обычно присваиваемый Пророку его последователями, Вахаб отверг как нечестивый. Этот ревностный реформатор и его приверженцы обычно называли его простым именем, без добавления "наш Господь, Пророк Божий". Все, кто в какой-либо степени отклонялся от ясного смысла Корана, будь то в вере или на практике, были в своем почете неверующими, против которых, следовательно, в соответствии с его указаниями, могла быть развязана война. Таким образом, воинственный дух первых сарацин был снова приведен в действие; и с пылом, характерным для дней непосредственных преемников Пророка, они были готовы немедленно атаковать совесть и имущество людей не совсем их собственной веры.

По призыву своего лидера они сначала собрались на равнине Драайя, примерно в 400 милях к востоку от Медины, вооруженные и обеспеченные за свой счет средствами для ведения войны. Багдад и Мекка тщетно пытались подавить их; сам сераль наполнился их грозным боевым кличем; султан задрожал на своем троне, и караваны из Сирии приостановили свои обычные рейсы. Имперский город пострадал от их опустошительных действий в отношении своих обычных запасов кофе; и ужас перед их именем широко распространился среди набожных мусульман всех стран, ибо они осквернили святыни святых и сравняли с землей часовни в Мекке, которые были посвящены памяти Пророка и его семьи. Однако в начале нынешнего столетия турецкая армия отвоевала у них Мекку, и чума с оспой, вспыхнувшие как раз в это время среди последователей Вахаба, вероятно, спасли могучую структуру исламизма. Однако эти неудачи не охладили пыл вахабитов. Их лидер был убит, но его сын, уже отличавшийся благоразумием и доблестью, сменил его на посту командующего. Медина оказалась под его властью, и оттуда до Персидского залива он, казалось, мог править верховным лордом. В 1805 году он смог обложить тяжелым налогом караван паломников, следовавший из Дамаска в Святой Город, и объявил, что отныне он должен состоять только из паломников, без гордости и помпезности религиозной процессии. Вскоре после этого они снова вошли в Мекку и немедленно пригрозили уничтожить все священные реликвии; но они не привели свои угрозы в исполнение. С тех пор между ними и ортодоксальными мусульманами произошли различные конфликты, общим результатом которых стало сломенение воинственного и фанатичного духа вахабитов и восстановление власти великого султана в городах и округах, где она была поставлена под угрозу. Действительно, их по-прежнему боятся как грабителей, но их усилия не привели к большим национальным потрясениям.

Некоторые авторы сожалеют о подавлении этой некогда могущественной секты мусульман, полагая, что, если бы это продолжалось, они сыграли бы важную роль в ниспровержении мусульманской веры и освобождении места более чистой религии; но что касается нас самих, то мы не видим особых причин для таких сожалений. Не следует считать, что ваххабиты более благосклонны к чистой вере, чем те, кем они были свергнуты. Если их и следует считать реформаторами, то они лишь попытались исправить несколько абсурдных и скандальных практик: нечестивые и отвратительные догмы Корана они оставили нетронутыми; или, если они и коснулись их, то только для того, чтобы обеспечить их соблюдение с большей строгостью. Их вероучение было еще более кровавым и нетерпимым, чем у древних мусульман, и, вероятно, сохранение их власти было бы не чем иным, как продолжением несправедливости,

жестокости и преследований. Мы не стремимся к свержению мусульманства такими средствами. Одна система заблуждений может иногда разрушать другую, но чистая вера, которая благословляет несчастный мир, направляя людей по пути безопасности, знания и счастья, будет распространяться только по мере распространения священной книги и по мере того, как ее сопровождает святое влияние от Бога, благодаря которому озаряется разум и обновляется сердце. Фанатизм не является вспомогательным элементом библейской религии; он не прокладывает ей путь и не ускоряет ее прогресс. Насилие и война полностью отвергаются этой божественной системой как чуждые ее духу и характеру. "Мое царство, - говорит его основатель, - не от мира сего: если бы мое царство было от мира сего, тогда мои слуги сражались бы; но теперь мое царство не отсюда".

КОНЕЦ.

Окончание проекта "История мавров Испании" Гутенберга, М. Флориана